В.С. КУЗНЕЦОВ

АМУРСАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

В. С. КУЗНЕЦОВ

АМУРСАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1980

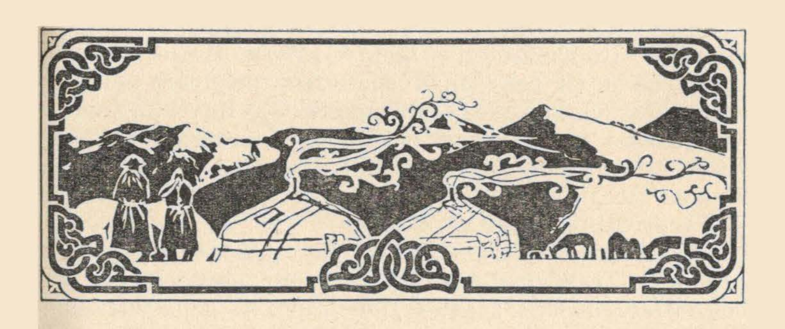
Кузнецов В. С. Амурсана.— Новосибирск: Наука, 1980.

Работа посвящена национальному герою монгольского народа, крупному политическому деятелю XVIII века — Амурсане. В середине XVIII века правившая Китаем маньчжурская династия Цин резко активизировала свою экспансионистскую внешнюю политику в отношении населявших западную часть Центральной Азии монголов-ойратов. Используя в своих интересах межплеменные усобицы и распри, маньчжуро-китайцы предприняли вооруженную агрессию против Джунгарского ханства и в конце концов уничтожили его. Многими легендами и преданиями овеяно имя Амурсаны, активно боровшегося за независимость монголов. Автор воскрешает страницы жизни Амурсаны и его участие в драматических событиях той эпохи.

Книга представляет интерес как для специалистов-историков, так и для самого широкого круга читателей.

Ответственный редактор
доктор исторических наук **В. Е. Ларичев**

К $\frac{10608-260}{054(02)-80}$ 60.80.0504000000.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что-то необычное происходило под осень 1745 года в окрестных горах, отрогах Боро-Хоро. Архары, что с конца лета уходили со скудных травостоями склонов в горные выси, где вдоволь было корма, почему-то изменили своему многолетнему обычаю. Целыми стадами они покидали обжитые места. Участились обвалы в горах. Тревожно заговорили ущелья, дремавшие дотоле под монотонное звучание ручьев. Металось эхо. Свои давно обжитые места покидали змеи. Целыми полчищами с шелестом и шипеньем они стремительно ползли из родных падей.

Тревожно переговаривались люди в ойратских улусах: «К чему бы все это?» — «Знать не к добру»,— удрученно качали головами старики...

Какие еще беды могли ждать людей «дэрбэн-ойрат»? Их они уже и так хлебнули полной чашей. От союза четырех племен осталось лишь одно название. Он обескровился в беспрестанных внутренних распрях. Презрев узы родства, пренебрегая судьбами страны и собственных потомков, князья водили бесконечный хоровод с одним припевом: «А я сам по себе. Никому не поддамся!» Ни в чем не хотели уступить друг другу, норовили захватить пастбища побольше, не считаясь с ранее положенным уговором, кому где пасти свои стада. А для ойрата все богатство в скоте. И тем его больше, чем лучше и обширнее пастбища. Сила же князя в его табунах заключалась.

В этой круговерти борьбы за власть род шел на род, улус на улус, племя на племя. Не все, однако, выдер-

живали. Кто послабее, сходил с круга. Иные искали прибежища во владениях заклятых недругов — маньчжурских богдыханов, правивших в Китае. Другие укрывались у казахских султанов, с которыми у ойратских хунтайджи[1] была давняя взаимная вражда. Никак не могли поделить землю для кочевания, власти над торговыми путями.

Хунтайджи Галдан-Цэрэну еще удавалось кое-как подавлять самостийные устремления ойратских князей. Шатающееся здание Джунгарской державы еще поддерживали его железная рука и незаурядные способности правителя. Благодаря его искусству полководца и дипломата престиж Джунгарского ханства оставался высоким. Последняя война с империей Цин, хотя и не принесла Галдан-Цэрэну победы, но и заставила с ним считаться: маньчжуры тоже были вынуждены отступить. Заключив мирный договор с Пекином, Галдан-Цэрэн крепко приструнил казахских султанов, которые, воспользовавшись войной ойратов с цинами, поспешили пройтись по беззащитным ойратским улусам. За добытую там поживу казахи потом заплатили высокую цену.

Однако почти беспрерывные внутренние и внешние войны истощили и само Джунгарское государство. Поубавилось людей, пооскудели табуны коней и гурты скота. Да и сам владетель Галдан-Цэрэн сильно сдал. Словно не вынес всех тягот, выпавших на его долю, и бремени власти. Пользовали его знахари заговорами да травами. Ничего не помогало. Из далекого Тибета был приглашен ученый лекарь, но и он оказался бессилен против недуга, одолевавшего хунтайджи. А те необычные переселения горных козлов и гадов в конце лета истолковались как недоброе предзнаменование для хозяина урги[2]. «Покинет скоро он свой дворец». Эти слова словно повисли в воздухе, как и запах курений в молельной, они читались на лицах обитателей и посетителей дворца.

Сам хунтайджи, видно, тоже чувствовал, что конец его близок. По его зову явились в ургу князья и зайсаны[3] из разных мест. Галдан-Цэрэн вышел к ним, стараясь держаться строго и прямо. Но осунувшееся лицо и глубоко запавшие глаза говорили сами за себя: это уже не тот хунтайджи, что прежде. Однако

внушал он к себе еще почтение и страх: «Объявлю вам свою последнюю волю». От этих слов, сказанных ровно и спокойно, замерли присутствующие. «Наследовать мне будет сын мой, Цэван-Доржи-Аджа-Намжил». Галдан-Цэрэн обвел присутствовавших взглядом, словно спрашивая мнения, а затем молча вышел.

Три дня спустя Галдан-Цэрэн, безмолвный и неподвижный, покинул ургу. Протяжно хрипели трубы на тризне по усопшему. Их звуки долетали до строений ханского дворца как последний наказ оставшимся блюсти его честь и славу.

Лишь приличествующим случаю звуком, однако, прозвучал этот наказ. Не стало в урге прежнего чинного уклада, приличествующего ханскому жилищу. Двор его оглашал предсмертный собачий вой. Так тешился юный хунтайджи Цэван-Доржи-Аджа-Намжил. Убивать собак было его любимым занятием. Видно, сладкой музыкой для него звучал вой издыхающей собаки. Хоть и мал был годами, 13 едва стукнуло, как унаследовал трон, а быстро вошел во вкус власти. «Так я хочу!» — кричал, топая ногами, на старшую сестру Улам-Баир, когда та пыталась его урезонить. С возрастом в разум не входил. Кроме беспутств и не знал иных забав. Собачьих голов стало мало. Из-за его каприза да чужого навета, случалось, летели головы у князей и зайсанов. «Сестрицы берегись,— нашептывали недоброжелатели,— она с супругом своим, Сайн-Белеком, норовит тебя власти лишить». Слова эти распаляли дурную кровь, и хан в исступленной ярости сжимал кулаки: «Не бывать тебе ханшей, сестрица!»

Как только 17 лет минуло, почувствовал Цэван-Доржи-Аджа-Намжил себя совсем взрослым: «Буду править сам, ничьей опеки мне не нужно». Улам-Баир распорядился из дворцовых покоев перевести в темницу. Оттуда она и не вышла. Показалось этого мало. Для острастки поснимал головы многим знатным лицам. Только всех не устрашил. «Сегодня этому снес голову, а завтра чей черед? — тревожно думал тогда не один князь и зайсан.— Наверное, лучше самим упредить». «Уж если сестру единоутробную не пощадил,— горячо поддерживал недовольных Сайн-Белек,— так чего тогда от него ждать? Кончать его надо!» Что затаил глубоко обиду из-за жены, виду моло-

дому хану не подал. Смирение выразил. Поверил, видно, в него Цэван-Доржи-Аджа-Намжил. Поэтому да еще из-за всем известного ратного дарования не тронул хан Сайн-Белека.

Самодовольно расхаживал по дворцу молодой хан. Тех, кто ему хоть в чем-то перечил, он уничтожал. А до остальных ему не было дела. Не мешают и ладно. Сестра норовила, чтобы он делал все, как ей угодно. Вот и получила свое. Ну, а прочие родственники, братья по отцу, ничем не докучают, к трону не лезут, ну и пусть их. Цэван-Даши на своей половине игрушками забавляется. Едва 10 лет стукнуло. А тот, Лама-Даржа, и лица не кажет. Читает себе толстые книги да четки перебирает.

Не по доброй воле делал это Лама-Даржа. Без него все было предрешено. И волею отца, и подлым происхождением. Мать не женой Галдан-Цэрэну была, а наложницей. По старшинству быть бы ему, Лама-Дарже, наследником престола, если бы не мать-наложница. Он не клял ее, родителей ведь не выбирают. Сколько он себя помнит в младенческие годы, не было никого, кто бы так ласкал и утешал его, как мать. Никогда она не роптала на свою судьбу, хотя попала в ургу не по своей воле. Уроженку далекой страны сторговал на невольничьем рынке в Ташкенте бухарский купец, а потом перепродал Галдан-Цэрэну. Силой привели ее к нему на ложе. Она внешне покорилась, но не душой. Сын натурой вышел в нее. Смиренный, благочестивый, к решению дел державных как будто безразличный. В душе же одну мысль вынашивал — о троне. Пока же затаился в тиши покоев, своего часа выжидал.

Наконец, настал час, который жизнь ламы переменил. И приблизил его не песок в часах бездушных, а сам хунтайджи-сумасброд расправами своими над дворянством. Не осталось, пожалуй, таких, кто бы сохранил хану верность. «Нечего больше ждать,— не таясь, говорил Сайн-Белек.— Иначе всех изведет нас». Слова эти звучали в самой урге. Но до Аджа-хана не доходили: стена ненависти и отчуждения вокруг него не пропускала. Заглушила она и последний окрик хана-самодура. «Кто звал?!» — накинулся он было, когда в покой вошел Сайн-Белек и с ним еще кое-кто. Ответа уже не расслышал...

Убрали с трона Аджа-хана. Кто править будет? — задумались неродовитые дворяне, что участь Аджа-хана предрешили. Лама-Даржа. Он нам угоден. Тих и кроток. Желаниям нашим противиться не станет.

Но не хотели этого блюстители порядка: «Не потерпим над собой наложницы сына! Трон не его, а Чеван-Даши». Расчет противной партии был прост: пока этот юнец возмужает, вершить делами будут они.

Иначе мыслил сын наложницы. Уже не просто Лама-Даржа, а Эрдэни-Лама-Батур-хунтайджи. Государь. Рука у него оказалась твердой. Был брат Чеван-Даши, и не стало его. А многие из тех, кто громче всех орал, мечом бряцая, отстаивая права Чеван-Даши, умолкли навсегда. Только не всех удалось истребить. Те, кто был похитрее, когда новый хан показал свой норов, постарались быть подальше от урги.

Лама-Даржа воскрешал в памяти имена и лица своих противников. Проведя все свои годы при дворе, не бросаясь в глаза другим, он приглядывался и запоминал. В памяти откладывались не только священные заповеди, но и живые люди, их разговоры. И сразу вспомнился Амурсана. Сын двух отцов и внук по матери Цэван-Рабдана, государя. «Его, Цэван-Рабдана, родитель мой на троне заменил».

Прикрыв веками глаза, Лама-Даржа мысленно представлял себе, каков он этот Амурсана: годами молод, двадцатую весну едва переступил, рослый, статный. Частенько в урге жил, с Аджа-ханом даже ладил. А тут за сопляка Чеван-Даши вступился: «Нам чувство крови так велит». Лицо Лама-Даржи передернула злая гримаса. Тоже мне, кровный родственник у Чеван-Даши нашелся. Чеван-Даши по отцу чорос, как и все хунтайджи, а Амурсана кто? Мать его, Ботлок, сама, наверное, не знает. Первым ее мужем был хошот Даньчжун, сын кукунорского Ладзан-хана. Даньчжуна, зятя своего, Цэван-Рабдан велел живого сжечь. После того Ботлок, не долго вдовствуя, женою хойтского тайджи Вэйчжэн-Хэшоци вскоре стала. А уж тяжелая, как говорят была, когда повторно замуж выходила. И потому не в срок у Вэйчжэн-Хэшоци сын родился. Об этом всем известно. Таков по происхождению Амурсана. Хитер, как лис, и смел, но голову безрассудно под меч совать не станет. Где он сейчас?

Бежал в свои кочевья. Только все равно руки моей ему не миновать. Да и дружку его Дабачи тоже. Хотя по тупости своей Дабачи не так и страшен мне, и голоса против меня не подавал, но все же племянником родителю доводится. А потому права на трон имеет. Если сам он своим умом и не дойдет домогаться власти, то другие надоумить его могут. Лучше уж немедля и с ним покончить.

* *
*

Дабачи благодушествовал возле блюда с мясом. Амурсана от угощения отказался.

— Не время сейчас объедаться. Кончай все это. Уходить надо сейчас же,— набросился он на Дабачи.

Тот недоуменно уставился на него:

— Стряслось что?

— Толковать тут много нечего,— торопливо заговорил Амурсана.— Всем смерть нам будет от Лама-Даржи. Родственников своего отца он всех искореняет, чтобы трон свой укрепить. Перед ним сейчас не устоять нам. Одно остается — бежать.

— Куда же?

— Помыслить надо. В российские пределы? Через Алтай путь очень тяжелый и незнакомый. К казахам ближе, и пути известны. Хотя и недруги они, но поладить с ними можно будет. Пример тому — Шуна. От брата своего, Галдан-Цэрэна, а дяди твоего, ведь у них укрылся. И мы поступим так.

* *
*

Вести о распрях в урге хунтайджи не задерживались в ее стенах. Доходили они и до ушей казахских правителей и радовали их сердца. Что для ойратов плохо, для них хорошо. Хищно щурил глаза султан Аблай. По хитрости и изворотливости не было ему равных среди прочих правителей казахского Среднего жуза. И в походах удача нередко сопутствовала ему. Нюх особый имел, знал, когда и на кого напасть. Правда, случались и промашки. Угодил однажды в плен к

Галдан-Цэрэну. Выкупили его потом. Вести о распрях у джунгар согревали душу Аблая, словно кумыс от доброй кобылицы. Видел уже султан, как разоряет он джунгарские аилы, отбирает себе на потребу лучших девушек, раздает своим батырам захваченный скот.

С прибытием беглых князей Аблай довольно потер руки: «Будет пожива!», но тут же себя и урезонил: «Торопиться не надо. Хунтайджи еще в силе, и с ним не следует ссориться. Авось и поторгуемся еще». Едва устроились Амурсана и Дабачи, как от Аблая к Лама-Дарже помчались гонцы. Посланцы Аблая уверяли Лама-Даржу, что казахские владетели не намерены поддерживать беглых князей против него, хунтайджи.

— Тогда пусть немедля Аблай вышлет беглецов,— отрезал Лама-Даржа.— Если ему не под-силу, мои люди изловят их.

Про себя же подумал, если бы злого умысла Аблай не питал, выслал бы Амурсану и Дабачи обратно.

«Собирайся в поход!» — с таким предписанием поскакали из урги гонцы в разные концы Джунгарии, а к Аблаю отправился посол с уведомлением:

— Или выдадите беглых, или сами возьмем!

Было от чего всполошиться Аблаю. Бедой оборачивалось дело. Но и отступать не хотелось. Раз согнешься, потом не разогнешься. Из белостенной юрты Аблая тоже полетели гонцы к султанам и старшинам Младшего, Старшего и Среднего жузов. «Дело всех нас, казахов, касается. Нужно сообща решать, как быть»,— уведомлял Аблай.

Съехались владетели трех казахских жузов. Судили-рядили. «Чтоб не доводить дело до войны с джунгарским владельцем,— в один голос говорили многие старшины,— надо выдать беглых нойонов. Нам они ни к чему». «Нет,— увещевал Аблай,— выслать беглецов в ургу — все равно, что вложить оружие в руки врага». И убедил под конец такими словами: «Ведь не одни мы. Забыли, что ли, когда согласие давали белой императрице в подданстве ее состоять, то испросили и защиту от нее иметь. Того ради и коран на верность целовали. Прежде от джунгар урусы нас обороняли и теперь в беде не оставят».

«Казахский обычай запрещает выдавать даже собак, бежавших от своих хозяев»,— с таким ответом вернул-

ся посол Лама-Даржи, а тот не замедлил наказать за такую дерзость. Тысячи черигов [4] повели его полководцы Сайн-Белек и Шадыр на казахские аулы. Первыми подверглись разграблению кочевья ближних ушинского, найманского и керейского родов. Толпы пленных, гурты скота потянулись во владения хунтайджи. Но не эта добыча была ему нужна. Сайн-Белек и Шадыр торопились с передовыми отрядами настичь князей-беглецов, а поэтому тащить за собой добычу не имело резона. Тяжелый хвост держит ноги.

Топот погони уже достиг ушей Дабачи и Амурсаны. Страх обуял Дабачи:

— Пропали мы,—причитал он.

— Еще нет,— урезонивал его Амурсана.— Ты вот что в толк возьми. Удалось в первый раз спасти голову, почему не удастся и во второй? До нас, если даже сиднем будем сидеть на кошме, доберутся не сегодня и не завтра. Так что раньше времени умирать нечего. Чем сидеть и ждать, когда свяжут по рукам и ногам, не лучше ли самим попробовать схватить его за горло.

К Аблаю приехали — заранее не оповещали, значит, можно и не прощаться, рассудил Амурсана, тем более, что не среди званых гостей находились. Да и жили не прямо у него в кочевье, а у батыра Имера. Пожили — и на этом спасибо. Пока люди Лама-Даржи в казахской степи шарят, мы уйдем обратно. В наших прежних улусах, в Тарбагатае, ведь не Лама-Даржа хозяин.

Разъехаться в степи — дело обычное. Нет здесь ни почтовых трактов, ни наезженных дорог. Каждый едет, где хочет.

Ускользнули от черигов Лама-Даржи Амурсана и Дабачи. Крадучись, не зажигая ночами костра, миновали открытые степные места, а затем нырнули в спасительную черноту укрытых лесами долин Тарбагатая.

— Что слышно из урги? — поинтересовались, едва только спешились с коней.

— Сайн-Белек с Шадыром вроде еще не вернулись. Лама-Даржа, говорят, ждет не дождется, когда привезут тех, что бежали к казахам.

— Дождется,— Амурсана зло усмехнулся.— Нам тоже засиживаться недосуг. Спешим свидеться.

— Что-то мне не можется... Тело ломит,— сделал страдальческое лицо Дабачи.

— Ладно, оставайся,— гася закипавшую злобу, бросил Амурсана.— Только давай своих людей. Выступаем немедля.

— Куда это ты собрался?— откинул полог юрты Шакдор, сводный брат Амурсаны. Возвращение Амурсаны его нисколько не обрадовало. Лама-Даржа как будто оставил его в покое. К тому же в отсутствие Амурсаны скот и людишки его к нему, Шакдору, перешли. Возвращение братца грозило не только уменьшением имущества, это еще жадноватый по натуре Шакдор мог пережить, страшило возмездие Лама-Даржи.

При появлении брата понял Амурсана, что не сдобровать ему, и рука сама потянулась к поясу, замерев на рукоятке ножа.

— Знаю я, что ты замыслил,— наступал Шакдор на Амурсану.— Лучше мы одной головой заплатим, чем потом не одна слетит,— в руке Шакдора тускло блеснула сталь. Амурсана оказался проворнее. Увернувшись от ножа Шакдора, лишь располосовавшего ткань халата, он с силой размахнулся и ударил. Шакдор, словно ему отказали ноги, повалился замертво.

* *
*

Длинной цепочкой вытянулись полторы тысячи конников. Узким горным проходом, в обход, повел их Амурсана. Мыслями он уже был там, в долине Или. Как-то обернется дело? Только бы поспеть раньше Сайн-Белека... Охрана, что осталась в урге, невелика, она не страшна, а вот если там уже Сайн-Белек с Шадыром?..

Но они еще не успели вернуться, даже вестей о скором их прибытии не получил Лама-Даржа... И Сайн-Белек, и Шадыр — оба опытны в ратном деле. Раньше хаживали в казахские степи. С ними отборное войско. Они должны привезти переброшенных через седло Дабачи и Амурсану или на худой конец их головы. А если неудача? Нет, не должно быть. Лама-Даржа гнал от себя эту мысль. Неудачный исход похо-

да — это неминуемый конец. Все затаившиеся поблизости враги мигом кинутся на него, даже не дождавшись Дабачи и Амурсаны. А опереться ему не на кого. Он и сейчас живет, словно в осаде. На подступах к урге усилил караулы. Прежде чем съесть кусок мяса, дает отведать тому, кто готовил. Посоветоваться и то не с кем — зал, где раньше собирался зарго [5], пустует. Лишь позолоченному бурхану [6] мог доверить Лама-Даржа свои сокровенные мысли. Но тот всегда оставался бесстрастен и нем.

День кончился. На ургу со всех сторон стремительно наступала темнота. В сумеречной тишине покоев шагов почти не было слышно: их заглушали ковры, устилавшие пол. Весь день Лама-Даржа прождал известий от своих полководцев, но гонцы не прибыли. Ужин стыл: кусок не лез в горло. Стараясь отвлечься от беспокойных дум, Лама-Даржа стал ходить по дворцу, читая про себя молитву. Время близилось к полуночи, и Лама-Даржа прилег. На какое-то время он забылся зыбким, призрачным сном. Таким по утрам бывает туман над водной гладью. Его пелена дрожит, меняет оттенки. Появляются и исчезают какие-то причудливые, расплывчатые фигуры...

Сознание Лама-Даржи еще было затуманено сном, но какой-то внутренний толчок словно подбросил его на постели. В комнату входили люди. Огонь светильника, который держал перед собой идущий впереди, выхватил из полумрака его лицо. Лама-Даржа узнал начальника караула. Это ему он отдавал наказ при получении вестей от Сайн-Белека мигом бежать в ханскую опочивальню.

— Взяли?! — хрипловатым от сна, но полным нетерпения голосом крикнул Лама-Даржа, приподнимаясь с постели.

— На, бери! — коротко бросил из полумрака Амурсана, с силой ударив копьем.

Бесчувственное тело правителя выволокли из дворца, и земля, одинаково щедрая ко всем, кто уже не топчет ее своими ногами, дала вечный приют останкам Лама-Даржи. Лишь близкий ему лама помолился за него и попросил верховное божество, чтобы душа убитого в своем очередном превращении явилась на землю в облике дерева или камня, чтобы не было беспо-

койств и волнений людям. Дерево же и камень могут быть им полезны.

Скромным и немноголюдным был погребальный обряд по Лама-Дарже. Зато очистительный хурал в самом дворце прошел весьма пышно. Пылали огни множества светильников, струился аромат курений, гремели трубы и барабаны... Во все уголки дворцового строенья проникали усиленные многими десятками голосов молитвы: «...Ты, преданный владыке смерти — Эрлйку, не отнимай от нас добродетель и счастье, но соблаговоли пожаловать их нам!

Сам ты уходи туда, вдаль!»

* *
*

В урге появился новый хозяин — Дабачи. По закону крови стал он хунтайджи. И узурпатором нельзя его было назвать. Однако снова не всем он пришелся по вкусу. Раз нельзя было обвинить его, что не по праву трон занял, стали попрекать непрозорливостью ума. «Чем недоумок злодея лучше? Не хотим Дабачи-хунтайджи!» — во весь голос начали кричать противники правителя. Поначалу подал голос Немеху, сын Шары-Манжи, а потом Галдан-Дорчжи и Немеху-Жиргал, внук младшего Цэрэн-Дондоба. Каждый из них норовил на место Дабачи сесть. И вновь зазвенели мечи, полилась кровь простых дружинников. Все пускали в ход противники друг против друга. Чтобы извести враждебную сторону, каждый норовил обессилить врага, захватывая у него табуны коней и гурты скота, не давая им пастись и плодиться, как положено. Думали только о том, чтобы задавить противника, а на деле наносили урон источнику жизни государства ойратов. И кто знает, усидел ли Дабачи на престоле, если бы не Амурсана. Не мог он оставаться в стороне, когда снова пошла сеча из-за того, кому быть хунтайджи. Оказаться праздным свидетелем — значило оставаться в тени и владеть в лучшем случае доставшимися в наследство 5 тысячами семей, а то и их уступить более сильному князю.

Помогая Дабачи удержаться в урге, Амурсана не щадил сил, потому как и для себя старался. Однако

свои тайные помыслы упрятал глубоко и не выдавал их тогда ни во сне, ни в подпитии.

Трон остался за Дабачи. Отшумели празднества в урге. Прояснились головы от ратного азарта, от выпитой архи[7]. Стали считать раны, полученные в очередной схватке за ханский престол, смотреть, за что свою кровь проливали и людей своих. Чем лучше новый правитель прежних? Всегда кто-нибудь да бывает недоволен правителем. Солнце в небе и то не одинаково всех обогревает. Нашлись и при Дабачи недовольные.

Разочарование одолевало и Амурсану. Помогал он Дабачи удержаться на троне в расчете, что сам станет настоящим правителем. По родовитости Амурсана, конечно, не мог сравниться с Дабачи, а вот по уму и смекалке — дело другое. Туповат был Дабачи. Об этом все знали. Дальше своего носа не видел и одним днем жил. Вот и надеялся Амурсана, состоя при Дабачи, прибрать всю власть в свои руки. Лишь бы Дабачи печать ставил на грамотах, а составлять их будет он, Амурсана. Со временем, глядишь, и печать Дабачи не понадобится. Ведь он, Амурсана, тоже к царствующему роду принадлежит. По матери, правда. Это не так уж много значит. Но стал же ведь Лама-Даржа хунтайджи!

Далеко глядел Амурсана, благо возраст позволял надеяться. Расчеты, однако, не оправдывались. Словно подменили Дабачи после того, как закрепился он на троне. Держался важно, советов Амурсаны не слушал. Да и на подарки не особенно расщедрился. Большего ожидал Амурсана за все, что для него сделал. Решил он прощупать, насколько привязан к нему хан. Вроде ненароком спросил:

— Не съездить ли мне в свои кочевья, разобраться что к чему?

Дабачи задерживать не стал. Уехал Амурсана из урги. Жил в своем владении. Ждал приглашения Дабачи, но от того посыльных не было. Росла обида, нашлось в душе место и для зависти. Совсем потерял покой Амурсана.

«Повезло же этому увальню, а все потому, что знатнее родом. Он, Амурсана, и по уму, и по смекалке, и по храбрости во много раз превосходит Дабачи, а вынужден довольствоваться почти тем же, что и было.

Он, Амурсана, должен стать хунтайджи, он и только он. Нет людей сейчас во всей Джунгарии более достойных его». Эта глубоко запавшая в сознании мысль рождала неуемную жажду власти. Но как быть, с чего начать? Снова браться за меч? После недавней сечи нелегко его поднять. К тому же в одиночку Дабачи не осилить. Тех же многих, которые могли бы пойти против Дабачи с оружием, он, Амурсана, сам уничтожил, а затаившие неприязнь к хунтайджи вряд ли ему поверят. А если тайно извести Дабачи? Наслать на него порчу. Тогда кто посмеет заградить дорогу к трону? Наслали же, говорят, порчу на дядю. Крепкий был, но мгновенно сохнуть стал, кровь шла носом, и вскоре устроили по нем поминальную службу. Мал тогда еще был Амурсана, но запомнил худое, иссохшее лицо дяди. Куда девались толстые щеки с бурым румянцем?

С великими предосторожностями Амурсана стал искать такого человека, который извел бы Дабачи. И нашел одного ламу, родственники которого в прошлом сильно пострадали от Дабачи. Глубоко затаил лама на Дабачи зло, потому и упрашивать себя долго не стал. Несколько дней и ночей кряду читал он гурюмы к богине Янчжама[8] и произносил заклинания, чтобы наслать порчу.

Сгорал от нетерпения Амурсана: подействовали ли заклинания ламы? Вестей о немочи Дабачи не поступало. Решил Амурсана лично проведать хунтайджи. Внимательно вглядывался в его лицо и никаких признаков недуга не находил. Дабачи был бодр и весел. За обедом много пил, не хмелея, и доверительно сказал Амурсане: «Хочу взять еще одну новую наложницу». «Чтоб тебе убить свою мать»,— выругался про себя Амурсана, но вслух с понимающей улыбкой произнес: «Достойную нужно подыскать».

Дома, вернувшись из урги, Амурсана дал волю своим чувствам, обрушившись градом проклятий на ламу. Тот сокрушенно разводил руками, ссылаясь на неудачное сочетание небесных светил. Раз не помог искушенный в книжной премудрости лама, решил обратиться к тем, кому ведомы таинства черной веры. Ее исповедовали предки до того, как появились ламы, знатоки предписаний желтой веры[9]. В одном из отдаленных кочевий нашли старого шамана. О нем поч-

тительно и не без опаски говорили: «Абтай». Истинный шаман, настоящий чудотворец. Из-за старческой немочи он давно уже не камлал.

Старик долго упрямился, не поддаваясь на щедрые посулы. Тогда стали его подзадоривать. «Значит, не по плечу тебе тягаться с ламой. Его боги сильнее твоих, вот почему люди и перешли к желтой вере». Это задело старика за живое. Желание взять верх над ламой и посрамить этих книжников, принесших с собой новых богов, заставило шамана согласиться исполнить таинственные обряды.

Из старого сундука был извлечен предназначавшийся для таких случаев наряд. Старик облачился в длинную до пят кожаную рубаху, украшенную множеством разноцветных тряпочек. Перекинул через плечи два железных прута с металлическими висюльками. И весь он словно преобразился. Согбенная фигура будто стала прямее. Руки перестали дрожать, а пальцы цепко ухватили барабанную палку. Под ее ударами задрожала тугая маралья кожа барабана, и понеслись отрывистые глухие звуки. Гуденье барабана перемежалось с глухим бормотаньем. Горьковатым дурманом чадили брошенные в огонь ягоды можжевельника.

Всю ночь низвергал шаман громовые стрелы, чтобы погубить хозяина урги. Так изливал старый шаман свою ненависть к прежним и нынешнему обитателям ханского дворца. Это они, хунтайджи из дома чорос, благоволили к тем, кто исповедует желтую веру, из-за них ламы стали более почитаемы, чем шаманы. Последний удар ослабевшей руки, и нечленораздельное бормотанье, затихая, оборвалось. Старик в полном изнеможении рухнул на землю.

Через несколько дней Амурсане донесли, что Дабачи удачно охотился в расположенных неподалеку горах, а молнии, которые насылал на его голову шаман, не причинили ему никакого вреда. С Амурсаной свидеться Дабачи почему-то не пожелал и после охоты вернулся в ургу. «Вот тебе и абтай,— предавался невеселым размышлениям Амурсана.— Недаром говорят, вызывать гром и молнию во власти Тэнгри-Хурмусту-хана, Гром-батьки. А Дабачи возгордился совсем. Даже заехать ко мне не пожелал. Видно, совсем не хочет признавать, что я для него сделал».

Поддавшись порыву, Амурсана сел за письмо и излил на бумаге горечь своих обид. Выходит, что он, который старался ради хунтайджи, не щадя живота своего, совсем остался теперь не у дел.

«В одной земле два державца не живут»,— без обиняков ответил Дабачи Амурсане, не желая ни с кем делиться властью.

«Раз дело упирается в землю, то почему бы ее и не поделить? — не отступал Амурсана.— Отдай мне во владение людей канских и каракольских, телеских и таутелеуцких волостей и делу конец. Будем жить в добром соседстве и мире».

«Владей тем, что пока еще имеешь. Ради собственного же добра не алкай большего»,— гласил ответ из урги. Тон его не предвещал ничего доброго. Ханский трон заслонил все: и старую дружбу, и дни совместных скитаний и забот.

И вновь над ойратскими улусами, обескровленными междоусобицами и налетами осмелевших казахских султанов, запахло, какой уже по счету, кровопролитной сварой. Дурная весть летит быстро. Слухи о размолвке Дабачи и Амурсаны мгновенно, как степной пал, расползлись по долинам и горам Джунгарии, просачиваясь за ее пределы.

Вестей о том, как пойдет дело, нетерпеливо ждали казахские султаны и халхаские князья, подвластные китайского богдыхана. Хотелось им, чтобы поскорее сошлись в смертельной схватке Амурсана и Дабачи. Но у тех свой расчет был, когда поставить ногу в стремя и пустить коня по всегда неведомому пути войны.

Амурсана, оценивая свои силы, понимал, что с одними лишь подвластными ему людьми он не устоит. Правда, брат Банжур со своими хошотами также на его стороне и не станет сидеть сложа руки. А вот тесть, дэрбэтский тайджи Даши, отмалчивается, сын его, Немеху, молод и не так тверд, как отец, его можно перетянуть на свою сторону. Но пока жив Даши, Немеху никакой власти над людьми семейных улусов не имеет. Тесть же до последнего времени на здоровье не жаловался. Если уломать старика не удастся, остается одно...

Тайджи Даши давно уже не проведывал дочь Делег-Доржи, жену Амурсаны. А для того это как раз и дало

удобный повод пригласить тестя к себе, а не ехать самому к нему, как к старшему. Во владениях Даши гораздо труднее было осуществить задуманное.

Едва убрали блюда, и Даши, отдуваясь, откинулся на подушки, Амурсана сразу же перешел к делу:

— Отец, не оставь без своей помощи! Прошу не только за себя, но и за дочь твою, внуков. Без твоей помощи не устоять мне с Банжуром против Дабачи. А расправится он с нами, и тебе не сдобровать.

Даши молчал, полузакрыв веки: «Ну до чего же драчлив и жаден до власти зять. Действительно, видно, Даньчжун посеял свое семя в чреве его матери. Тот тоже был своенравным и все норовил урвать побольше. А неуемная жажда власти иссушает разум человека, и уже не знает он удержу в своих помыслах. Творит безрассудное и обрекает себя на погибель. Так и было с отцом моего зятя, Даньчжуном. Губительное влеченье повелевать обернулось для него костром, в котором его и сожгли заживо. Нет, не дело затеял Амурсана». Решение уже созрело, но лицо Даши, исчерченное глубокими морщинами, оставалось бесстрастным. Казалось, до его сознания не доходят слова, которые запальчиво произносил зять:

— Неужели тебе все равно, что с нами станет? Не сегодня-завтра здесь объявятся чериги Дабачи. И если я тебе по крови чужой, то подумай о дочери, о ее детях. Ведь в них и твоя кровь! Не тяни с ответом...

Даши выпрямился, глядя немигающими глазами в горящие зрачки Амурсаны, неторопливо отрезал:

— Нет. Ты не спрашивал меня, когда стал добиваться от Дабачи большего, чем имел. Если всерьез печешься о семье, то покайся перед хунтайджи.

Отставив недопитым чай, Даши коротко попрощался, откинул полог юрты и зычно крикнул в надвигавшиеся сумерки. Услышав голос хозяина, радостно отозвался конь.

— Провожать не нужно! — бросил Даши Амурсане.

— Ночь ведь,— заикнулся тот, внутренне холодея от сознания того, что вскоре должно произойти.

— Не нужно,— упрямо повторил Даши.— Путь недолгий, бояться мне некого!

Даши тронул поводья, и конь с места понес. Не

видел он, как немного погодя следом кочевье покинули еще двое. Конь Даши шел ровной иноходью, как вдруг замедлил ход и остановился. Трепетно раздувая ноздри, он заржал. В ответ тоже послышалось ржанье. Теперь и Даши отчетливо различил приближавшийся топот. Выпрямившись в седле, он спокойно смотрел на подъезжавших всадников.

— Подожди,— крикнул кто-то из них.— Дело есть.

— Я тайджи Даши. А вы кто будете? Ответа он уже не услышал...

Ранним утром в ставку Даши пришел, понуря голову, заседланный конь. Всадника на нем не было. Люди признали, что на этом коне их князь накануне уехал к дочери. Да и седло говорило за то, что беда стряслась с Даши. Этого седла, добытого в бою, он никому не доверял. Убийц Даши не нашли. Так и порешили, что не иначе это дело рук каких-нибудь махчинов [10]. Позарились, видно, на богатую одежду и дорогое оружие князя.

Слезы и радости бок о бок идут. Кто-то еще горевал о гибели Даши, а его наследник, юный Немеху, не скрывал своего ликования: «Наконец-то он сам себе хозяин!» Радовался, однако, Немеху недолго. Нагнал на него страху деверь Амурсана.

— Хунтайджи Дабачи решил извести весь ваш род. И тебя первого намерен лишить жизни.

«Вот тебе и покняжил»,— подумал сникнувший Немеху, а вслух сказал:

— Что же делать-то?

— Единственное спасенье — упредить его. Мы с братом Банжуром уже выступаем. Держись за нас. Сообща справимся с Дабачи.

Опытный лошадник знает, как обуздать молодого резвого конька. Не на много старше был Амурсана Немеху, а быстро сумел крепко опутать дэрбэтского князя и привязать к себе. Очень хотелось пожить молодому князю в свое удовольствие, ради этого всецело и доверился Амурсане. Без его указаний и шага не делал. Так против Дабачи сложился союз трех тайджи: хойтского — Амурсаны, хошотского — Банжура и дэрбэтского — Немеху.

Не бросился Амурсана, сломя голову, в драку. По всему выходило, что борьба продлится не один день.

Предстояло, видно, не раз менять стоянки. Надо подумать о продовольствии для людей. По своему опыту знал, что яростнее дерутся чериги, если перед сечей для них освежуют баранов и нальют в чашку архи. У Амурсаны и Банжура за время вынужденных скитаний, схваток с врагами и их опустошительных набегов пооскудели табуны коней и гурты скота. В лошадях же и баранах не только богатство, но и сила ойрата. На коне легче спастись от противника, а перегнав при этом и скот, можно и на новом месте обжиться. «Надо бы иметь побольше коней и верблюдов, да и баранов тоже,— оценивал Амурсана свои возможности.— Где их взять?». Прикидывал так и этак. Оставалось одно: просить у Аблая. Даром он, конечно, ничего не даст, везде ищет свою выгоду, но делать нечего, иначе долго не продержаться.

И вот Банжур с отрядом своих людей уже знакомым путем спешит в кочевье Аблая. Амурсана наказал просить у него 4 тысячи лошадей и верблюдов, 10 тысяч овец и баранов. «Обещай ему,— напутствовал он брата,— заплатить любую цену, какую бы не потребовал». Султан с удовлетворением выслушал просьбу. Плату сулили немалую, к тому же он хорошо поживился в ойратских кочевьях при недавних налетах. Почему же тогда за плату не поделиться награбленным?

Чтобы заверить султана в своем твердом слове, Амурсана в уплату за обещанную помощь загодя послал ему дорогие бухарские ковры, ценное оружие, а также пленных, ранее захваченных в улусах Дабачи. Еще большей поживой соблазнял Амурсана Аблая, если тот ударит в спину Дабачи. «Как уйдет он на битву со мною, так пусть Аблай и приходит зорить Дабачины улусы, не опасаясь ничего»,— так говорил Амурсана людям Аблая, пригнавшим лошадей и баранов.

С зимы 1753 года разгорелась борьба между хунтайджи Дабачи и союзом трех князей, которым так или иначе способствовал Аблай. Под завывание холодных ветров не раз налетал Амурсана со своими черигами на ставку Дабачи и откатывался назад. Изменило на этот раз ему ратное счастье.

Ушел Амурсана из Илийской долины. Закрепился,

было, в своих родовых землях в Тарбагатае, но и здесь не оставил его в покое хунтайджи. С наказом взять Амурсану и привезти живым или мертвым посылал Дабачи одного зайсана за другим, но все они в смятении бежали обратно. Багровел от ярости Дабачи, узнавая каждый раз, что остался Амурсана на прежнем месте жив и невредим.

* *
*

— В наших местах это было, в урочище Яр,— неторопливо рассказывал старый Падма, попыхивая трубкой.— Жил в лесной чащобе медведь. Настоящим хозяином в лесу был. Порядок поддерживал: при нем волки не лютовали, скот в лесу спокойно ходил. Но вот рассерчал что-то хозяин леса и баловать стал. То корову задерет, то лошадь. Не стало спасу от него. И жертвы приносили, и шаман камлал, но ничего не помогало. Порешили тогда прикончить медведя. Велика была честь принести в стойбище свежеснятую шкуру. Об этом думали многие парни. И каждому хотелось в одиночку управиться. Сообща же идти желания не выражали: кого из всех героем признают? Отправился один, да еле сам пришел. Пошел за шкурой хозяина, а оставил две своих собаки. Нашлись еще охотники, которые ходили в одиночку. Да так и никто из них не принес добычи, а один и совсем не вернулся.

В одиночку ходить на сильного зверя — судьбу пытать, а взять его не возьмешь... Тот медведь потом сам куда-то ушел.

Эта сценка раннего детства и незамысловатая мудрость суждения старика Падмы вспомнилась Амурсане, и заставила его пережить ее по-новому. Со всех сторон один за другим, как псы, нападают на него недруги. Налетают, однако, пока по одиночке. Каждый думает, что окажется более удачливым, чем предшественник. И отлетают один за другим, с трудом унося ноги. Что же будет дальше? Ведь не отступится Дабачи. «Два медведя в одной берлоге не живут»,— всплыли в памяти слова старого Падмы. Кому-то из двух придется уйти, только первым он,

Амурсана, не побежит. Еще посмотрим, Дабачи, чья возьмет.

На этот раз изменила удача Амурсане. Как ни туп был Дабачи, а прислушался к советам своих военачальников. Три раза посылал черигов на Амурсану, и все три раза те уходили битыми. Значит, сказали Дабачи его полководцы, по-иному надо за него взяться: 30 тысяч отборных воинов пусть пойдут на ставку Амурсаны. И повести их должен сам хунтайджи. Одновременно зайсан Мамут со своими ударит по Амурсане с запада и востока. Тут и будет ему конец.

От топота многих тысяч копыт задрожала земля, кровью окрасились воды Иртыша, храп коней, крики и стоны огласили окрестности. Это сошлись на поле брани люди Дабачи и Амурсаны. Так силен был удар Дабачи, что чериги Амурсаны отшатнулись. Сам он сражался в первом ряду и не мог окинуть взглядом все поле боя, но по тому, как вдруг попятился под ним конь, понял, что отходят назад его люди. Не приняла его эта земля по Иртышу, пришлым он для нее оказался, не вздыбилась она под ногами конников Дабачи, не остановила их стремительный наскок. С трудом подняв внезапно отяжелевшую руку, Амурсана дал знак своим отходить.

С холма Дабачи видел, как медленно, словно нехотя, начало отступать войско противника. Он подался вперед, высматривая, не покажется ли знакомая фигура. Но на расстоянии трудно было в том или ином всаднике узнать Амурсану. «Все равно никуда не уйдет,— успокоил себя Дабачи.— Уж Мамут его не упустит». Мысленно забегая вперед, хунтайджи представил себе встречу с Амурсаной и ту расправу, которую он ему готовил. Он отрубит ему руку, что тянется к трону, к власти и заставит его самого ее жевать. Затем и сердце велит вынуть и псам отдать...

Шла осень 1754 года. Для Амурсаны, Банчжура и Немеху, для их людей она была не просто очередным сезоном с обычными осенними заботами, пришлось им покинуть родные джунгарские земли и искать пристанища на чужбине. Одержал-таки верх Дабачи. Теперь его люди шли по пятам, почти что след в след. И кровь людская тянулась позади. А тех, кто пролил эту кровь, уже не вернешь. Дорого обернулась

ойратам эта драка за трон. Еще более ослабело ойратское четырехсоюзие. Дабачи, хотя и именовался хунтайджи, но уже не досчитался тысяч тех, кто прежде числился под властью правителей из дома Чорос.

Немалую цену заплатил и сам Амурсана. Пришлось оставить родные места и вновь искать прибежища на чужбине. Да еще у кого? У еджэхана, правителя Китая. Эти маньчжурские еджэханы всегда были заклятыми врагами народа «дэрбэн-ойрат». Пока существует их государство Цин, над ойратским четырехсоюзием вечно будет висеть смертельная угроза. Эта заповедь звучала у него в ушах с того времени, как он помнит себя. Ему рассказывали, что в тот год, когда он родился, полчища еджэхана дошли, было, до Урумчи, и деду его, Цэван-Рабдану, с превеликим трудом удалось заставить их уйти в Хами. Когда же ему исполнилось 12 лет, снова стало тревожно в улусе: шла новая война с еджэханом. Уехал отец, с ним многие мужчины и совсем молодые парни. Запомнил он и тот день, когда вернулись чериги, но уже без отца. С почтением в молчании передали матери седло, и она забилась в плаче. Теперь колесо судьбы повернулось так, что он, Амурсана, внук хунтайджи Цэван-Рабдана, идет вымаливать у еджэхана пристанища и защиты. Что мог сказать он в свое оправдание? Больше некуда было податься. Не отдавать же себя на верную смерть Дабачи. Да ведь и другие князья и зайсаны до него уже искали убежища во владениях еджэхана.

Уходили трое тайджи со своими людьми, с теми, кто уцелел, на восток, держа курс в пределы империи Цин. Путь туда уже был проторен до них соплеменниками, бежавшими от кровавых междоусобиц в надежде спасти свою жизнь и имущество. Лишь за год до этого к цинскому императору бежали из Джунгарского ханства три Черина (Черин, Черин-Убаши, Черин-Мункэ) со своими людьми. Правда, сын Черин-Мункэ Баран очень скоро пожалел, что оставил родные места. Вместе с Мункэ-Тэмуром, не доехав до Пекина, где их ждала аудиенция, бежал обратно в Джунгарию. «Нам ойратам,— говорил по возвращении Баран,— нечего искать лучшей доли во владениях богдыхана».

—

* *
*

Из своего дворца в Пекине правителю Срединной империи не ведомо было, что творится в Джунгарском царстве. Хотя и почитался богдыхан Хун-ли как сын Неба, но необыкновенного дара слышать и видеть на расстоянии не имел. А ему очень хотелось досконально знать, что творится у джунгар. Не праздное любопытство руководило им при этом. Эти ойраты, сведенные воедино правителями из дома Чорос, уже самим своим независимым существованием бросали вызов воле Сыновей Неба, стояли на пути их стремлений вершить судьбами Западного края.

Халху, подвластную империи Цин, отделяла от джунгарских владений неустойчивая граница, четко не определенная пограничными столбами. Шли через границу люди и несли с собой вести о травостое, о неладах между князьями. Через тайных лазутчиков и перебежчиков вызнавало халхаское начальство обо всем, что происходит у джунгар, с которыми халхасцы с незапамятных времен враждовали, а затем подробно доносило в Пекин.

Тяжба за трон после смерти Галдан-Цэрэна вышла за стены урги, переместилась на поле брани. Отзвуки ее долетели и до халхаских пределов. Известно стало в Халхе о бегстве Дабачи и Амурсаны от Лама-Даржи. Возможно, отписал в Пекин помощник командующего пограничной армией Цэньгуньчжаб, князь хотогойтский, что станут беглые князья искать поддержки у владыки Поднебесной. В ответ Хун-ли распорядился поступать, как обстановка покажет. Станут артачиться беглые князья и выдвигать свои требования, снять им головы тут же, на месте. Поведут себя с полным послушанием, отправить в Пекин. Тогда, правда, цинский двор на Амурсану особого внимания не обратил. Больше интересовался Дабачи, поскольку тот имел права на престол хунтайджи. Однако ни Дабачи, ни Амурсану принимать Хун-ли в ту пору не пришлось. Укрылись они у казахов, а потом Дабачи стал хунтайджи. Когда же началась у них смертельная вражда, Пекин стал держать Амурсану в центре внимания. Судя по словам перебежчиков и сведениям

лазутчиков, Амурсана представлял собой важную фигуру. А не ладит с хунтайджи, значит, Поднебесной способствует, хочет он того или нет. Хотел Пекин, чтобы Амурсана к нему за помощью пришел. А потом бы уж можно было решить, какой Джунгарии быть. Потому всеми способами норовил Пекин разведывать, как там Амурсана и что с ним.

10-го дня 2-й луны [11] побывал лазутчик у подвластного Дабачи урянхайского зайсана Мацзидая. Дошел до него слух, сказывал якобы Мацзидай, Амурсана с Немеху ушли от Дабачи и пробиваются в китайские пределы. Подтверждений о намерении бежавших князей принять покровительство богдыхана от самого Амурсаны не имелось. Из-за глубоких снегов, как полагали в Пекине, он не может дать знать о себе. По мнению шаншу [12] Шухэдэ, на которого было возложено руководство пограничными делами на западе, не мешало бы при случае и выступить на выручку Амурсане. 19-го дня 3-й луны Шухэдэ докладывал в Пекин, что, если до 5-й луны ничего конкретного о намерениях Амурсаны не выяснится, нужно будет самим вмешаться и привести его к себе.

У тех, кто в Пекине близко соприкасался с внешними или военными делами, имя Амурсаны не сходило с языка. Удивительного в том ничего не было, ведь его имя появилось в секретных инструкциях самого государя.

Скупые и противоречивые вести об Амурсане приходили в Пекин нечасто. Члены Военного совета только строили догадки, но не отваживались что-либо определенное донести императору, хотя тот постоянно справлялся: «Нет ли свежих вестей с запада?»

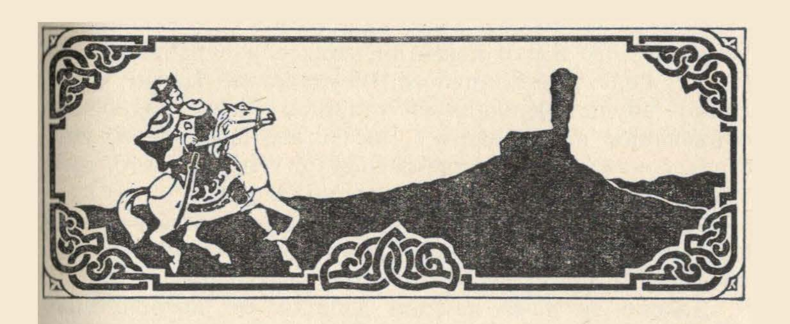
С наступлением летних месяцев обстановка прояснилась. Уже почти достоверно знали в Запретном городе, что разбит Амурсана и продвигается на восток, не иначе как в пределы Поднебесной. Хун-ли, вспомнив о докладной Шухэдэ, распорядился отправить войска для встречи Амурсаны. Это на тот случай, если люди Дабачи будут идти за ним по пятам. Хун-ли надеялся с помощью Амурсаны низвергнуть Дабачи, а там уж покорить и саму Джунгарию «Амурсана — самый важный человек,— гласил императорский указ министрам Цзюньцзичу [13].— Если он прибудет поко-

риться Нам, то в будущем, 1755 году, двинем войска на Джунгарию».

Но удастся ли действительно использовать Амурсану так, как ему, Хун-ли, хочется? Что-то не внушал ему этот перекати-поле особого доверия. Те, что бежали из Джунгарии в пределы Поднебесной, зайсан Сарал, три Черина, не очень лестно отзывались об Амурсане. Честолюбив, до власти падок, крайне коварен... Конечно, нельзя брать на веру все эти слова, не исключено, что болтают, со зла наговаривают. И все же... «Мы слыхали,— начертал Хун-ли в очередном указе Цзюньцзичу,— что Амурсана человек коварный, неустойчив в своих привязанностях. Полностью доверять нельзя. Если действительно с женой и сыном придет отдаться под нашу власть, то свои коварные замыслы ему негде будет применить. Однако нельзя не принять всех мер предосторожности».

Выходило по всему, что события надвигались большие. «Когда бежали из джунгарского удела к нам зайсан Сарал и три Черина — получилось, вроде мизинца или пальца маленького на ноге не стало у джунгарского владельца. А уж когда придет с покорностью Амурсана, считай, что правой руки или обеих ног не станет у Дабачи»,— подумал так Хун-ли и узкой рукой поднес к лицу листок с указом, чтобы прочесть то, что написал, прежде чем отправить в Цзюньцзичу.

А рано поутру Хун-ли отбыл охотиться в Жэхэ. Не стал он сидеть в ожидании пусть даже и важных вестей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Двое всадников на бешеном скаку подлетели к караульному помещению.

— Мы от Амурсаны,— прохрипел пересохшим от жажды голосом первый.— Я демчи [14] Чжотба, а это — Хабаянь Ортэк. Нас послал Амурсана сообщить, что он идет покориться еджэхану. Вот письмо.

Старший караульный взял его и тут же, кликнув по имени одного из подчиненных, приказал:

— Лети к князю Цэрэну в Тамирскую крепость.

* *
*

Чуток старческий сон, и ухо цзянцзюня [15] Цэрэна уловило какой-то шум во дворе. Час был неурочный. Значит, случилось что-то важное. Запахивая на ходу халат, Цэрэн поспешил во двор. Подскочивший караульный офицер протянул конверт. Вернувшись во внутренние покои, Цэрэн велел засветить побольше огней, поднес к глазам бумагу. Наконец-то!.. Такое событие очень обрадует государя. Придвинув письменные принадлежности, принялся Цэрэн за докладную в Пекин.

«6-го дня 7-й луны [16],— писал помощник пограничной армией Цэрэн,— в наш караул явились посланцы Амурсаны сказать, что Амурсана, Гандорчжи, Немеху, Банжур, имея под своим началом 4 тысячи с лишним семей, изъявили свою покорность императору...».

Неприметный с виду конверт повезли из Тамирской крепости верховые. Но от этого конверта, от

заключенного в нем известия, зависели судьбы многих тысяч людей, даже целого государства. Цэрэн самолично вручил докладную старшему и в подробные объяснения не вдавался. Но из немногих слов, сказанных князем, и самый тупой бы понял, что дело крайне важное и не требует промедления.

— На почтовых станциях не прохлаждаться, коней сменили — и дальше. Время потом будет чаевничать,— уже почти вдогонку крикнул Цэрэн.

Далеко не из-за каждой депеши от пограничных начальников собирались члены Военного совета, а тут слетелись, словно мухи на мед. Весть от Цэрэна услаждала слух, радовала сердца. Из докладной, что лежала теперь перед министрами Цзюньцзичу, явствовало, что Амурсана находится в крайне жалком положении. Ему и его людям даже нечем кормиться. Остается одно: есть собственных коней, а у тех остались одна кожа да кости. Раз случилось такое, значит, артачиться этот неуемный хойт уже не станет. Чтобы продлить свое существование, будет стараться угодить государю, станет делать то, что он ему прикажет, поскольку иного выбора у Амурсаны нет. Хотя кто может предугадать заранее поведение варваров? Как бы там ни было, но прибыл искать покровительства не какой-то простой зайсан, а князь и с ним другие тайджи. Пускай беглые они, но почести им пристало оказать и достойный прием тоже. Ведь от того, как они приняты будут, зависит не просто их судьба, о чем меньше всего беспокоится сын Неба, а удастся ли Поднебесной свести на нет джунгарский удел и тем рубеж империи продвинуть далеко на запад.

Как обойтись с беглыми князьями, если они объявятся, решили заранее: их следовало принять и препроводить на аудиенцию в Жэхэ, где находится государь. Кому именно встречать Амурсану и как обставить отправку в летнюю резиденцию сына Неба — вот что волновало сейчас министров Военного совета. Дело было деликатное. Следовало учесть все мелочи, дабы показать, сколь великодушен государь к тем, кто ищет у него покровительства. Необходимы и ласка и внимание, чтобы обмяк душой Амурсана и не утаил своих сокровенных помыслов. Тогда легче его будет и к рукам прибрать.

Полетела долгожданная весть к императору. Уведомляя Хун-ли, что Амурсана, наконец, объявился в пределах Поднебесной, министры наиподробнейше излагали, кому и как поручено встречать приблудших и когда в Жэхэ их следует ждать.

* *
*

Охота оказалась неудачной. Снимая охотничье одеяние, Хун-ли с остервенением дернул пояс, и узел затянулся еще туже. Он обрушился на слугу, которому сам же не позволил раздеть себя. Тут в комнату быстрыми шажками вошел секретарь и с поклоном подал бумагу. Оттолкнув в сторону слугу, Хун-ли быстро пробежал глазами доклад. От недавнего раздражения не осталось и следа. Вот и прибыл долгожданный Амурсана. На сухопаром лице под жидкими усами заиграла торжествующая улыбка. Все меньше остается тех, на кого бы мог положиться Дабачи. Ушли дэрбэтские князья, теперь вот хойтские и хошотские. Одни чоросы пока остались, да и те, говорят, еле терпят Дабачи. Выходит, почти развалился ойратский союз. Крошится, словно черепица, на куски. Нажать еще раз посильнее, а к этому руку и Амурсана приложит, и не станет хунтайджи. Вместо ойратского четырехсоюзия будет четыре подвластных Пекину удела. Если табун разделить, управляться с животными легче. Это проверено.

Не сегодня и не вчера возникло у Хун-ли желание ударить по джунгарам. Как только разгорелись у них свары после смерти Галдан-Цэрэна, все время подмывало его отправить свои войска в поход на запад. Уже из того, что рассказывал зайсан Сарал, который бежал от Лама-Даржи, было ясно: джунгарское владение поражено распрями, как дерево древоточцем. С виду дерево вроде крепкое, стоит прямо, но сердцевина у него уже съедена. Однако не решался до сих пор Хун-ли на войну с джунгарами. Советовали ему его министры: спешить не надо и напоминали о тяжком поражении, которое понесло императорское войско от ойратов в 1730 году. Тогда обольстились известием о борьбе за трон Галдан-Цэрэна с братом Лоузан-Шоно и понадеялись, что из-за внутренних рас-

прей не устоят ойраты. А чем дело обернулось? Скольких солдат потом лишились да и пушек тоже. Что может быть лучше политики «руками варваров покорять варваров»? Но мало еще их у нас для того, чтобы напустить на Дабачи. Сарал да три Черина. Станет больше, тогда и будет возможность с меньшими тяготами для нас покончить с ойратским владением.

Прибытие Амурсаны и еще двоих князей меняло дело. «То, что не успели сделать мои дед и отец, докончу я,— думал Хун-ли.— Их души в небесах преисполнятся безмерной радостью. Да и все те, кто в пределах империи выражает недовольство царствующим домом, явные и тайные бунтовщики,— все они поубавят прыти, когда воочию увидят, сколь сильна и тверда рука сына Неба. Именно, он, император из дома Цин, маньчжур по крови, многократно приумножит величие Поднебесной, распространит ее авторитет до края света. Никаньцы чванятся деяниями своих правителей, а ведь те, что были из дома Мин, которых мой предок лишил власти над Поднебесной, дрожали перед ойратами. Останется ли еще у никаньцев [17] повод для спеси, когда я сокрушу джунгар?»

Хун-ли дал знак явиться битекчи [16]. Неторопливо прохаживаясь по комнате, диктовал: «Амурсану и остальных князей встретить достойно и препроводить с эскортом на аудиенцию». Однако к чувству удовлетворения примешивалось подозрение. Доверия к перебежчику все же не было. «Входя во все мелочи вызнать, что он за человек. Как он держался при встрече, как говорил — обо всем этом наиподробнейшим образом доложить»,— гласил наказ сановникам, которым поручалось встретить Амурсану от имени богдыхана. Свои подозрения лучше всего скрыть радушием приема. Обласкать изгоя, распорядился Хун-ли, одарить Амурсану и прибывших с ним. Не в натуре Хун-ли было разбрасывать свое достояние даром, потому и жаловал он с расчетом: если собаку совсем не кормить, на охоту не с кем будет пойти.

Писец перестал водить кистью. «Еще не все,— обронил Хун-ли.— Пусть возьмут на учет и доложат, сколько придет с Амурсаной людей, сколько мужского

и женского пола, взрослых и несовершеннолетних». Волновали его не судьбы людей, бежавших из родных мест, не то, что сыты или голодны их дети. У Хун-ли был другой интерес: узнать заранее, сколько воинов из числа прибывших можно будет отправить против Дабачи. Приказал Хун-ли также учесть всех коней, что приведут с собой перебежчики, не пренебрегая ни больными, ни истощенными животными. Их, гласил указ, необходимо тщательно пасти, чтобы не было нехватки в коннице, когда дойдет дело до похода против Дабачи. Покончить с Дабачи, а заодно и с независимым джунгарским уделом Хун-ли намеревался с наименьшими затратами и потерями. Отправить беглецов на своих же конях вместе, конечно, с войсками богдыхана покорять свое же государство — такой план вынашивал Хун-ли.

* *
*

Вот и пересечен рубеж, отделяющий пределы Халхи, подвластной цинскому императору, от Джунгарского ханства. Сейчас, они потомки славных ойратских фамилий, известных ратными деяниями в схватках с цинскими солдатами, придут к врагам как просители. «Что-то будет?..» — эта мысль не давала покоя ни простому арату, ни самим князьям.

Появились сторожевые дозоры. Те же монголы, от одного корня, но другой ветви. Халхасы. Их князья давно уже покорились цинским императорам. Выехавшее вперед начальство спешивается. Ему навстречу идут Амурсана, Банжур, Немеху. Сухие, дежурные, лишь приличествующие случаю приветствия. Настороженные и недоверчивые взгляды. Начал Шухэдэ:

— О желании вашем отдаться под власть великого государя было доложено. Соблагоизволил владыка Поднебесной принять вас под свое начало, чтобы могли вы продолжить свою жизнь.— Шухэдэ сделал паузу, оглядев, какое впечатление эти слова произвели на вновь прибывших, с каким рвением бьют благодарственные поклоны, и продолжил:

— Всякому живому существу для жизни место надобно. Здесь в Халхе всех вас трудно пристроить,

владенья же государя велики и места в них всякому хватит. Потому пока так сделаем. Все мужчины, пришедшие с тайджи Амурсаной, Банжуром, Немеху, отправятся с ними в Улясутай. Семьям же их сподручнее будет жить не в Халхе, а в землях сунитов, там пастбища богаче и просторнее.

Выслушали все это князья-изгои, поблагодарили, как приличествовало. Укрыл еджэхан в своих владениях, спас от карающей руки Дабачи, за это можно благодарить и благодарность выразить. Язык при этом не отвалится и шея не надломится. Конечно, плохо, что нельзя держаться всем вместе, как пришли, но что поделаешь: если по чужой земле ходишь, сам себе уже не хозяин.

Ушли из Джунгарии люди Амурсаны, Банжура и Немеху, спасая свою жизнь. Радоваться бы тому, что спасли, но радость омрачалась предстоящим расставанием с родными и близкими. А еще тревожила мысль: «Доведется ли свидеться в будущем? Выживем ли, когда разобщают семьи?». Каждой из них голова нужна, а она, уж как повелось, у мужчины. И что станется с семьями, когда разлучат их со своими кормильцами и заступниками? Много ли толку от стариков да баб, ведь скоту и лошадям нужна мужская сила и сноровка. К тому же в такое лихое время, когда разбой идет в степи, когда более сильные роды захватывают лучшие пастбища, как без мужчин? Да еще на чужбине...

Голоса ропота и опасений раздавались и среди ойратов-воинов, которым предстояло оставаться в Улясутае:

— Держаться нужно всем вместе. Не гоже, что нас разлучают. Нашли где искать помощи... Сколько из-за еджэхана крови нашей пролито!.

Увещевал Амурсана своих соплеменников, говорил, что все обойдется, что пришли они сюда не по доброй воле, что еджэхан поможет им сбросить Дабачи, вернутся тогда они в свои родные места, спокойно заживут со своими детьми.

Гусь, искавший пристанища,
Гогочет, увидевши озеро;
Молодицы, подумавшие о своих кочевьях,
Всхлипывают, проливая слезы.

От приглушенных слов этой песни, донесшейся из темноты, Амурсану передернуло. Он хотел послать кого-нибудь из слуг, чтобы прекратили эти наводившие тоску песнопения, но удержался.

* *
*

Облако пыли, взметнувшееся впереди, осело, снова стала отчетливо видна горная гряда, покрытая редколесьем. Где-то там остался Амурсана, его люди. Чем дальше удалялся от них Шухэдэ, тем впечатления от встречи с ойратским князем становились более определенными. Теперь Шухэдэ мысленно видел перед собой не реального Амурсану, а тот образ, который запечатлелся в памяти. Отдельные детали общего восприятия из-за своей малозначительности (пыль на гутулах [19], манера играть пальцами) сгладились, уступив место более важным. Шухэдэ пытался собрать воедино все штрихи, которые давали основания судить об Амурсане как о человеке. Он и раньше был предостаточно наслышан об этом хойтском тайджи. Но одно дело, когда говорили другие, другое — когда видел и слышал сам. Не мог Шухэдэ, пообщавшись с Амурсаной, избавиться от впечатления, что тот вроде сосуда с двойным дном. Сегодня бьет челом, благодарит и славит государя, а завтра неизвестно, как будет себя вести. Он, Шухэдэ, не стал бы особо уповать на Амурсану. Неспроста, видно, его не поддержали все, кому не по душе Дабачи. Если бы так силен и влиятелен у себя был, не бежал бы. Употребить его против Дабачи, очевидно, можно будет когда-то и как-то, но только не сразу и не вдруг. Для начала нужно разделить ойратов во избежание какой-либо смуты. Самих князей с некоторым числом людей оставить в военном лагере в Улясутае, прочую же толпу переселить внутрь империи, на земли сунитов, например. Разобщенных, их легче будет удержать в узде.

О своих соображениях Шухэдэ отписал государю, чем привел его в ярость и навлек на себя опалу. В крайней осторожности, проявленной Шухэдэ, Хун-ли усмотрел несогласие с его решением пойти войной против Дабачи, как только будет заполучен Амурса-

на. Если так дело вести, значит, позволить Дабачи по-прежнему править в Или и упустить самый подходящий момент. Пока Амурсана еще не остыл, его без промедлений нужно напустить на Дабачи. Пусть сидит у самой кромки владений Дабачи и нюхает, чем тянет из его логова. Какой прок держать его в Улясутае? Людей ойратских князей тоже незачем переселять так далеко, пускай в Халхе останутся, к своим местам поближе. А мятежа их бояться нечего: халхасы мигом их обуздают. Амурсане кочевья на Цзабхане отвести, всем прочим — на Тамире и Орхоне — такое решение принял богдыхан.

Нетерпение снедало Хун-ли. Он уже мысленно представлял себе позор и унижение низвергнутого Дабачи, торжества в столице по случаю победы. От этих волнующих картин появлялось такое же чувство, какое у него бывало на охоте. Несколько дней кряду гонишь зверя и не можешь его настичь. Но вот, наконец, пущенное с седла копье разит зверя. Сладок для ушей предсмертный его рык. Но даже на охоту не выезжают, предварительно хорошенько не подготовившись. Не обойтись без нее и в предстоящем походе. Речь идет ведь не о забаве и не о нескольких днях погони. Десятилетиями бросали вызов джунгарские правители дому Цин своим нежеланием покориться и попытками оспаривать его власть над Халхой. Джунгария — это, конечно, не охотничьи угодья в Жэхэ. Страна далекая и чужая. Нет среди полководцев Цин таких, кто бы хаживал в джунгарские пределы. Прежде чем в Цзюньцзичу составят план кампании, необходимо узнать, что мыслит Амурсана. Уж он знает, как подступиться к Дабачи. Сейчас Амурсана далеко отсюда, его не вызовешь и лично не спросишь. Цзянцзюню Цэрэну, что находится в окрестностях Улясутая, поручим лишний раз прощупать Амурсану и обговорить виды на будущее.

* *
*

Спешит гонец, сменяя на пути лошадей. У него срочное предписание императора цзянцзюню Цэрэну.

Цэрэн из-за своего преклонного возраста почти не выезжал за пределы Тамирской крепости, но приказ

императора нужно было выполнять, и цзянцзюнь велел запрягать повозку. Через несколько дней пути он добрался до ставки Амурсаны. Приглядываясь внимательно, ощупывая цепким взглядом лицо и фигуру Амурсаны, старик издалека, как бы невзначай завел разговор о житье-бытье, о делах минувших, о возможных переменах.

— Конечно,— места здесь не те, где ты раньше жил. Что же поделаешь, случается всякое. Но ведь и не навсегда сюда перебрался. Подойдет время — вернешься на старые места.

— Да скорей бы уже,— горячо отозвался Амурсана.— Все из-за Дабачи случилось. Нас со свету сжить вознамерился. Потому и пришлось спасаться. А Дабачи не будет — нам в джунгарских землях будет вольготно жить. Уже сейчас самое время выступить против него. В Джунгарии ныне не затихают смуты. В помыслах людей — уйти куда глаза глядят. Желтая вера в загоне. Среди приближенных Дабачи нет ни одного дельного человека. Но сначала нужно привлечь на нашу сторону пограничный люд — чжахачинов, баочинов [20]. У них в кочевьях остались мои люди, кто отстал, а кто в плену. Возьмем скот у чжахачинов и баочинов — будет чем кормиться моим людям. Главное же вот что. Как узнают во владении Дабачи, что чжахачины и баочины уже ему не подвластны, разброд среди подвластных людей Дабачи мигом усилится. И если еджэхан пошлет туда хотя бы одного человека, то от Дабачи тут же все отвернутся.

— Так, так,— одобрительно кивал головой Цэрэн,— словно соглашаясь со всем, что говорил Амурсана. Мысли же свои держал про себя: «Так вот куда ты гнешь! От нас тебе нужны лишь укрытие на время да опора, а там сам мыслишь управиться. Мы поможем тебе прибрать к рукам пограничные земли баочинов и чжахачинов, и ты после этого снова будешь в седле. Да еще государь через своих послов объявит, что он на твоей стороне. Дабачи, конечно, падет. Ну, а что от того нашему повелителю? Значит, будем радеть только ради интересов этого хойтского тайджи? Нет, он должен быть лишь исполнителем августейших замыслов. И только». Вслух же Цэрэн произнес:

— Твои намерения совпадают с помыслами госу-

даря нашего. Его душа преисполнена скорби о печальном уделе, который выпал на долю ойратов, и он не потерпит, чтобы Дабачи продолжал их мучить. Твое нетерпение поскорее отомстить Дабачи за все обиды вполне понятно. Но ведь ты только прибыл издалека ввериться еджэхану и еще не лицезрел его божественного лика. Ваши люди не оправились от перенесенных тягот, их нужно пристроить, дать им отдохнуть. Да и еджэхан никак не сможет согласиться, чтобы вы тотчас выступили в поход. Сейчас,— Цэрэн пустил в ход главный козырь,— уже 7-я луна, до Или войску не дойти. Как пробиться туда, сам знаешь. Налегке, куда еще ни шло, а тут ведь и припасы нужно везти, и снаряжение. С собой надо все брать, не в гости к Дабачи поедем. Вот на будущий год соберем черигов и коней со всех мест и тогда пойчем на Дабачи.

Амурсана не возражал Цэрэну. Однако не по душе ему было промедление. Но что поделаешь, судьба его теперь зависела не только от него самого. Оставалось покориться воле еджэхана. Без его помощи не свергнуть Дабачи. Ничего у Амурсаны почти не осталось от того, что имел раньше, потому и приходится не жалеть слов благодарности за милости еджэхана и спрашивать у него воспомоществования на прожитье. Дарга [21] Шухэдэ, который принимал беглецов, не спросил, нет ли у них нужды какой. Потом уж попросили они передать прошение еджэхану, чтобы оделил их, чем можно. Только после этой просьбы еджэхан распорядился выдать ему, Амурсане, 2 тысячи, Немеху и Банжуру по 1800 лян серебра. Потом еще расщедрился. Приказал еще выделить по 100 голов крупного рогатого скота и лошадей. 300 баранов, а Немеху и Банжуру соответственно по 80 и 200.

Опустевшая сумка наполнилась слитками серебра. В час обеда крепким ароматом исходила свежая баранина. Вдоволь стало молока и масла. Словно и не было тех дней, когда приходилось довольствоваться кусочком сыра и жестким мясом загнанной лошади, которую едва успевали прирезать. Настали дни сытой, внешне спокойной жизни. Не нужно было сталкиваться в кровавой сече, уходить от преследований. Сытый желудок настраивал на благодушный лад, а вот душа не знала покоя.

Амурсану тяготило вынужденное бездействие. Не давали покоя мысли об участи сына и брата. Что с ними? Живы ли? От сознания собственного бессилия внутри все кипело. Выход своим чувствам Амурсана давал в бешеной скачке по степи. Ездил один. Возвращался молчаливый. Не говоря ни слова, бросал поводья слуге. Уходил к себе в юрту. Наконец, не вытерпел и отправился к Цэрэну. Потаенную мысль вынашивал, хотел вызволить сына и брата. Цэрэну же говорил, что хочет проверить, как прочно держится зайсан Мамут, под чьим началом находятся чжахачины, за Дабачи. Может, он теперь переметнется на нашу сторону, а там еще где-то брат остался со своими людьми. Он, конечно, выступит на подмогу. Цэрэн с доводами Амурсаны согласился. Риск невелик. Кроме его халхасов в вылазке будут участвовать люди Амурсаны и Банжура.

О намеченном предприятии Цэрэн доложил в Пекин, но там затею эту не одобрили. Решили, незачем раньше времени выказывать свои намерения, пусть лучше Дабачи пребывает в неведении о том, что его ожидает.

И вновь для Амурсаны потянулись томительные дни ожидания. Оно было особенно тягостным из-за неопределенности положения. Без помощи богдыхана Дабачи не свалить. Мало ли что могут люди Хун-ли наобещать, последнее слово остается за ним. Намеревался как будто встретиться, да что-то тянет. Придется ждать, пока не вызовет к себе.

* *
*

Наконец, прибыли посланцы еджэхана и церемонно представились. Первым шилан[22] Юй Бао.

— Мне поручено сопровождать тебя и с тобой прибывших в Жэхэ на аудиенцию к государю,— торжественно объявил он.— А это — бэйцзы[23] Чжалафэна, цяньцинмыньшивэй[24] Дэшаньцзифу, фудутун[25] Танкалу. Тоже сопровождающие. Вниманием большим вас удостоил государь.

«Ишь ты, по обличью видно, что урожденный степняк,— подумал про себя Амурсана, глядя на Танка-

лу.— Да и походка выдает. А поди-ка, звание какое-то мудреное и держится как!» Сам не сознавая еще почему, именно к нему почувствовал Амурсана расположение. Может, причиной тому был его выговор, может, еще что. Шилан Юй Бао тоже хорошо говорил на близком и понятном халхаском наречии, но все равно чувствовалось, что ему этот язык не родной. Заговорил Танкалу — и сразу выдал свое исконное монгольское происхождение. Только дело, видно, было не в говоре. В самом тоне, каким произнес свои слова Танкалу, звучало искреннее участие, а в открытом взгляде сквозило дружелюбие. Нет, не похож он был на высокомерно-снисходительного Юй Бао.

Сборы были недолгими. Смущало, что не мог преподнести еджэхану богатых подарков. Разве только несколько ковров да кое-какое оружие. Посетовал на это Танкалу. Тот успокоил:

— Государь наш бескорыстен и милосерден. Для него большее удовольствие дарить, нежели принимать подарки. Да и в положение твое он вхож.

Дорога все дальше и дальше уводила на восток. Амурсану все вокруг живо интересовало. То, что ему раньше было известно лишь понаслышке, теперь представлялось воочию. Гоби... Солончаки. Небогатый травостой. Такие же араты, что и в Джунгарии. Судя по одежде, особого достатка нет. Властью еджэхана недовольны. Убедился в этом на очередной почтовой станции, когда меняли лошадей. Случайно подслушал негромкую беседу. Говорили, судя по выговору, халхасы.

— Совсем уже становится невмоготу,— говорил один.— В нашем хошуне [26] лучших лошадей и верблюдов забирают для войска еджэхана. А на тех, что остаются, заставляют возить казенные припасы.

— И у нас то же самое,— сокрушенно сказал другой.— Житья совсем не стало. Всем верховодят маньчжуры и их еджэхан, а мы у них в слугах ходим.

— Скоту уход нужен,— вступил в разговор третий,— а наших мужчин угнали стрелы и копья делать. Чем кормиться потом будем, если скот как следует не пасти? Из баб, известно, какие пастухи.

— А нашему хошуну велено выставить 150 хуиков [27] в полных доспехах и при оружии,— заговорил еще один.— Ясно, что не на охоту пойдут. Опять, вид-

но, еджэхан воевать с кем-то замыслил, и снова нашим кровью своей платить придется. А кто вернется живым, но увечным, кому он нужен?

Видно, не больно благоденствуют здешние монголы под властью еджэхана. Не слышно, чтобы славили его имя.

* *
*

Эти земли, некогда занимаемые монголами хорчинских поколений, облюбовал для летнего отдыха император Сюань-е. Здесь, в Жэхэ, он охотился и предавался развлечениям. Но особенно полюбились красоты жэхэских урочищ внуку Сюань-е Хун-ли. Его заботами вырос и украсился город. Буддийские храмы появились за пределами императорского дворца и парка.

Красоты жэхэских пейзажей, вдохновившие не одного придворного поэта и живописца, на Амурсану особого впечатления не произвели. Горы, долины — ко всему этому его глаз привык еще с детских лет. Да и ехал он сюда не красотами здешней природы любоваться. Как примет еджэхан? Вот единственно, что занимало Амурсану. Взгляд его рассеянно скользил по змеившейся между гор дороге. Но вот от диковинного вида, открывшегося взору за поворотом, слетело полудремотное оцепенение. Вдоль дороги вытянулась цепь гранитных скал. Располагались они так, что напоминали хребет какого-то четвероногого животного. Из средины этого позвоночника высоко к небу вздымалась скала, тонкая в основании и утолщавшаяся кверху. Макушку скалы венчал кустарник. Всадники на какое-то время остановились.

— Государь-император,— почтительно произнес один из офицеров свиты, решив блеснуть своими познаниями,— соизволил признать картину этого удивительного пика в числе 36 роскошных видов провинции Жэхэ. И в честь этой вершины он написал такие стихи:

Клонится к западу вечернее солнце,
Каналы покрылись лазуревой дымкой,
А пик-великан, по-прежнему чудно прекрасный,
Над всеми горами высоко вздымает вершину,
Как будто желая достигнуть самого неба.

— Так тонко выразить ощущения при виде этой горы,— подхватил другой офицер,— мог только государь. Воображение простонародья не заходит дальше того, чтобы назвать это чудо природы скалой, похожей на дубину.

Тронулись дальше. Не доезжая Линчжэнмынь — ворот императорского дворца, спешились. Надписи на трех языках на громадных каменных плитах предупреждали, что все, начиная от самых высших князей, должны сходить здесь со своих лошадей и дальше следовать только пешком.

К приему Амурсаны здесь уже приготовились. Столь важна была эта встреча, что Хун-ли не заставил себя ждать. За три дня добрался сюда из Мукдена. «О государстве судят по ее правителю»,— любил говаривать Хун-ли. В честь гостей он распорядился устроить состязание в стрельбе из лука и конные скачки, и сам принял участие.

Перед званым обедом пригласил Амурсану на личную беседу. Держался просто, говорил, что наслышан о тех бедах, которые терпят ойраты. Выражал возмущение по поводу неправедных поступков Дабачи. Посочувствовал Амурсане и приободрил его: «Теперь, дескать, все устроится. Не оставим в беде».

Такого убранства и таких покоев Амурсане, конечно, не приходилось видывать. С ургой хунтайджи не сравнишь. Признаться, не ожидал и такого обращения. Кто он в сравнении с еджэханом? Бедный проситель из вражеской страны. А еджэхан держал себя с ним совсем без чванства и говорил вроде душевно. Совсем не так, как Дабачи с ним обращался, когда хунтайджи стал.

Хун-ли показался лишь в самом начале приема, который распорядился устроить для Амурсаны и прочих князей, а затем незаметно ушел. Амурсана, повернувшись к сидевшему рядом Фу Хэну, негромко произнес:

— Государь — доподлинно само божество. Разве я, простой смертный, осмелюсь служить ему?

Слова эти прозвучали для Фу Хэна двусмысленно: то ли гость намекает о своем намерении не все делать, что ему велит государь, то ли действительно не знает, как его отблагодарить за внимание.

С террасы летнего дворца, где происходил прием, была хорошо видна Паньчуйфэн, скала, похожая на дубину. Летний дворец и гора выступали как две ипостаси маньчжурского двора. Ешь, пей, угощайся, если проявляешь покорность, но помни, что ждет тебя, если ослушаешься.

Не скупился еджэхан на щедроты. Первым делом пожаловал Амурсане четверку лошадей из своей конюшни и велел передать, что не пристало ему на таких одрах, какие у него теперь, ездить. Ведь он, Амурсана, князь, и таковым его еджэхан считает. В подтверждение пожаловал ему от себя звание циньвана — князя первой степени и как бы приравнял к вельможам Цинской империи.

Пышные приемы чередовались друг за другом. Велеречивые царедворцы не скупились на похвалы мужеству и уму Амурсаны и прибывших с ним князей. Заверяли в том искреннем участии, которое вызывает у них печальная судьба беглецов, поносили узурпатора и душегуба Дабачи.

Но за этими лицемерными излияниями крылось еле сдерживаемое ликование по поводу возможности на деле осуществить заповедь, которой испокон веков держались правители Поднебесной «руками варваров подчинять варваров».

* *
*

Смолкли звуки музыки и затихли голоса, погасли светильники в парадном зале. Удалился на свою половину хозяин. Развели гостей в отведенные им покои. Затих дворец, но жизнь в нем не замерла. Одна крыша укрыла на ночь и Хун-ли с его челядью, и Амурсану с его родичами. Но только укрыла, не слила воедино все их помыслы и чувства. И Хун-ли, и Амурсана видели друг в друге лишь орудие для достижения собственных, взаимоисключающих целей. Но мысли эти они таили один от другого.

Замыслил богдыхан, имея в своих руках Амурсану, сокрушить раз и навсегда ненавистный ойратский удел, но сделать это так, чтобы Амурсана даже и не заподозрил ничего о таких намерениях. Пусть верит,

что у Хун-ли и в помыслах иного нет, как только низложить Дабачи и предоставить ойратов потом самим себе, к тому же необходимо дать повод им думать, что признаем власть Амурсаны. Конечно, этому не быть. Когда управимся с Дабачи, их четверной союз лишим верховного владыки, четырехсоюзие расчленим на части и по своему усмотрению назначим в каждой правителей. Чтобы замысел этот удался, нельзя с Амурсаны глаз спускать, необходимо и в душу к нему влезть и посмотреть, что там таится, Приставим к нему человека, чтобы следовал за ним неотступно, вошел к нему в доверие и другом стал.

* *
*

Подаренный еджэханом из плотного золотом вышитого шелка халат свободно облегал тело, но все же Амурсана не мог освободиться от ощущения, что он ему тесен. Может быть, давал себя знать легкий хмель от выпитого на обеде, а может, непривычная духота в отведенных ему покоях. Казалось, что дракон, распластавшийся на ткани халата, когтистыми лапами сжимает сердце. Амурсана посмотрел желтый пояс и шапку с павлиньими перьями — знаки достоинства циньвана. Был Амурсана хойтским тайджи, звание свое унаследовал от предков, теперь по воле еджэхана стал его князем. Только не за этим стремился он к правителю Китая. Княжеские халат и пояс — это словно сбруя для только что объезженного коня. Вчера еще конь бегал резво в табуне, а сегодня уже под седлом, взнуздан и скачет туда, куда велит хозяин. Нет, не затем, чтобы стать слугой еджэхана, прибыл он сюда. Пока же здесь и виду не подаст, что ему ни к чему павлиньи перья и желтый пояс. Как говаривал старый Падма: «Между слепыми закрывают глаза, между хромыми хромают». Приспосабливайся к порядкам той страны, в которой живешь, но себя при этом не теряй. Слова эти — не праздные байки, за ними житейский опыт многих поколений.

Из душного помещения, пропитанного едкой гарью светильников и дурманящим ароматом курительных свечек, тянуло на воздух. Амурсана хотел было при-

вычным жестом откинуть полу юрты, но пальцы уткнулись в резьбу массивной двери. Чужими казались и небо над головой, и звезды. Там, в родной Джунгарии, небо ночью, словно черный бархат, и звезды ярче светят, а здесь небо, словно полинялое, и звезды как будто подслеповатые. И воздух здесь пахнет не так. Все было не по душе Амурсане.

Возбуждение и некоторая приподнятость, вызванные оказанным приемом и застольными речами, сменились тягучим чувством тоски по родным местам. «В привычной стране грубый холст кажется мягок, а шелк незнакомой местности, хоть он и мягок, не лучше холста»,— вспомнились нехитрые слова родной песни.

И люди здесь, в Жэхэ, тоже чужие, не располагают к себе. Сановники высокомерно бесстрастны, слуги почтительно безмолвны. И те, и другие дают понять, что ты не только чужой, но и презираем. За свои манеры, за то, как ешь, как пьешь. У ойратов и жизнь проще, и люди более открытые. Что не так, прямо скажут, а здесь все больше недомолвками, ни да — ни нет. Правда, нашелся и тут человек, с кем по душам довелось поговорить. С Танкалу, что сопровождал Амурсану в Жэхэ, они еще во время дороги стали накоротке. По приезде Танкалу остался во дворце. С ним Амурсана встречался на обедах, говорил и наедине. Располагал Танкалу к себе открытым лицом, прямотой суждений. Он с сочувствием слушал рассказы Амурсаны о пережитых невзгодах. Утешал: «Все обойдется. Вернешься опять в родные места. Государь наш тому поможет».

Как-то речь зашла о том, что станет после того, как с Дабачи будет покончено.

— Конечно,— напрямик заявил Танкалу,— последнее слово за государем. Раз вверили ему свою судьбу, он и решит, кому кем быть.

— Мы, хотя с вами и сродни,— осторожно подводил Амурсана к самому сокровенному, что не давало ему покоя,— но управляемся по-разному. У вас давно уже нет своего единого правителя, а у нас и доныне один хунтайджи над всеми четырьмя ойратами. Изменять этот обычай — только посеять новые смуты на

джунгарской земле. От них же проку еджэхану никакого не будет. Они, как пал степной, займется огонь в одном месте — перекинется на другое. Да и соседи, казахи и киргизы, беспокойные. Если не станет у нас хунтайджи, трудно будет удержать их от нападений на джунгарские земли. А раз так, то и владения еджэхана, что на окраине, тоже окажутся в опасности.

— Да, видно так,— соглашался Танкалу.

— Казахский правитель Аблай.— продолжал Амурсана,— мне хорошо знаком. Я знаю, чем его взять. И если только стану хунтайджи, то Абай, сломя голову, прискачет, чтобы, простершись ниц, с благоговением взглянуть на божественный лик еджэхана и назваться его слугой. Так что, признав меня ойратским хунтайджи, еджэхан обретет не одного, а больше верноподданных слуг.

— Дело как будто говоришь,— отозвался Танкалу.— Об этом при оказии доложу императору.

* *
*

Время пребывания в Жэхэ подходило к концу. В канун отъезда Амурсане было велено явиться к богдыхану. Торжественного приема не последовало. Аудиенция больше походила на беседу двух знакомых, один из которых был постарше возрастом, другой помоложе. Хун-ли держался просто, хотя и не упускал случая подчеркнуть свою образованность, то и дело цитируя изречения древних мудрецов. Император интересовался, что понравилось гостю и что его особенно сильно поразило.

— Диковин таких,— отвечал Амурсана,— прежде видывать не доводилось. Зверей у нас в горах всяких предостаточно, но таких, которые бродят здесь в загонах, не то что не видел никогда, но и не слышал, что бывают. Горы у нас всякие, но та вершина, которую воспело Ваше Величество, своим видом поразила безмерно. Слов нет выразить всю благодарность за оказанный мне прием, за пожалованные мне милости. Не достоин их. Благодарен и за заботы государя о желтой вере. Здесь, милостями его, она процветает. Храмов

сколько! И какие! У нас же, по вине Дабачи, желтая вера в упадке. Подарков храмам не делает, лам не чтит.

— Древние говорили, что тот правитель, который не печется о душе своих подданных, неправедный,— назидательно заметил Хун-ли.— Небо лишает таких своего благословения, а потому и подданные покидают их. Так и Дабачи. Удел его предопределен свыше.

— А что станется после него? — не смог сдержаться Амурсана.— Кто унаследует власть хунтайджи?

— Мы пока не думали об этом. Три Черина, что раньше тебя прибыли к нам, и зайсан Сарал просили у нас дать лишь приют. Ты домогался только того, чтобы помогли тебе вернуться в прежние кочевья. Не так ли? Ты был там, кажется, одним из предводителей хойтов. Если они захотят иметь тебя своим правителем, мы против их воли не пойдем. В нашем правиле чтить обычаи народа. Нам будет весьма приятно, что у джунгар прекратились смуты, каждый спокойно живет и радостно занимается своим делом.

С этими словами Хун-ли поднялся, дав понять, что аудиенция закончена.

Было ясно, что он не торопится называть его, Амурсану, преемником Дабачи. Видно, уже успели нашептать дэрбэтский Черин или Сарал. Надо, чтобы кто-то отвел наветы, убедил, что, кроме него, Амурсаны, нет более достойного быть хунтайджи.

Зная о предстоящем отъезде ойратского тайджи, проститься с ним в частном порядке пришел Танкалу. Амурсана рассказал ему о своих тревогах.

— На охоте и то всякое случается,— задумчиво произнес Танкалу.— Коня понесет — и отъездишься. Тут же дело не об охоте идет. Вернуться хочешь на прежнее место, где тебя как супротивника ждут. Кто знает, как оно обернется. Вернуться-то вернешься, а кто-то вернется лишь затем, чтобы только на родной стороне сложить свои кости. Стоит ли теперь так тревожиться из-за того, кто станет хунтайджи? Дабачи,— Танкалу растянул губы в улыбке,— ясно не останется. Но раз уж тебя сейчас всего больше заботит, чтобы еджэхан имел тебя ввиду, то доложу ему все, как тебе обещал.

* *
*

Лицо Хун-ли хмурилось. С явным раздражением он поджимал губы, отчего глубже залегали складки у рта. Сговорились они, что ли? И Танкалу, и Банжур с Нагэчой одинаково просят признать Амурсану единоначальным правителем ойратов. Банжур и Нагэча — понятно, один брат Амурсаны, другой тоже с ним ушел от Дабачи. А у Танкалу какие причины радеть об ойратах? Амурсана пусть довольствуется тем, что ханом хойтов станет, хотя и на это достаточных прав не имеет. Неспроста, конечно, они завели речь о признании Амурсаны хунтайджи. Явно выведывают его, Хун-ли, намерения.

Хун-ли отбросил докладные в сторону. «Напиши в указе Цзюньцзичу так,— обратился к секретарю.— Сказанное Танкалу — бред. Джунгарии под властью хунтайджи не бывать. Назначим там четырех ханов. Банжуру можно объявить, дабы не тревожился, что он станет хошотским ханом». Хун-ли внимательно прочел написанное и с силой приложил печать. На бумаге расплылось красное пятно. «Вот так,— недавнее раздражение сменилось злорадным удовлетворением.— Пришел конец ойратскому союзу. Дабачи обречен. И никому уже не быть хунтайджи. А знак его власти, печать, пополнит мое собрание диковинных вещей. Ойратам она уже будет более ни к чему».

* *
*

Из Жэхэ Амурсана уезжал той же дорогой, что и приехал, но возвращался как будто иным человеком. Ликовала его душа оттого, что еджэхан обещал поддержку в борьбе с Дабачи. Не просителем себя чувствовал, а возведенным в князья империи Цин. Лелеял мечты, что еджэхан не станет чинить препятствий в его стремлениях стать хунтайджи. И если даже богдыхан открыто не говорил об этом, куда ему деваться, когда в илийских землях, оставленных Дабачи, он, Амурсана, владельцем утвердится. Так думал Амурсана, держа путь на берега Цзабхана.

Белую юрту Амурсаны раскинули ближе к реке. Порывистый ветер гнал поземку, снежная крупа с шуршанием отлетала от стен юрты. Подогнув полы шубы, Амурсана присел на корточки у самой кромки застывшей воды. Она казалась недвижной под толстой коркой льда. Встал ногой — лед выдержал. Значит, время еще есть, но до половодья надо уже выступить.

К обеду пожаловал высокий гость — дарга Баньди. Прислал его в Халху из Пекина сам еджэхан помочь сделать все, что необходимо для предстоящего похода против Дабачи. Повел себя Баньди решительно и круто. Старался на этот раз оправдать доверие, поскольку перед этим в войне с племенами «варваров» на юго-западных окраинах империи не отличился и был не в чести. Как ни жались халхаские князья, ссылаясь на то, что за последние годы стада уменьшились, Баньди вытребовал нужных для армии лошадей, верблюдов, быков и баранов. Сам не погнушался места выбрать для выпаса. Ответственным назначил халхаского циньвана Эринчин-Дорчжи. «Чего не досчитается к сроку,— предупредил его,— из личных стад отдашь».

Прощупал Баньди и прочность рубежей владений Дабачи. Удача сопутствовала посланным Баньди睡 черигам. Несколько зайсанов с их людьми и скотом лишился Дабачи. Среди тех, кто изъявил покорность еджэхану, оказался и небезызвестный зайсан Мамут. Тот самый, что шел по следу Амурсаны и норовил достать его и за линией халхаских пикетов.

Богдыхан остался доволен тем, как повел дело Баньди, и вызвал его к себе на личную аудиенцию. Перед своим отъездом в Пекин Баньди специально приехал к Амурсане, чтобы еще раз обговорить основные детали кампании. Амурсана распорядился приготовить угощение, достойное почтенного гостя, но тот сразу же предостерегающе поднял руки: «Не на праздник приехал. Да и лишних ушей не надо. Дело важное — буду докладывать самому государю».

Баньди хотел еще раз сам выслушать, что скажет Амурсана. Баньди предстояло стать командующим северной армией, об этом уже вышел указ. Но ни места, через которые он поведет своих черигов, ни местные

владетельные люди ему не были известны. Обо всем этом отлично знал Амурсана. Поэтому так внимательно и вслушивался Баньди в то, что рассказывал Амурсана, запоминал каждое слово и интонацию. Смотрел тяжелым взглядом из-под нависших век, стараясь угадать то, что собеседник, возможно, не досказывал. Но таить как будто было нечего. Речь шла о войне против Дабачи — общего врага и для Амурсаны, и для богдыхана. В ненависти Амурсаны к джунгарскому правителю не приходится сомневаться, из-за него тот едва жизни не лишился. Недаром при одном только упоминании имени Дабачи Амурсана багровеет весь. Словно молодой пес, что, учуяв зверя, весь заходится лаем. «Вот мы тебя и спустим с цепи, чтобы ты взял добычу,— подумал Баньди,— но от нее ты получишь лишь потроха. Таково правило охоты. Слова же дельные говоришь».

— До лета, а уж тем более до осени, тянуть никак нельзя,— говорил Амурсана.— Расчет здесь простой. В эту пору в Джунгарии кони и скот тощие, сопротивления ойраты оказать не смогут. Легко будет одолеть. Если же летом или осенью пойдем войной, тогда там лошади и скот нагуляют тело, молока будет вдоволь. Труднее будет управиться.

«Люто же ты ненавидишь Дабачи,— подумалось Баньди.— Ненависть твоя не знает предела. Предаешь ведь не только своего правителя, но и соплеменников тоже. А раз нет привязанности к своим по роду-племени, то к нам и подавно». Вслух же произнес:

— Суждения твои достойны того, чтобы о них доложить государю.

Баньди отбыл, и Амурсана вздохнул с облегчением. Чувствовал, не доверяет ему старик. Замучил расспросами.

Только уехал Баньди, и сразу же явился другой посланец от еджэхана — хорчинский князь эфу[28] Сэбтэн-Барчжур.

— Государь прислал,— объявил он,— помогать тебе во всем. Ты ведь не дома, и потому мало ли какие дела возникнут, что одному и не управиться.

Амурсана в ответ учтиво поблагодарил, а про себя подумал: «Какие это здесь дела, чтобы ты нарочно ради них сюда приехал?».

Приглядывались друг к другу беглый хойтский тайджи Амурсана и близкий ко двору Хун-ли Сэбтэн-Барчжур. Оба молоды годами, но судьбы у них сложились по-разному. Один изгоем стал, на довольствии еджэхана жил, другой — в родстве с Хун-ли состоял и был им обласкан. Выходило, что оба от еджэхана милости имели. Но так ли тот был бескорыстен в своих благодеяниях? Амурсана по этому поводу мог лишь догадки строить, а Сэбтэн-Барчжур знал наверняка. Наказ ему дал августейший тесть таков: «Сдружись с Амурсаной и обо всех его поступках и помыслах нас будешь извещать». Непослушание эфу Сэбтэн-Барчжур выказать не смел, но в душе решил: «Доносчиком не стану».

Так и жили бок о бок Амурсана с Сэбтэн-Барчжуром, приглядываясь друг к другу. И не выдержал как-то хорчинский князь. Приехавшие из соседнего улуса с гневом рассказывали, как там прибывший из Пекина маньчжурский чиновник, будучи сильно во хмелю, таскал знатного монгола за волосы и плевал ему в лицо. В этот вечер Сэбтэн-Барчжур вопреки обыкновению не улыбался и, не сдержавшись, обронил:

— Доколе же терпеть все? Ведь мы дети Чингиса! Думает, раз уж перо с шапкой дал да дочь свою, то и мы забыли, что не всегда у них в подчинении были. Сегодня одному — гутулом в лицо, завтра другому голову снесут за мятежные помыслы. И дочь еджэхана не поможет. Раз не стало согласия промеж потомков Чингиса, незавидная у них доля. Вот снова поход затевается против Дабачи, а халхасам-то опять лишь тяготы.

— Да, не иначе,— согласился Амурсана.— Но быть-то как? Нам ведь тоже здесь не житье. И здешним людям мы в обузу. А вернуться в прежние места без помощи со стороны сил нет. Иначе на погибель заведомо идти. Вот с Дабачи управимся, по-иному все пойдет. Если мы, ойраты и халхасы, помогать не станем друг другу, не миновать погибели всему корню монгольскому.

— Верно,— произнес в ответ Сэбтэн-Барчжур.— Раз уж на то оно пошло, так скажу, приехал я сюда не просто помогать тебе. Мне прямо было сказано:

«Бди! И о всех поступках и словах доноси без утайки». Ты думаешь тебя приняли лишь из-за милосердия. Как бы не так! Нужда пока в тебе есть, потому только и не отказали. Как у нас говорится, когда два орла борются, перья для стрелка.

— Ну, что ж,— задумчиво обронил Амурсана.— Все может статься.

— Скажу одно,— Сэбтэн-Барчжур отставил чашку в сторону,— на меня ты можешь положиться. Буду помогать, чем смогу.

Разговор этот Амурсане сильно запал в душу. Сэбтэн-Барчжур высказал то, что и ему самому не давало покоя. Выходило, что на бескорыстие еджэхана уповать не приходится. Помощь он против Дабачи окажет, но сделает это ради собственной корысти, иначе зачем бы приказал за каждым его шагом следить. Да не один Сэбтэн-Барчжур соглядатаем приставлен. Недавно пришел указ о том, что он, Амурсана, назначен помощником Баньди, а его, Амурсаны, подручным определен зайсан Мамут, заклятый враг, что по приказу Дабачи гнался за Амурсаной.

К тому памятному разговору, что состоялся у него с Сэбтэн-Барчжуром, Амурсана вернулся через пару дней.

— Вот о чем решился просить тебя,— начал он без обиняков.— Раз сказал, что готов помочь, то помоги избавиться от этого Мамута. Мне никак нельзя с ним вместе быть. Государь же распорядился, чтобы он у меня помощником был. Если я сам стану просить, то государь посчитать сможет, что это я по злобе на Мамута наговариваю. Ты доложишь — дело другое.

— Отчего же не написать,— согласился Сэбтэн-Барчжур.

Одно за другим в Пекин из Халхи пришли две бумаги: тайный донос Мамута и докладная Сэбтэн-Барчжура.

«Амурсана — это шакал и волк,— наушничал Мамут.— Хотя и покорился, однако не следует пускать его в Джунгарию. Если он отправится туда, непременно навредит».

Закончив читать донос, Хун-ли хмыкнул: «Вот потому и приставили тебя к нему, чтобы навредить он не смог».

«Мамут, как говорил мне Амурсана, не имеет намерения искренне покориться,— докладывал Сэбтэн-Барчжур,— потому нельзя доверять ему. Ныне в составе разведывательных отрядов дозорных войск состоят чжахацины. Опасаюсь, что сведения о наших воинских силах получат огласку. Поэтому лучше уж Мамуту со своими людьми быть в тылу».

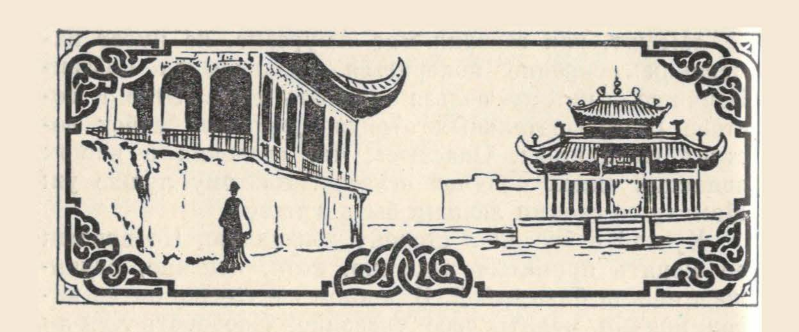
Хун-ли отбросил в сторону докладную. Не привык он менять принятые решения, хотя, конечно, случалось иногда бить отбой. В данном же случае он не видел причин менять свое указание. Наоборот, Хун-ли еще больше уверился, что поступил правильно. У ойратов есть достойное внимания изречение: «Держать змею чужими руками». Поэтому и соединил в одной упряжке двух давних недругов. Мамут — всего лишь зайсан, и стать выше, чем был, не мечтает. Иное дело Амурсана. Он князь. И не довольствовался этим, руки к верховной власти тянул. Сейчас на пальцы дует, когда дали по рукам, но разве он в душе угомонился? Вот потому, чтобы он вперед один не забегал и лишнего не урвал, нужен Мамут.

Сэбтэн-Барчжур был явно обескуражен ответом из Пекина. Тесть писал: «Мамут — человек почтенный, знающий. Поэтому и было приказано ему впереди идти. Если изменить это предписание, то у него возникнут сомнения. У Амурсаны с ним разлады потому, что Мамут ограбил его близких. Поэтому Амурсана не желает с ним идти вместе. Мы используем людей, рассчитывая на то, как они будут полезны. Разве следует из-за сказанного одним человеком менять прежнее решение?»

Сэбтэн-Барчжур сокрушенно развел руками, виновато глядя на Амурсану.

— Вот обнадежил тебя, а не вышло.

— Ладно,— отозвался Амурсана.— Не от тебя же это зависело. Зато удостоверился я, что на тебя можно положиться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В небольшой комнате, где стоял лишь простой стол, собрались самые доверенные сановники императора. Именно в такой обстановке, когда мысль и глаз не занимали украшения и поделки, каждое сказанное слово получало особое звучание. В этой будничнo убранной комнате принимались решения, от которых зависели судьбы целых народов. Настал черед и ойратов.

Вошел Хун-ли, сел и дал знак садиться остальным. Не поворачивая головы, быстро окинул взглядом присутствующих. Все были в сборе. Впрочем, если кто и отсутствовал, это не имело значения. Для Хун-ли его самые высокопоставленные министры были не больше, чем писари. «Их единственная обязанность,— говаривал он,— в том, чтобы точно переписывать указания императора». Решение Хун-ли уже принял и на это заседание Военного совета явился, чтобы лично огласить его и только между прочим выслушать мнения министров. Могло статься, дельное что-нибудь скажут.

— Держава наша уже несколько десятилетий пребывает в безмятежном покое,— ровным бесстрастным голосом начал Хун-ли.— В казне завелись излишки, накопилось там более 30 миллионов. Хлеба в амбарах хватит на 20 с лишним лет. Хотим, однако, употребить военную мощь в дальней стороне, внушить страх ратными подвигами за пределами границ державы нашей. К тому же она несколько десятков лет возводила смотровые башни, обучала войска, кормила лошадей,

желая уничтожить джунгар, но не представлялось к тому возможности. Ныне момент подходящий наступил, и времени никак нельзя терять. Амурсана уверяет, что Или можно взять. Нам хотелось бы услышать ваше мнение.

Министры высказаться не спешили. Многих из них война страшила. Время еще не изгладило из памяти катастрофу 1731 года. Тогда тоже казалось, что победа обеспечена, а дело обернулось сокрушительным разгромом. Молчание затягивалось. В глазах Хун-ли появился недобрый блеск. Любой намек на слабость Поднебесной он расценивал как свою кровную обиду. Тягостное молчание нарушил канцлер Фу Хэн, шурин Хун-ли:

— Само Небо ниспосылает нам этот счастливый случай. Непременно нужно пойти походом на Дабачи!

Остальные министры согласно закивали головами.

Шла весна 1755 года. Повеселели люди. Уходила зима с ее холодами, с заботами о том, как прокормить скот. Надеялись, что, уцелев после зимовки, скот нагуляет за лето тело и приумножится. Все обернулось иначе.

— Седлать! Выступать!— с таким предписанием поскакали от одной юрты к другой гонцы. Так повелел еджэхан из Пекина.

Седлали коней чериги, вьючили верблюдов, съезжались к месту сбора. Кому суждено было встать в боевые порядки, кому нести курьерскую службу, заниматься перевозками военного снаряжения и провианта. Глухо роптали халхасы. Для них эта война — лишь тяготы, увечья да смерть. Беженцы-ойраты, напротив, не скрывали своей радости: «Наконец-то вернемся в родные места».

Против Дабачи отрядил Хун-ли 50 тысяч воинов разного рода-племени. Лучшие свои войска не пожалел для этого. Шли в поход гиринские солоны, цвет восьмизнаменного воинства [29]. На Джунгарское ханство надвигалось войско богдыхана — «армия по умиротворению пограничной окраины»: дескать, не воевать решил правитель Поднебесной с ойратами, а дать им внутренний мир, убрав виновника междоусобных свар.

Двигались войска по двум направлениям: в северном, из Улясутая,— армия Баньди, в западном, из

Баркуля,— соединение Юн Чана. Передовой отряд этого войска вел ойратский зайсан Сарал.

Авангардом Баньди командовал Амурсана, возведенный в ранг помощника командующего богдыханом. Никто Амурсану сейчас не придерживал — скачи и скачи. Баньди где-то позади остался. Он с самого начала так сказал: «Государь распорядился, чтобы ты впереди шел. Тебя в Джунгарии хорошо знают, и тебе легче будет успокоить и привлечь на нашу сторону людей. Так что на меня не оглядывайся, а иди вперед так быстро, как сможешь». Дарга Баньди не мешал, а от Мамута на время удалось избавиться. Замешкался тот с возвращением из ставки Баньди, а Амурсана дожидаться его не стал. Забрав с собой часть цзахачинов, людей Мамута, поскакал хойтский князь вперед. Мамут догнал его на Эрдэлике, когда молва о том, что именно Амурсана, а не другой кто-либо идет с войском, уже полетела в ойратские улусы.

Амурсана напряженно вглядывался вдаль: «Что замыслил его недруг Дабачи? Какой прием окажут ему теперь люди Джунгарии. Поверят ли тому, что сказано в листах с манифестом еджэхана?»

Еджэхан писал, обращаясь к народу Джунгарии, что не таит против него никакого злого умысла, а, напротив, печется лишь о его благе. В лицемерии своем еджэхан явно переборщил: «Ваш тайджи Галдан-Цэрэн с уважением внимал нашим наставлениям. Чтил и слушался Нас, не допускал прегрешений. Мы хвалили его искреннее постоянство. В течение 20 лет многократно и щедро даровали милости, чтобы все могли спокойно жить. Дабачи же осмелился убивать, дело дошло до того, что погибли потомки Галдан-Цэрэна. К тому же еще Дабачи подрывает желтую веру. Разве Мы могли, сидя сложа руки, терпеть, видя, как сокращается род Галдан-Цэрэна, а земля гибнет?».

Насчет Дабачи куда еще ни шло. Ну, а что до того, будто Галдан-Цэрэн поступил так, как ему говорил еджэхан, в это не поверят, особенно пожилые люди, а их как раз и слушают. Амурсана помнит рассказы своего дядьки, как ходили при Галдан-Цэрэне походом против еджэхана. Трудно поверить ойратам, что маньчжурский еджэхан — их благодетель. В душу не одному поколению въелось, что причина всех бед ойра-

тов — маньчжурские еджэханы. Если бы не они, не знали бы ойраты тех бед, какие выпадали на их долю, не надорвалось бы от частых войн их государство.

Наконец, пересечен рубеж, отделявший владения цинского богдыхана и джунгарских хунтайджи. Первое стойбище. Выходят навстречу люди, приветствуют, угощают мясом и кислым молоком. «Начало хорошее!» — ликует Амурсана и лихо пришпоривает коня. За ним устремляются его чериги. На коротких привалах он быстро набрасывает очередной рапорт. В нем то же, что и в предыдущем: «Сопротивления не встретил! Люди всюду принимают хорошо». Эти докладные самолично читает Хун-ли. Он доволен.

Слишком поздно узнал Дабачи, что пошел против него войной еджэхан. Летом 1754 года, после того как мятежная троица оставила джунгарские пределы, Дабачи попробовал заверить еджэхана, что хочет жить с ним в мире и согласии. Но послов его чуть ли не вытолкали. Посчитал Хун-ли оскорблением, что Дабачи обратился к нему как государь к государю. Стерпел эту обиду хунтайджи, да еще и прощения стал просить: по недомыслию, мол, словом глупым обидел Сына Неба, нижайше прошу извинить. Но этот посол Дабачи не попал в Пекин. Встретил его зайсан Сарал, что двигался в авангарде армии Юн Чана, арестовал и повез в обратную сторону.

Хватился Дабачи собирать ополчение, но уже поздно было. Оставалось одно — пуститься наутек.

Еще не истекла 5-я луна 1755 года, а Амурсана писал в докладной: «Илийский край покорен». То, чего хотел Амурсана, он добился, пускай и не без помощи еджэхана. Им обоим был неугоден Дабачи как хунтайджи, на этом они и сошлись. Дальше он, Амурсана, не намерен числиться слугой еджэхана. Покрутив в руках печать помощника командующего, Амурсана небрежно сунул ее в чехол: «Недолго уже осталось пользоваться ею: здесь, среди своих, эта штука власти мне не прибавит».

Дабачи еще не был пойман, но Хун-ли уже распорядился пышно отпраздновать победу. Посыпались награды. Первым в списке шел Амурсана. Жаловалось ему двойное довольствие князя первой степени, в принцы возводился его сын. Особо отметил богдыхан Фу

Хэна. Памятуя о его поддержке на том заседании Цзюньцзичу, дал ему титул гуна первой степени. Всем прочим членам Военного совета Хун-ли великодушно простил их тайную оппозицию, все они удостоились наград.

Воздал должное Хун-ли и божественным силам, которые способствовали успеху кампании. Специально были посланы чиновники совершить жертвоприношения Небу и Земле, божеству полей и злаков, духу Конфуция. В дворцовой молельне, где вместе с табличками, запечатлевшими имена предков, стояли изваяния божеств, в присутствии самого Хун-ли свершался торжественный обряд жертвоприношения. Грозный Гуань-ди, бог войны, мог быть доволен: кровь была пролита в его честь. Не пожелавших подчиняться еджэхану и откочевавших обратно в Джунгарию, Барана и Мункэ-Темура изловили и обоим отрубили головы в честь Гуань-ди, давшего победу воинству Сына Неба, а также и для острастки остальным здешним князьям. Пусть знают, что теперь уже богдыхан станет вершить их судьбами, а не хунтайджи, а кто не будет покорен воле Сына Неба, пощады не ждать.

Призадумались ойраты. Обещал еджэхан избавить джунгарский народ лишь от злодейств Дабачи, а дело вот как оборачивается. Полетели головы у тех, кто к бесчинствам Дабачи и не был причастен. Кое-кто уже сообразил, что новые порядки наступают в джунгарских землях, но точно никто ничего не знал. Указ Хун-ли о том, что управляться Джунгария будет на тех же основаниях, что и давно подвластная дому Цин Халха, еще не вышел из стен дворцовой канцелярии. Время пока не пришло, чтобы его обнародовать.

Ни о чем этом, понятно, не знал Амурсана. Не дошло до него известие и о пожалованной ему награде двойным окладом. Одна мысль владела им: не упустить бы только Дабачи!

По пятам за Дабачи шел Амурсана. Не мог оторваться от него Дабачи, как ни петлял, ни кружил. Решил, наконец, передохнуть у склона гор Гедын. Разбил лагерь, расставил охрану.

«... 14-го дня 5-й луны 20-го года,— лаконично сообщала депеша, лежавшая перед Хун-ли,— наши войска заняли боевые порядки. Ночью были посланы на

разведку командир фланга кара-батур Аюйси, ойратский чжанцзин[30] Бату-Цзиргэр и недавно перешедший на нашу сторону зайсан Чахаши с 22 воинами. Однако Аюйси и другие, что были с ним, внезапно проникли в разбойничий лагерь. И против своего желания открыли пальбу, подняли крик. Разбойники переполошились, и кто куда. Дабачи убежал, имея с собой двадцать с лишним человек...»

В погоню за Дабачи Баньди отрядил цаньцзаньдачэня[31] гуна[32] Дардану. Порывался догнать хунтайджи Амурсана, но командующий его урезонил: «Ты и так притомился. Все время ведь в авангарде шел. Передохни пока. Да и коням твоим тоже нужна передышка. У Дарданы же кони почти свежие. Ему сподручнее будет». Не стал перечить Баньди Амурсана. Не знал он, что не о нем и его конниках заботился Баньди, когда отрядил в погоню Дардану. Не хотел богдыхан, чтобы Амурсана, настигнув Дабачи, расправился с ним. Он специально предписал Баньди никак не допустить, чтобы Дабачи был убит. Живой Дабачи мог послужить противодействием против Амурсаны, если бы тот стал проявлять своеволие.

Дардана не настиг Дабачи. Тот успел уйти в киргизские пределы, куда Дардана проникнуть не отважился.

В близлежащие киргизские аилы и кашгарские города командование разослало проворных людей объявить, чтобы выдали Дабачи правителю Поднебесной. Награда была обещана немалая, а за укрытие грозили неминуемым возмездием.

* *
*

Ханская ставка в эту пору раньше обычно встречала приезжающих буйным цветением своих садов, белой кипенью яблонь. Ухаживавшие за деревьями бухарцы[33] знали свое дело. Сейчас же на всем лежала печать запустения. Видно, не в те руки попало любимое детище Галдан-Цэрэна — сад, поражавший некогда своей красотой. Тем, кто сменил его, было не до деревьев.

Безмолвием, темными провалами окон встретил Амурсану и ханский дворец. Не без волнения Амур-

сана вступил в полумрак внутренних покоев. В одной из комнат на полу лежали кашгарские ковры. Им цены не было, а их мягкий ворс оказался истоптанным грязными сапогами. Со стены свисала исполосованная ударами сабли ткань обивки. «Значит, здесь Дабачи бражничал и куролесил»,— вспомнил Амурсана рассказы допрашиваемых людей о пьяных разгулах Дабачи. Хозяин дворца явно торопился покинуть свои покои. И вещи, и утварь остались нетронутыми. Амурсана по-хозяйски обходил дворец. Его не интересовали ни вещи, ни украшения, оставшиеся от прежнего хозяина. То, что он искал, могло оказаться только в небольшом зале, где собирался зарго — совет самых доверенных людей хунтайджи. Здесь в былые времена принимались самые важные решения. Они ложились на бумагу указов и писем, которые хунтайджи скреплял печатью. Только он, правитель Джунгарского ханства, мог употреблять этот знак державной власти, решая судьбы ойратского народа в целом и участь любого ойрата в отдельности. Амурсана поспешно, будто страшась, что ему помешают, принялся обыскивать комнату. Наконец, в одной из ниш он наткнулся на небольшой деревянный ящичек, в котором лежал мешочек, стянутый тонким шнурком. Плохо слушавшимися от волнения пальцами дернул за шнурок, но лишь туже затянул узел. Вспомнил про нож на поясе и одним махом распорол прочную ткань. Тяжесть, сдавливавшая грудь, мгновенно исчезла, напряжение спало. На ладони, тускло поблескивая своими гранями, лежала печать.

Небольшая, ничем особо не приметная вещица, но Амурсана чувствовал себя так, словно вся тяжесть власти всеойратского хана уже легла на его плечи. Он уже зримо представил, как повелевает в качестве хунтайджи и скрепляет свою волю этой красной, словно цветок и по форме похожей на него, печатью.

Долго стоял у узкого окна Амурсана, не в силах сдвинуться с места. Крепко сжимая печать. он время от времени подносил ее к лицу, словно хотел увериться, что это действительно печать джунгарского хунтайджи, а сам беззвучно повторял: «Ее-то я уж из рук своих не выпущу. Всегда при мне будет, где б я ни был, не то, что у дурака того, Дабачи».

* *
*

Кони Дабачи выбились из сил и больше не слушались окриков. До Уч-Турфана оставалось недалеко, и Дабачи махнул рукой. Теперь уже можно и не гнать. В ту ночь у горы Гедын, когда он выскочил из своей юрты, схватив за руку сына Лобуто, Дабачи еще не знал, где сможет укрыться. Лишь бы уйти — это было единственной мыслью. Только потом пришло на ум другое: «А на кого опереться? Где всего ближе можно получить помощь?» Ответ пришел сразу: «У Ходжа-Сы-бека, правителя Уч-Турфана. Этот уж не подведет. Ведь не будь его, Дабачи, слово, не стать бы ему хакимом[34] Уч-Турфана». Дабачи живо вспомнил, как рассыпался в благодарностях Ходжа-Сы-бек, даже норовил облизать руки: «На меня, раба Вашего, всегда можете положиться».

Вскоре показались приземистые глинобитные стены Уч-Турфана. Открылись ворота, какие-то люди выехали Дабачи навстречу. Тот, что впереди, выделялся своей одеждой и осанкой. Приблизившись к Дабачи, спешился: «Мой брат Ходжа-Сы-бек рад принять вас у себя». Собственноручно подал поднос с угощением. Один из его сопровождавших подвел коня в богатой сбруе: «Ваш притомился. На этом вам более приличествует въехать в город».

Медоточивой улыбкой, почтительными поклонами встретил Дабачи уч-турфанский правитель Ходжа-Сы-бек. Проводил во внутренние покои:

— Располагайтесь здесь. Счастлив высокому гостю. Не часто жаловали нас своими наездами. О людях ваших не тревожьтесь. Их сейчас угощают.

Тревоги последних дней, усталость после нелегкой дороги, обильная пища — все сказалось мгновенно. Коснувшись мягкой постели, Дабачи тут же забылся тяжелым сном. Очнувшись от сна, хотел было выйти, но запертая снаружи дверь не открывалась. Стал стучать кулаком, бить ногами. Тщетно. Мгновенно пришло прозрение: «Он в ловушке». Поднял голову кверху. В небольшое окошко пробивался свет. «До него не дотянуться... Видимо, пришел конец... Живым из рук Амурсаны уже не уйти».

Потянулись томительные дни заточения. Сам Ходжа-Сы-бек не показывался, а слуги, что ежедневно приносили еду и воду, бесстрастно молчали. Наконец, настал день, когда дверь отворилась, и Дабачи вывели на залитый солнцем двор. При виде Ходжа-Сы-бека с губ Дабачи слетают слова проклятий. Но Хаджа-Сы-бек словно ничего не видит и не слышит: он должен сдать Дабачи посланцам еджэхана целым и невредимым. Связанного по рукам Дабачи усадили в седло и повезли тем же путем, что он прибыл сюда. Но ехал уже не джунгарский хан Дабачи, а пленник императора Хун-ли.

Докладывая Хун-ли о поимке Дабачи, Баньди заверял, что пленник будет доставлен в Пекин целым и невредимым, если, конечно, хворь какая не приключится. В Уч-Турфан был послан надежный маньчжурский офицер фудутун Эрдэнэ, а с ним 300 солонов и 200 халхасов и ни одного ойрата, чтобы надежнее было.

* *
*

Несколько дней подряд над долиной Или бушевала гроза. Дождевые потоки струились по стенам урги, как бы обмывая старые постройки для нового хозяина. Казалось, что бурные потоки стремились унести с собой всю грязную накипь человеческих страстей, неудовлетворенных помыслов о власти, кровь и слезы неповинных жертв княжеских свар.

Наконец, проглянуло солнце, озарив своими лучами белостенный храм — златоглавую Гульчжа-дуган. Сотни искусных мастеров на берегу Или возводили и украшали эту кумирню по предписанию Галдан-Цэрэна. Равной ей по размеру и убранству не было во всей Джунгарии.

Двое лам поднялись на башню, поднесли к губам большие белые раковины, и понеслись глухие заунывные звуки. Появление солнца еще не означало, что просветлели души. Недаром у здешних людей была в ходу поговорка: «Худая погода пройдет, а злоба человеческая никогда». Чтобы прогнать ее из своих сердец, нужно сообща молитвами смягчить их. К этому и призывали теперь звуки.

Первыми, как им и пристало, на молебен поспешили ламы и послушники. Беспрерывно вращалось стоявшее при входе молитвенное колесо. Каждый, прежде чем войти в храм, с силой крутил его. Расселись ламы, поджав под себя ноги, за ними князья и зайсаны. Они выделялись богатством одежд и надменностью, присущей для людей, привычных повелевать.

Выступил вперед верховный священнослужитель и обратился к собравшимся со словами приветствия, прерывая свою речь звоном медного колокольчика. Внезапно дверь распахнулась, и в зал вошел Амурсана со своей свитой. Настороженное оживление возникло там, где сидели князья и зайсаны.

Злоба исказила лицо Галсан-Доржи. И сюда, в фамильный храм чоросов, явился этот, не знающий своего отца... Изгой... вернулся-то обратно, лишь благодаря правителю маньчжур, да еще кичится обносками, что у него выклянчил. Блудный пес...

Галсан-Доржи хотел было встать, но верховный лама дал ему знак оставаться на месте.

— Все мы ветви одного корня, все мы одной веры,— торжественно и проникновенно произнес верховный священнослужитель, приглашая Амурсану занять место.

Прерванное богослужение возобновилось. Крутились молитвенные колеса, звучали хоралы. Истово и проникновенно говорил верховный лама о любви и смирении, предписанных людям великим учителем Буддой. Несоблюдение его заповедей обернулось большими бедами для ойратов.

— Живите в мире,— обращался владыка к князьям и зайсанам.— Пусть по древнему нашему обычаю достойный из вас станет хунтайджи. Каждому предначертан свой удел, и не надо алкать того, что не предписано свыше. Не нужно крови — иначе будет обескровлен союз «дэрбэн-ойрат» и погибнет.

Слушали эти слова чоросские князья и зайсаны, слушал их и Амурсана. Но до его сердца, охваченного неуемной жаждой власти, ожесточенного невзгодами и утратами, они не доходили. Испокон веков верховными правителями ойратского союза, хунтайджи, становились князья из рода чорос. И сейчас, раз есть Галсан-Доржи и его родственники, стать ему, Амурса-

не, хунтайджи будет непросто. Не будет же Галсан-Доржи предлагать его в качестве верховного правителя, когда сам не прочь, чтобы его почитали за старшего. Да и не в одном только Галсан-Доржи дело. Прихвостни Дабачи тоже не будут молчать и сидеть сложа руки.

Начался дзэд — раздача денег монахам. Сыпались медные монеты. Норовили при этом не отстать друг от друга, показать себя не беднее другого. К тому же пожертвовать — все равно, что расплатиться за неправедные поступки. Жертвуя, искупаешь прегрешения, прошлые и будущие. Щедрой рукой сыпал медь Амурсана. И держался степенно и почтительно. Всем своим видом выражал, что благоговеет перед обрядами веры, весьма чтит ее служителей. «Берите от щедрот моих,— думал при этом про себя.— С лихвой потом все окупите. Непосредственно мне люди могут и не поверить, через вас легче обрести доверие».

К звону меди примешался чей-то голос:

— Ишь, как сыплет! Знать, разжился, как запродал Дабачи!

Слова эти — словно плеть по лицу. Однако и бровью не повел в сторону обидчика. Голос его был знаком — зайсан Гунга, прихвостень Дабачи. Здесь не время и не место сводить счеты. Но раз ты голос подал — я услышал. И берегись теперь!

* *
*

Уже по виду Баньди было ясно, что должно произойти важное событие. Генерал держался подчеркнуто торжественно.

— Я собрал вас,— начал Баньди, глядя прямо перед собой,— чтобы объявить вам волю государя. Те, кто искал у него помощи, чтобы вернуться в родные места, возвратились. Те, кто на месте ждал избавления от тиранства Дабачи, дождался. Дабачи уже не хунтайджи. Мирная жизнь вашему уделу обеспечена. Заботясь о вашем же благе, государь решил, что у вас не будет отныне верховного правителя из числа ваших предводителей. Пусть каждый из владетельных лиц порознь правит своими людьми и только. Милостью

государя Амурсана будет ханом хойтов, Цэрэн — дэрбэтов, Банжур — хошотов.

«А как же чоросы, кто у них будет ханом?» — не одна пара глаз устремилась на Галсан-Доржи, чоросского князя. Именно он имел все права стать ханом чоросов.

Минутная пауза, сделанная Баньди, показалась вечностью и для Галсан-Доржи и для Амурсаны.

— Что касается хана чоросов, то государь еще не вынес решения...

Галсан-Доржи был явно обескуражен, зато Амурсана испытывал удовлетворение: значит, для него, выходит, еще не все потеряно.

При первой же оказии Амурсана завел с Баньди речь о хане чоросов: «Без правителя им, конечно, нельзя. Все равно, что тело без головы. Однако ставить Галсан-Доржи не годится. Чоросы по натуре своенравны, и они Галсан-Доржи не покорятся. Хотя не осталось потомков Галдан-Цэрэна от первой жены, но есть родные ему по крови. Надо выбрать одного и сделать ханом, чтобы народ к себе привязал, мог дать отпор казахам и киргизам».

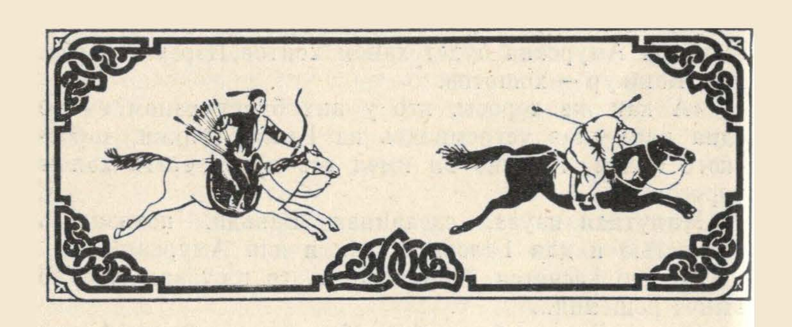
Баньди понял, куда гнул Амурсана: самого себя предлагал в чоросские ханы.

— Дело уже решенное,— отрезал Баньди без обиняков.— Будет четыре хана. Тебе, Банжуру и Цэрэну уже объявлено о пожаловании ханских званий, остался только один — чоросский, или джунгарский,— суть одна. Если же его выбрать из другой фамилии,— многозначительно посмотрев на Амурсану, добавил Баньди,— это не только будет идти вразрез с августейшей волей, но и сами джунгары не успокоятся.

Поняв, что его уловка раскрыта, Амурсана поспешил уверить, что он себя совсем не имел в виду:

— Лично я сверх меры обласкан еджэханом. Уйду кочевать со своими людьми на Алтай. Чего мне еще хотеть? Однако наши люди «дэрбэн-ойрат» не одно и то же с народом Халхи. Если у них не будет верховного владыки, опасаюсь, что и настроения людей не будут едины, не смогут они обороняться от внешних врагов. К тому же возникнут опять внутренние смуты.

— Мне пока нечего добавить к тому, что уже сказал от имени государя,— сухо заключил Баньди.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Не сыскать было во всей Джунгарии более почитаемого храма, чем Гульчжа-дуган, равно как и его настоятеля. Высоко чтили его за ум, за знание священных текстов. Сокровенный смысл их он постигал в Лхасе, священном городе, и образованностью своей, как говорили, привлек внимание самого владыки, далай-ламы.

Щедрыми дарами жаловал хунтайджи Галдан-Цэрэн прославленный храм, с настоятелем в часы досуга любил поговорить о заповедях веры.

Молчаливый служка провел Амурсану к настоятелю.

— Дай мне совет, о многомудрый,— начал Амурсана.— Познаниями ты превосходишь всех... Наставь несведущего и помоги.

— Сдается мне, что тебя не вразумили на чужбине...

Амурсана молча опустил глаза.

— От суеты, от скудости ума чего-то ищем у чужих. Мне счастье выпало лицезреть в Лхасе святыни. Касался я рукой священных плит Поталы. Жажда познания меня вела в чужие края. Тебя же что? Однако слушаю тебя.

— Я каялся день и ночь, жертвовал тоже немало. По молодости лет совершил ошибку. Но я радею за веру желтую, за жизнь ойратского союза. Благослови меня хунтайджи стать, а недругов моих умиротвори. Ты это в силе сделать.

— Ты слишком много хочешь от меня. Пришел совета просить, а домогаться стал совсем другого... Чорос, дэрбэт, хошот и хойт — вот что составляло державу нашу. На четырех столбах покоилась она. Столбов уж нет. Одни лишь головешки чадят взаимной враждой и завистью. Стремление стать выше другого сгубило разум князей наших. И ты не лучше, лишь о себе радеешь. А карму[35] ты забыл? Что сделаешь сейчас, то и потом получишь. Сегодня ты Амурсана, ты власти большей жаждешь. А завтра станешь камнем безмолвным. О помыслах своих тогда ты скажешь тому, кто сядет на тебя? Одно скажу тебе, молись и обуздай гордыню. Проси богов, чтобы тяжесть кармы облегчили, чтобы псом приблудшим не обернуться в новой жизни. Подарки свои возьми назад. Мне они ни к чему, уж зубы не берут.

Дверь комнаты настоятеля неслышно закрылась за Амурсаной. Тот же служка проводил его до выхода. От былого смирения на лице Амурсаны не осталось и следа. Взгляд его стал жестким и твердым. Не будет он слушать речи о карме. А кто будет его слушать — решит сила. А в молитвах что толку!..

* *
*

Увидеть, как гаснет жизнь в глазах Дабачи, Амурсане не довелось. Ускользнул от него Дабачи. Хотя как только Амурсана узнал, что бежал хунтайджи в Кашгарию, тотчас же к бекам Аксу и Уч-Турфана помчались его доверенные люди: Лансу, Баран и уйгур Абдухалик. На руках у них был манифест Амурсаны, скрепленный печатью помощника командующего армией, с требованием схватить Дабачи и выслать к нему. Правитель Уч-Турфана Ходжа-Сы-бек изловил Дабачи, но прежде чем отправить его в Или, уведомил самого Баньди, а не Амурсану.

Когда доставили Дабачи в лагерь, Баньди приказал без его личного разрешения не подпускать к хунтайджи никого. Так и не удалось Амурсане встретиться с Дабачи. Повезли бывшего хунтайджи в Пекин гун Хадаха, халхаский бэйлэ Намджал-Чэсулун и ойратский тайджи Гэньдунь. Никто из людей Амурсаны

в число сопровождающих Дабачи не попал. Амурсана лелеял мысль, что в Пекине Дабачи обезглавят, но этого тоже не случилось. Еджэхан не только сохранил жизнь Дабачи, но и приласкал его, сделал князем, дворец отвел.

Не пришлось поквитаться Амурсане с Дабачи, и дал он волю чувствам, отыгравшись на зайсанах Дабачи. Чувство мести пьянило, оно заглушало робкие зовы рассудка: «Не питай злобы. Помирись с ними, вчерашними недругами. Поступись кое-чем. Это потом себя оправдает с лихвой». Нет! Два ока за око, два зуба за зуб. Лилась кровь служивых Дабачи. Не возгласы радости и радушные приветствия ознаменовали возвращение Амурсаны, а новые слезы и проклятия осиротевших и овдовевших. «Запомни его, это он отнял у тебя отца,— говорила своим детям не одна вдова, когда мимо проходил или проезжал Амурсана.— Придет время — отомстишь!»

Не вся пролитая кровь уходила в землю, отдавая свой цвет огненным тюльпанам Илийской долины. Ее хватало и на то, чтобы наполнить сердце чувством мести. Летели головы зайсанов Дабачи, росла ненависть в иссушенных горем сердцах, а Амурсана в упоении своей власти не замечал ничего. «Всем мил не будешь,— отвечал Амурсана тем, кто пытался его увещевать.— А меня и моих близких жалели?» И шел дальше своим путем, не чувствуя, как тяжелеют гутулы от крови его жертв. Молодость, сознание своей силы брали верх. Так уж повелось, что к власти шли через жизни других. Власть давали не только происхождение и знатность, но сила и смекалка, а у него это есть.

* *
*

Лето подходило к концу. Пожухла трава, а по утрам прозрачный воздух в долине отдавал холодком. Стихло былое оживление в ставке Баньди. Он еще оставался командующим, но армии у него уже не было. Край оказался разоренным войнами, налетами казахов. Ни скота в достатке, ни хлеба для того, чтобы прокормить большую армию в Или. По рекомендации Баньди, войска из Илийского края отвели. Оста-

валось у него 500 чахаров и халхасов. С такими малыми силами нужно было удержать этот край, привлечь на сторону еджэхана соседних варваров — казахов и бурутов[36]. Без знающего и надежного помощника одному, конечно, не управиться. Наиболее подходящим сподручным в таком деле был бы Амурсана, но положиться на него нельзя. День ото дня своими поступками Амурсана усугублял тревоги Баньди. Вел себя как полновластный хозяин, словно и не ему предписал император заниматься джунгарскими делами совместно с Баньди и во исполнение высочайших предписаний, словно он и не слуга императора и ничем ему не обязан. Халат с драконами, шапку с перьями, желтый пояс — все эти знаки княжеского достоинства, пожалованные ему богдыханом, сбросил с себя, не носит. Попробовал корить его: «Как же ты посмел выказывать такое пренебрежение к милостям государя?», а он в ответ: «Наоборот, сильно дорожу. Буду одевать только по праздникам. Если носить каждый день, обтреплются быстро».

Стал чинить суд и расправу над зайсанами по собственному почину. Говорили люди, что убил он какого-то зайсана Гунгу. Когда запросил об этом, ответил, что тот покушался на серебро, хранившееся в кумирне, и что по их законам такой проступок карают смертью. Тогда Баньди не придал этому особого значения. Сошло дело с Гунгой, еще больше распоясался. Принялся за других зайсанов. Порешил Гуньбу, Даву, Сартана. Они, конечно, рьяно пособничали Дабачи, но ведь изъявили свою покорность государю. Мало того, что убил их, не посоветовавшись, но и имуществом завладел. Не уцелеть бы зайсанам Дабачи Чэлин-Доржи, Мало, Энькэболоту, Туньтубу, если бы не его, Баньди, вмешательство. Лишить их жизни Амурсана не успел, так тайно послал своих людей разграбить их имущество.

Баньди с нарочным передал Амурсане, чтоб тот, чтя государя волю, прекратил самоуправства. В ответ помощник через посыльного передал, что он, Амурсана, как раз о деле государевом и радеет, искореняя его врагов.

Цзянцзюнь встал на защиту зайсанов не ради их самих, а только лишь потому, чтобы подчеркнуть, что

все теперь под властью богдыхана. Иначе, если каждый будет поступать, как ему заблагорассудится, что о богдыхане подумают? Как бы бессильным его не признали.

Не мог взять в толк Баньди, что сталось с его помощником Амурсаной. Совсем не тот, что прежде был. Гордыня обуяла его? Чего он хочет, проявляя самоволие? И как далеко в этом зайдет?

Открыл Баньди листок бумаги, написанный Амурсаной и скрепленный красной печатью, той, что красовалась на грамотах Галдан-Цэрэна. «Дэрбэн-ойрат, народ ойратский,— писал Амурсана,— я еджэхану не слуга. Лишь войско взял я у него и с ним пришел, чтобы свары наши кончить, избавить от Дабачина тиранства. Иного и не мыслил... Еджэхан же норовит поступить с нами так же, как с халхасами, сделать хочет нас своими слугами. Потому и черигов своих здесь оставил».

Теперь Баньди стало все ясно. В правители Джунгарии Амурсана метит. Баньди позвал своего советника Ао Жун-аня, рассказал ему о содержании письма. Ао внимательно исследовал оттиск печати. Выходит, все хойтский князь учел. Раз ставит печать Галдан-Цэрэна, значит, принимайте Амурсану как его преемника.

— Дело, понятно, серьезнее,— негромко произнес Ао,— чем казалось сначала. Думали, что так колобродит. Обиды не мог забыть старые. Хотелось показаться — вон я каков, мне никто не указ. А выходит, что подавай ему Джунгарию и только. Мы свое дело сделали — Дабачи нет, значит, можем и убираться восвояси. Но ведь,— тонкий голос Ао задрожал,— это противоречит замыслам государя! Однако же,— тон его стал ниже,— показывать свои опасения Амурсане нам не пристало. Пусть пребывает в неведении, что нам известны его подлинные намерения. К тому же,— Ао подержал в руке листок,— пока, видно, это только бумага. Пока нет признаков, что люди верят в то, что он здесь говорит. Если бы верили, то дорожили, тогда бы эта бумага не попала так легко в наши руки.

Несколько дней спустя Баньди доложили о прибытии послов от казахского Старшего жуза. Сопровождал их демечи Тэгус-Мункэ — верный человек Амурсаны. О том, что Тэгус-Мункэ неспроста приехал,

Баньди стало ясно, когда ознакомился с письмом от старшин казахских, которые писали, что они рады пребыванию Амурсаны в старом кочевье и тому, что снова настанут времена, как и при Галдан-Цэрэне.

Баньди, о котором в Пекине отзывались, как о человеке, не отличавшемся прозорливостью и способностью предвидеть, и тот заподозрил какой-то подвох. С чего бы ради казахи хотели повторения времен Галдан-Цэрэна? Мало что ли он гонял их, как зайцев, по степи? Свои сомнения цзянцзюнь изложил в докладной. Хун-ли ответил: «Это, безусловно, Амурсана скрыл от казахов, что является всего навсего нашим слугой и нами облагодетельствован».

Потом Баньди узнал, что Амурсана не только отправлял своих людей к казахским старшинам, но и по собственному почину перебросил несколько тысяч воинов к границе с казахами. «Зачем это и почему со мной сперва не посоветовался?» — потребовал объяснений Баньди. «Спешить нужно было,— отвечал Амурсана,— удержать казахов от нападения на наши крайние улусы». Оказалось, что вовсе не затем, а чтобы показать Аблаю, что у него, Амурсаны, есть войско, и он его куда захочет, туда и пошлет.

«Дошло до меня,— доносил Баньди в Пекин,— что после того Аблай и другие казахские старшины вроде бы уверовали, что подлинно он, Амурсана, а не кто иной прибыл с войсками в Илийский край, нас же вроде бы и нет». «Амурсана лжет, чтобы казахи испугались его могущества,— отозвался Хун-ли на докладную Баньди.— Подстрекает толпу следовать за ним. Он явно имеет намерение захватить Джунгарию».

* *
*

Неяркий огонь светильника отбрасывал причудливые тени на стенки юрты. Очертания фигур теряли свою четкость. Трудно было различить и лица собравшихся. Словно сама ночь хотела укрыть их от непосвященных, спрятать от недругов их лица. В чашках стыл чай. На него хозяин не поскупился. Приказал достать из сокровенных запасов и побольше насыпать чужеземной травки, сдобрив ее горечь бараньим жи-

ром. Вот такой чай мил сердцу степняка, он греет кровь и делает ясной голову. Это не та, полупрозрачная водица, что подавала в тонких чашечках прислуга еджэхана. Но в юрту собрались не для праздного чаепития. Кровь закипает в жилах от тех негромких слов, что падают в полумрак юрты и гаснут, не выходя за ее стены.

Они все здесь единомышленники! Не будет народ «дэрбэн-ойрат» слугой Пекина и жить по его законам!

Когда и как начать? Такое одному не решить. Вот и собрались под покровом ночи в юрте Амурсаны те, кто с ним как будто заодно.

Сидит, слегка расслабившись, хошотский князь Нагэча — давний друг Амурсаны. С ним вместе он был на Иртыше, когда Дабачи их там прижал. У еджэхана тоже потом побывал, теперь в Джунгарию вернулся. Во всем Амурсане советчик и помощник. Это он нашел язык с илийскими зайсанами — Абагэсом, Юэсуту, Укэту и другими. Не противясь свержению Дабачи, они в то же время не хотели и власти чужаков, вчерашних врагов, а поэтому готовы были поддержать Амурсану. Пришли к нему сегодня с Нагэчой вместе.

— Задумаешь одно,— заговорил Амурсана,— а выходит иначе. Уповал я на то, что останется здесь дэрбэтский Гандорчжи со своими людьми. Немалая у него сила. Убеждал я Баньди, что тут, в Или, пристало Гандорчжи быть. Неровен час, говорил я Баньди, нападут на Или мусульмане из Яркенда и Кашгара — нам и не устоять. Так нет, Баньди велел Гандорчжи уходить на прежние кочевья.

— А с тем, что есть, сможем ли управиться? — усомнился Нагэча.— Не худо бы уговорить старшин казахов или киргизов прийти в Или и порешить цзянцзюня. За то пускай добычу заберут. А мы вроде непричем окажемся, если дойдет до разбирательства.

— Не дело это,— возразил зайсан Абагэс,— самим себе не доверять.— Мы сами-то немочны что ли? В кочевьях здешних у нас людей хватает. Не так ли, Чахаши?

— Верно,— отозвался зайсан Чахаши.

— Пожалуй, лучше будет, как говорят Абагэс с Чахаши,— после некоторого раздумья заключил Амур-

сана.— Но как и что, там видно будет. Не завтра начинать. Вот поуезжают к богдыхану князья и зайсаны, которые не с нами заодно, легче с цзянцзюнем управиться будет. А может, и иначе все обойдется. Повременим еще.

С тем и разошлись.

Ночная тьма скрыла лица и фигуры тех, кто был на встрече. Стены юрты не пропустили ни слова наружу. Только вышло так, что цзянцзюнь Баньди словно сидел среди заговорщиков, видел их всех в лицо и слушал то, что они говорили. Сотник Качай, которому давно когда-то кровную обиду нанес Амурсана, тогда и виду не подал, но затаился. Потом в доверие к Амурсане вошел, но своего часа ждал. И вот дождался. Все, что услышал в юрте Амурсаны, слово в слово цзянцзюню Баньди передал.

* *
*

Рано по утру к Амурсане пожаловал гость — хотогойтский князь Циньгуньчжаб.

— Знаешь, когда приезжать,— встретил приветливо Амурсана князя.— Только что вот свежей архи нагнали. Хороша! Лисица для следа, водка для приятеля [37],— и осекся.

По виду гостя понял, что тот приехал не от праздности. Радостной улыбки, с которой обычно встречал его Циньгуньчжаб, на этот раз не было.

— С вечера выехал. Спешил застать на месте,— отрывисто заговорил Циньгуньчжаб.— Днями созывал нас Баньди. Кроме него, понятно, был Ао Жун-ань, ну и мы, халхаские князья. Тебя не пригласили. На то причины Баньди имел. О тебе только и говорил. Мятеж замыслил ты, прямо сказал Баньди, и обо всех твоих поступках он уже доложил еджэхану. Стало быть, намерения твои еджэхану уже известны. Не иначе как секира ждет тебя в Пекине, если еще по дороге голову не снесут. Здесь, на месте, цзянцзюнь, однако,не решается пока с тобой покончить. Опасается, видно, уцелеет ли сам после этого. Вот как дело обстоит. Ехать тебе к богдыхану,— значит, на погибель ехать. Тут уж сомнения нет. Обмозговать надо, как быть.

* *
*

Держали совет и хойтские старшины, сородичи Амурсаны. Речь шла не о кочевках, какому роду где пасти свой скот. И не о том, сватать ли дочку дэрбэтского Цэрэна за младшего сына Джимкура. Амурсана затеял такое, что всем им не сдобровать! Вознамерившись стать хунтайджи, замыслил воевать с самим еджэханом!

— Эта затея погубит всех нас,— веско и зло говорил Джимкур, старший брат Амурсаны.— Мы пока плохого ничего не видели от еджэхана. Милостями своими он не обделил нас. Кочевать есть где. Почести нам оказаны. Нам от дарги Баньди обид нет. Раз оставлен он в Или — на то еджэхана воля. Не нам решать. Чего ради воевать? Чтобы братец младший встал над нами и помыкал? Да это еще куда ни шло. Всякое довелось повидать за последние годы. Но под силу ли будет воевать с еджэханом? Пытались мы с Пурбо отговорить. Да куда там! И слышать не хочет! Закусил удила, что молодой жеребец. В ярость пришел, на слова обидные не поскупился. «Хорошее железо не ржавеет,— говорит,— хороший родственник не забывает».— «Ты,— я ему в ответ,— побасенки-то оставь. Ни к месту они тут. Понапрасну упрекаешь, что мы плохие родственники. Когда ты свару с Дабачи затеял, тебя ведь одного не оставили, не польстились на посулы Дабачи. С тобой вместе ушли, оставили прежние кочевья. Немало тоже потерпели на чужбине». А он еще больше распалился: «Чем не входящий в положение родственник,— заорал,— лучше супротивный враг». Ну, а раз так, то и говорить с ним нечего. Оторвавшееся мясо, брызнувшая кровь[38]. Мясо к кости не прирастишь, кровь обратно в жилы не вольешь.

Умолк Джимкур. Как старший среди всех, он первым слово брал. Теперь и те, что помоложе, могли свои мысли изложить. Из них всех больше порывался Дэджит.

— Давай теперь ты говори,— кивнул ему Джимкур.

— Ну, коли так, скажу одно,— запальчиво начал Дэджит,— Джимкур умно и справедливо рассудил, что

нам с Амурсаной не по пути. Живем покойно все мы, но сытости не знает лишь он один и в алчности своей готов пойти супротив еджэхана. Его вряд ли удастся одолеть, а с нами что тогда будет? Уж лучше нам сейчас отказаться от такого родича и сторону еджэхана держать. Покорную голову меч не сечет. Нам как родственным Амурсане ответ ведь тоже держать придется. И как не вспомнить тут слова, что деды наши говорили: «Кто борется с морозом, тот будет без уха, кто тяжется с начальством, тот будет без головы».

— Буря покой отнимает, дума сна лишает,— пробормотал себе под нос до того молчавший Пурбо. И повысив голос, решительно произнес: — Сколько не думай, сколько тут не говори, а дело ясно: надо спасать головы свои и своих близких. Одна паршивая овца целое стадо портит. А потому вон ее из стада, и лучше, если это слуги еджэхана сделают.

Наступило томительно длительное молчание. От сказанных слов не стало легче на душе у собравшихся.

— Значит, так,— наконец, заговорил Джимкур,— оповестить надо Баньди, что, мол, неладное замышляет Амурсана. А для верности о том же уведомить и начальство в Улясутае.

Ответом ему было молчаливое согласие собравшихся.

* *
*

Пекин одну за одной слал инструкции Баньди: «Немедленно покончить с Амурсаной!» Нельзя было допускать, чтобы ростки мятежа вошли в силу. Это грозило тем, что задуманное разделение Джунгарской державы на несколько уделов под протекцией дома Цин могло не осуществиться. Солдат и чиновник, Баньди привык повиноваться: «Приказ есть приказ». Но про себя подумал не без озлобления: «Хорошо им отдавать команды, не выходя за пределы Запретного города. А я-то не дома, да и положиться тут не на кого. С виду вроде смиренны, а что в душе? Попробуй подними на Амурсану руку, кто знает, чем дело обернется? Дабачи увезли, теперь с Амурсаной покончим... Стерпят ли еще такое здешние люди? Нет, лучше все-

го кончать его за пределами Джунгарии. Нужно, чтобы он выехал ко двору, как было предписано. В пути же, где-то в землях халхасов, нетрудно будет и убрать его без лишнего шума. Ехал-ехал да не доехал. Мало ли чего в пути не случается».

Давно уже отбыли ко двору богдыхана недавно покорившиеся ойратские предводители: Галсан-Доржи, Шакдор-Манчжи, Баяр, Хазык-Шары и другие. Отправились изъявить свою покорность Сыну Неба. Амурсана же на неоднократные напоминания Баньди о поездке в Китай прямым отказом не отвечал, но ссылался, что дел много и просил войти в положение. Галсан-Доржи, Баяру, дескать, проще — собрались и поехали, у них хозяйство не нарушено, кочевья освоены, а ему надо людей устроить, кочевья им выделить.

В словах Амурсаны был резон. Баньди, соглашаясь с его доводами, ничем не выдавал, что ему известны подлинные замыслы Амурсаны. Буквально днями Нирбо-лама приезжал к Баньди и рассказал, что Амурсана и не помышляет ехать ко двору еджэхана и даже ему, ламе, советовал оставаться пока дома и зайсанам подсказать, чтобы не спешили отправляться в Китай. И еще хочет Амурсана заручиться поддержкой илийских лам. Послал своего зайсана Сихама передать им серебра, чтобы было на что чай сварить, и сулил заботами своими и любовью не оставить, если только он станет заглавным правителем в Джунгарии.

Знать о себе Амурсана не давал, и сам в ставку Баньди не наведывался. Где он, что делает? — терялся в догадках цзянцзюнь. Утешал себя только тем, что врасплох его не застигнет, поскольку кое-что уже успел предпринять. Главное, Гандорчжи подальше спровадил. Как-никак верный друг Амурсаны, и сила у него немалая. А то, что Амурсана запугивал, что мусульмане из Яркенда и Кашгара нападут, то вряд ли они против черигов еджэхана выступят. Приказал Баньди своим солдатам никуда далеко не отлучаться, и сам тоже почти не выезжал за пределы лагеря. Не один раз на день поднимался на холм и, приставив к глазам ладонь, настороженно всматривался вдаль.

* *
*

Не спалось Амурсане. Осторожно продвигаясь, чтобы не наступить на кого-нибудь из спящих, он вышел из юрты.

Вот и закатилась 7-я луна, а указа о признании его хунтайджи так и нет. Уезжая в Пекин, Сэбтэн-Банчжур обещал доложить еджэхану просьбу признать его, Амурсану, хунтайджи.

Ждать он будет, как договорились, в течение 7-й луны. Клялся Сэбтэн-Банчжур, что скажет тестю: «За благо посчитайте признать Амурсану главой всего джунгарского удела». С хорчинским князем они друзья, и слову князя твердо верит. Но если тот не умолчал, почему не подает вестей? Как порешили в Пекине? Если напрямик не говорят ему, то это должен знать Баньди. Но от него ни слова. Выведывал у него Нагэча. Сначала издалека заходил, а потом напрямик сказал: «Я так скажу, как передать просили ламы и народ илийский. Не станет Амурсана джунгарским хунтайджи — не бывать миру в Джунгарии». «Решать это не мне, я раб лишь государев,— ответил ему Баньди.— А он порешил: Амурсане лишь ханом хойтов быть. О том известно всем. Кто же иначе мыслит — тот идет наперекор решению государя».

Что же, если так, еджэхан ему, Амурсане, больше не указ, ему он не слуга и поступать будет так, как знает сам. Стоит только бросить клич, и слуг еджэхана не будет. И кто придет на выручку дарге Баньди, когда и на Урумчи, где с воинством стоит Юн Чан, как снег на голову, обрушатся, его Амурсаны, чериги. А сейчас в дорогу. Баньди заждался. Нужно успокоить его.

—Едет! Едет! Амурсана! — оповестил Баньди дозорный.

Спешившись, Амурсана почтительно приветствовал генерала. Справился о здоровье, о новостях. Говорил с видимым облегчением, что вот управился с делами, пора и путь держать к еджэхану.

— В Жэхэ предписано мне быть в луне 9-й. Так ведь? Успеть надо к сроку, а потому засиживаться здесь не стану. Выезжаю немедля. Ослушаться указа государева не смею.

— Добро,— коротко ответил Баньди,— а затем, словно вспомнив, бросил вдогонку: — Поедешь не один. Попутчиком тебе будет цзюньван Эринчин-Доржи и с ним еще кое-кто. Как уже знаешь, Халху никак не миновать, а лучшего провожатого, чем Эринчин-Доржи, не сыскать. В Халхе его имя всем известно, и с ним тебе надежней будет.

Амурсана брызжет водкой на землю:

— Пусть впереди меня будет изобилие, а позади пустота,— ставит ногу в стремя, ловко садится на коня.

Небольшой караван тронулся в путь. Мерно вышагивали верблюды, не удостаивая взором мелкорослых коней. Перед отъездом было немало сказано, и сейчас всадники ехали молча. Каждый думал о своем. Разные люди, разных родов и племен, звания и положения. Сейчас их кони идут одной дорогой. Дорога как будто одна: та что выбирают кони, а конец пути у каждого всадника свой. Они ведь только случайные попутчики, не более.

«Кончишь Амурсану в пути. Так предписал государь. Амурсана замыслил бунт». Эти слова, сказанные Баньди перед отъездом с глазу на глаз, омрачали для Эринчин-Доржи радость возвращения в родные кочевья. Слишком многого от него требуют. Разве он и так ревностно не служил государю. Несмотря на преклонный возраст, по первому зову надевал шлем и панцирь. Судя по тому, что сказал ему Баньди, большим доверием почтил его государь. Только почему же сам Баньди не проявил рвения и уступил честь убить молодого хойтского князя, чего ради именно на него пал выбор?

Всем своим существом воспротивился старый князь предписанию еджэхана. Всегда в открытом бою сходился он, Эринчин-Доржи, в честном бою с врагами, лицом к лицу. А вероломно мечом в спину или навалиться большим числом...

И пристало ли им, халхаским князьям, ходить в безотказных слугах у маньчжурского еджэхана? Им, потомкам Чингиса? Почему же сложилось так, что служим да еще за милость почитаем?!

* *
*

В кочевьях хойтских князей царил переполох. Днями объявился вдруг Мэньду, да не один, с ним еще двое. Были это люди Амурсаны, которые с ним все время кочевали, а тут вдруг пожаловали. С какой бы это стати? Плененные, они поначалу отговорками хотели отделаться, но когда стали им кости ломать, признались. Послал их Амурсана тайно известить остальных своих людей, которые оставались на Алтае, чтобы шли к нему в условленное место. Куда именно, Мэньду сказать не успел, умер. Те же двое, сколько ни пытали, одно твердили: «Не знаем больше ничего».

Только Джимкур с Пурбо оповестили начальника в Улясутае, как снова от Амурсаны люди пожаловали и направились прямо к юрте его жены с сыном. Прибежала она к Джимкуру за советом, как быть: прислал за ней Амурсана людей, чтобы собиралась и ехала к нему. Джимкур велел схватить посланцев. Главный попал к нему в руки, а остальным удалось убежать. Джимкур тут же отрядил людей, чтобы известить в Улясутае и маньчжурское начальство. Неспокойно было на душе у родственников Амурсаны. Не придется ли и им держать ответ за мятежного сородича? «Вырвать весь корень, чтобы не дал новых побегов» — такого правила издавна придерживались маньчжурские богдыханы. За проступок одного платила кровью вся семья, весь род.

С облегчением вздохнул Джимкур, когда скрылись из виду всадники, увозившие жену, сына Амурсаны и Банчжура.

— Теперь спокойно будем жить,— наставительно говорил Джимкур,— никто тревожить нас не станет.

Одни слушавшие его одобрительно поддакивали, другие молчали. Что они при этом думали, кто знает...

От Амурсаны и его брата Банчжура осталось достояние: албату[39], зависимые люди, скот. Кому все это достанется? Мысль эта волновала многих. Алчно щурили глаза князья, сородичи Амурсаны, прикидывая, как могут увеличиться их стада и на сколько больше станет у них албату.

Хмурились зайсаны и демчи: не один год они служили Амурсане, привыкли к нему. Всякое иной раз случалось, но все же особых обид на него не таили. Прощали ему горячность молодости. Вспоминали, что он, когда поостынет, старался погасить недовольство, прост был и не скуп. Не то, что Джимкур. От него добра не жди. Злопамятен, чванлив и жаден. К словам других не прислушивается.

Тревожились также албату Амурсаны и Банчжура. У прежних хозяев жилось, конечно, не сладко, но удел людей Джимкура еще горше был. Жестоко наказывал тот за малейшую провинность. Мало того, что секли до мяса, нередко и кости ломали тем, на кого прогневается князь. И в прихотях своих удержу не знал. Особенно охоч был до молоденьких девушек. Ни мольбы, ни слезы родителей не удерживали его.

Томительному ожиданию вскоре пришел конец. Привезли указ из Пекина, согласно которому часть имущества мятежника и его брата переходила в руки Джимкура и прочих князей, что проявили себя верными слугами государя, а часть — халхаским владетелям.

Довольно расправлял плечи Джимкур и выпячивал живот. Кто с ним может сравниться теперь по количеству албату и дойных кобылиц? Но не только в них дело. Давно заприметил Джимкур юную дочь дархана [40] Одояна Митук. Не раз он просил Амурсану уступить ему ее, предлагая взамен откупное. Просьбы старика-отца возымели на Амурсану действие или что другое, только отказал он Джимкуру. Однако тот не отступился от своих намерений. С отсутствием Амурсаны не раз силой мог взять девушку, но что-то не решался. Момент считал неподходящим. Теперь он настал. Слуги Джимкура втащили упиравшуюся изо всех сил Митук в белую княжескую юрту. Вошел туда и Джимкур, но назад уже не вышел. Вынесли его оттуда бездыханным. Нож, который Митук спрятала под халатом, угодил ему прямо в сонную артерию. Рука у девушки была твердой, потому как не раз ей доводилось с одного маха пускать кровь барану. Не попользовался достоянием Амурсаны Джимкур, не отведал мяса баранов своего мятежного сородича, не покуражился над его людьми. В этом многие увидели

особое предзнаменование. Поползла молва, что за неправедное деяние поплатился Джимкур.

Ускакали цинские солдаты. А среди хойтов ропот пошел. Князья после смерти Джимкура присмирели. К людям не выходили: сказать было нечего. Между тем главный лама Амурсаны Чулум-Баньчжур увещевал, взывал к покорности, ссылаясь на пример Великого Учителя — Будды. И не знали люди, что делать. С одной стороны, долг их обязывал быть верными своему господину, требовал, чтобы за ним шли, с другой — сам Чулум-Баньчжур отговаривал не делать этого, убеждал оставаться на местах, как обычно пасти скот, дабы и на себя не взять грех неповиновения верховному правителю — еджэхану, как это сделал Амурсана. Прислушивались люди к словам Чулум-Баньчжура, только все же не могли принять их полностью. На выручку к нему в аймак Амурсаны по именному указу Хун-ли прибыл халхаский лама Нояп-цорчжи, чтобы увещевать народ в духе желтой веры и считать священные буддийские номы [41].

— Уж если мои слова на веру не берете,— воззвал к мирянам Чулум-Баньчжур,— внемлите тому, что скажет почтенный Ноян-цорчжи. Мало кто может сравниться с ним в мудрости и знании заповедей желтой веры.

Как многоопытный пастух управляется с вышедшим у подпаска из повиновения стадом, так и Ноян-цорчжи утихомирил своими проповедями переполошившихся людей Амурсаны. Но без подпаска и пастырю, сколь бы ни опытен был, не управиться. За рвение свое Чулум-Баньчжур был особо отмечен Хун-ли. Пожаловал тот ему почетный халат, особую грамоту и титул «истинного благоговейного царя священного учения».

С довольным видом примерял Чулум-Баньчжур подаренный еджэханом халат, спесиво надувал толстые щеки: «Среди халхаских лам и то далеко не каждый удостоен такой чести!» В самодовольстве своем не замечал лама, как смятение в душах людей сменилось горечью. Молчать и терпеть — внушал им лама. Только как это можно сделать, если халхасы измываются, норовят забрать последнего барана и все грозят: «Всех вас надо извести».

* *
*

Цзабхан, удаляясь от своих истоков, сбавлял бег. Всем видом своих вод он словно удовлетворенно говорил: «Можно и передохнуть теперь». Песчаные берега, не подавая признаков жизни, не противились ему мысами и крутыми поворотами, а, наоборот, свято блюдя согласие воды и земли, не давали всаднику состязаться в беге с Цзабханом. Копыта коней мягко тонули в глубоком вязком песке. Это волна Боро хошунай борольчжи, песчаного моря, прорвавшись через черную гряду гор, застыла здесь. Ее ни обойти, ни объехать. Она сначала проверяет выдержку и силу человека, а затем уступает тому, кто упорен. Тяжел переход по песчаной волне, но за ней твердый солончак, мелкий галечник. По ним конь легко бежит вперед.

— Заждались нас, верно,— нашептывал коню зайсан Дондок,— спешить надо.— И, обернувшись назад, громко крикнул:

— Уже немного осталось.

— Нам-то да, а вот Эринчин-Доржи прождать нас долго придется...— с насмешкой отозвался кто-то. Ответом был дружный смех.

Люди еще больше приободрились, когда за излучиной реки грунт стал тверже и кони пошли быстрей. На небольшом мыске, что вдавался в реку, кучно столпились тополя. Вдруг дорогу перебежал заяц, а за ним вдогонку устремился волк. Зайсан Дондок, натянув поводья, приостановил коня: «Если заяц перебежит дорогу — худо, если волк — хорошо. А тут оба сразу». Дондок недоуменно покачал головой: «К чему бы это?»

Подъехавшие сзади окликнули:

— Чего стоим?

Зайсан, не удосужив их ответом, тронул коня.

Вот и роща. Поравнявшись с ней, зайсан приостановил коня и резко повелительно свистнул два раза. Роща отозвалась ответным посвистом. Раздвигая кустарник, на прогалину вышел человек.

— Мы от хозяина,— крикнул ему навстречу Дондок.— Веди остальных!

Словно не слыша последних слов, человек подбежал к зайсану и выдохнул ему в лицо:

— Беда!..

Сороки, затаившиеся было на деревьях, словно по команде Шацгай-хана, сорочьего царя, застрекотали резко и надрывно, разнося эту весть по всей округе.

* *
*

Вспугнутый олень, запрокинув голову, устремился в спасительные заросли, но глухой грохот барабанов и пронзительные звуки труб, не затихая, приближались со всех сторон.

Хун-ли до самозабвения любил охоту. Он с нетерпением ждал лета, чтобы покинуть стены Запретного города и поохотиться вдоволь в Жэхэ. Но здесь он не только забавлялся, отсюда продолжал править делами империи, давал аудиенции и устраивал приемы для иноземных гостей.

В этот год он особо позаботился об этом. Буквально за несколько месяцев на холме неподалеку от дворца вознесла к небу свою верхушку кумирня «Всеобщего спокойствия». Так она была названа не случайно. Сокрушив Дабачи, Хун-ли даровал-де мир и спокойствие ойратам. Будут они жить в мире и согласии не только между собой, но и в дружбе с еджэханом, ставшим теперь и их верховным правителем. К приезду ойратских предводителей, изъявивших покорность Сыну Неба, тысячи людей под руководством искусных мастеров возвели величественное здание. Его приземистое, тяжеловесное основание как бы олицетворяло незыблемость воли богдыхана, а разноцветье черепичных крыш — ликование народа по случаю обретенного мира.

Приехавших из Джунгарии тайджи — чоросского Галсан-Доржи, хошотского Шакдор-Манчжи, хойтского Баяра и зайсанов — первым делом повели в кумирню «Всеобщего спокойствия». Посвятили и в смысл ее названия.

— О том же молимся,— сдержанно, с чувством собственного достоинства ответил самый старший из князей чорос Галсан-Доржи.

Придирчивым взором он осматривал триумфальные ворота, ограду, субурганы[42] и киоски. Ему довелось видывать немало диковинных построек в святом городе Лхасе. Спору нет, немало выдумки и здесь вложено. Но видно, что не наш мастер строил. Так китайцы выводят, не монголы. Что же, возвести храм еджэхану по силам. Дать благозвучное название, тем более труда не составляет. А будет ли спокойствие, да еще всеобщее? Галсан-Доржи с сомнением хмыкнул. И тут же сделал вид благочестивый и чинный, стараясь ничем не выдать своих мыслей.

За обедом в летней резиденции последовало предписание сопровождать государя на охоте. Олень не ушел от преследователей. Пущенная в упор стрела остановила его бег. На лице Хун-ли заиграла тщеславная улыбка, но отвечал на похвалы подчеркнуто снисходительно. «Олень что,— думал про себя Хун-ли,— прост по натуре. Надеется лишь на ноги. А вот лисицу подстрелить труднее. Хитра и изворотлива. Но ничего, и этому лису Амурсане свернем голову. Если и ускользнет он и на этот раз и укроется где-нибудь в Западном крае, то помогут нам эти его соплеменники — Галсан-Доржи и те, кто с ним. Никто из них не захочет терпеть у себя этого молодца, не знающего своего отца, а тем более ходить под ним. Нам они станут служить, ибо мы теперь решаем их судьбы. Вернутся ли они обратно правителями или так и не увидят родных мест — все это сейчас уже не от них зависит».

* *
*

Охота удалась. Достойно показали себя и ойратские князья, а потому богдыхан не скупился на щедроты. Распорядился выдать по 5 тысяч лян серебра Галсан-Доржи, Шакдор-Манчжи и Баяру, другие тайджи и зайсаны тоже не были обделены. «Вот это государь! Столько сразу отвалил!» — возбужденно переговаривались княжеские слуги, укладывая в хурджуны[43] слитки серебра.

Князья, хотя и были довольны приемом и подарками, тем не менее томились в ожидании, что дальше будет. Каждый знал, что приехал он не в гости к рав-

ному по положению соплеменнику и еджэхан не просто гостеприимный хозяин, а верховный правитель. От его решения теперь зависит, кем быть каждому из них. Баньди одно говорил, а что сам еджэхан скажет... Кого он признает правителем чоросов? хойтов? Амурсаны еще до сих пор нет... Соизволит ли еджэхан его ждать и сколько? И значит ли это, что и им еще здесь оставаться?

А ведь еще недавно сами слова «маньчжурский еджэхан» отдавались в ушах как лязг от удара сабли о саблю, как предсмертный хрип из пробитого горла. А сейчас мелодичный звон кусочков тускло-белого металла ласкает нутро, суля земные утехи. И все же тревога не покидает ни Галсан-Доржи, ни Баяра... В летней резиденции императора им самим и шага ступить нельзя. Безразлично молчаливые слуги стерегут каждое движение.

Резкие звуки флейт и глухие удары барабанов, наконец, возвестили о предстоящем приеме у еджэхана. Об этом торжестве гостей предупредили накануне и предписали одеть парадные одежды, подаренные еджэханом.

* *
*

В сопровождении специально приставленных к ним чиновников ойратские князья прошли по политым соленой водой дорожкам. Как им объяснили, это делается для того, чтобы прибить пыль перед государевым экипажем. На этот раз прием был назначен во дворце «Безмятежной почтительности и честности». Коленопреклоненно, с поклонами, как требовал того этикет, собравшиеся в парадном зале приветствовали появление императора. Заняв свое место, он из-под полуопущенных век обвел взглядом собравшихся. Жестом дал знак зачитать свое повеление. Почтительно держа обеими руками указ, чиновник торжественно, с паузами прочитал: «Люди джунгарского удела убивали друг друга. Будучи в тяжелом положении, не знали мирной жизни. Мы, единоначальный повелитель вселенной, не могли сидеть сложа руки. Специально послали по двум

направлениям великую армию покарать виновных в бедах джунгарского народа... Ныне в Или утвердился мир. Дабачи схвачен...»

Ойратские князья и их свита слушали все это равнодушно, словно речь шла не об их земле и не о них самих. Выспренные слова об августейшей заботе не трогали. Каждый прекрасно знал, как все происходило. Если бы не Амурсана, еще не известно, удалось бы или нет коннице еджэхана топтать траву Илийской долины.

«Движимые стремлением выразить безграничное милосердие, Мы жалуем титулами тех, кто изъявил нам покорность. В Джунгарии прежде было четыре ойрата. Сейчас в каждом племени поставим предводителя»,— чиновник сделал многозначительную паузу. Наступила такая тишина, что, казалось, каждому было слышно биение сердца другого. Ойратские князья и зайсаны обратились в слух. «Галсан-Доржи производим в ханы чоросов, Цэрэна — дэрбэтов, Шакдор-Манчжи — хошотов, Баяра — хойтов». В указе перечислялись имена других ойратских владетелей, которым еджэхан жаловал титулы и звания. Не было только среди них Амурсаны.

Где же Амурсана? Над этим вопросом весь вечер ломали голову вновь испеченные ханы, тайджи, чжасаки[44], сидя на мягких подстилках в гостевом подворье. Больше всех подмывало разузнать, что приключилось с Амурсаной, Баяра. Если бы не произошла какая-то история с Амурсаной, его бы, а не Баяра, назвал еджэхан ханом хойтов. Но не столько из-за этого терзался догадками Баяр. Схлестнулись было их пути. Когда Амурсана в разлад пришел с Дабачи, Баяр сторону хунтайджи принял. Норовил тогда извести Амурсану, но промашку дал, сам еле ноги унес. Дабачи не стало, а Баяр с Амурсаной не примирились. Теперь же и подавно не быть миру, раз Баяр вместо Амурсаны еджэханом обласкан.

Попытался Баяр после окончания приема узнать у свитского офицера, что случилось с Амурсаной, тот отрезал напрямик: «Сразу видно, откуда прибыли. Приличия неведомы». Этого разговора Баяр не утаил перед собравшимися у Галсан-Доржи. Тот озабоченно покачал головой:

— Не нравится мне что-то все это. Не миновать и нам новых забот.

— Да видно так,— согласился Шакдор-Манчжи.— Неспроста в своем указе еджэхан не обмолвился об Амурсане ни словом.

— А знает ли сам еджэхан, что с Амурсаной?— спросил тайджи Хэтун-Эмогэнь, обращаясь к Галсан-Доржи как к старшему.

Тот недоуменно пожал плечами.

Не дано ему было побывать в императорских покоях вечером того дня, когда состоялась охота. Хун-ли пребывал в прекрасном настроении от удачной охоты и хотел передать свои впечатления о прелестях охоты в стихотворении. (Посредственный рифмоплет Хун-ли тем не менее считал себя мастером стихосложения.)

Появление секретаря со срочным докладом заставило Хун-ли оторваться от стихосложения. Первые же строки доклада моментально изменили его настроение.

«10-го дня 7-й луны отбыли из ставки Баньди в Ничугуни, 19-го дня 8-й луны [45] достигли Урунгу,— доносил халхаский циньван Эринчин-Доржи.— Здесь Амурсана передал мне печать помощника командующего, сказав, что сначала съездит за вещами в кочевье своих родственников, а потом отправится на аудиенцию. С ним последовали...»

Не пытаясь вспомнить, знакомы ли ему эти имена, Хун-ли вникал в суть.

«На следующий день Амурсана обходной дорогой сбежал».

Этого Хун-ли больше всего и боялся. Перехитрил все же его на этот раз Амурсана. Сбежал.

Докладная выпала из рук Хун-ли, и бессильная ярость на миг опалила его. Однако вскоре голова стала вновь холодной и трезвой. В том, как изложил Эринчин-Доржи обстоятельства бегства, очень много неясного. На это следует обратить внимание членов Военного совета. Но главное сейчас не в этом. Эринчин-Доржи докладывает, что о бегстве Амурсаны известил Баньди. Как он там? Что предпринимает?

* *
*

Баньди передвинул фигуру на доске и испытующе взглянул на Ао Жун-аня. Тот слегка скривил тонкие губы и подумал: «Недаром говорят, что в игре раскрываются дарования человека, его натура. Генерал думает, что угрожает мне, а сам ловушки не видит».

Неожиданное появление нового лица прервало игру.

— Цзянцзюнь, неладно дело! — выпалил, стремительно входя халхаский бэйлэ[46] Ванциньчжаб.— Махчины поблизости!

«Экий остолоп! Ни приличий, ни правил не соблюдает. Вваливается к цзянцзюню, словно к себе в юрту. Варвар, ни дать ни взять»,— подумал про себя Ао. Не зная монгольского языка, он не понял из сбивчивой речи Ванциньчжаба, что стряслось. Весть же оказалась такой, что тут же переполошился весь лагерь. Ванциньчжаб и с ним несколько человек отправились в патрульный объезд. Но едва только отъехали от лагеря, как откуда ни возьмись налетели какие-то ойраты и за сабли. Еле от них отбились.

«Неужто Амурсана? — прикидывал про себя Баньди. Позвал шивэя[47] Чжакэсу и зайсана Дугэра и приказал им отправиться на разведку. Но вестей от них не поступило. Зайсан Дугэр прямым ходом отправился в кочевье своего соплеменника зайсана Кэшиму. Шивэя Чжакэсу и его людей связали по рукам и ногам. «Теперь будет легче управиться с Баньди»,— удовлетворенно сказал Дугэр Кэшиму. «Да уж теперь не уйдет от нас,— уверенно отозвался тот.— Нас много!»

Когда в лагерь примчался конник, Баньди решил, что прибыл гонец от Чжакэсу, но ошибся. Прибывший бежал с близлежащей военной станции, на которую напали какие-то люди. Баньди послал зайсана Дуньдок-Манджи навести там порядок. Когда же и он исчез, не подав о себе вести, генерал решил, что нужно сменить лагерь. Оставаться в окрестностях Кульджи Баньди счел небезопасным. От соседних казахов всего можно было ожидать. Аблай не упустит случая поживиться. Главное же на ойратов, чьи предводители только что заверяли в своей покорности, нельзя положиться. Лучше пока отойти поближе к своим. У Юн

Чана в Урумчи немалая армия и склады полны провианта. «Идем на восток»,— решил Баньди.

Ничто не напоминало теперь Баньди его победный марш в начале года. Никто из старшин и лам не спешил к нему навстречу, не выставлял угощения, не давал проводников. И местность так и осталась для него чужой и незнакомой. Тех же, кто хорошо знал эти места, с ним уже никого не было. Баньди повел свой отряд вдоль реки, в направлении к Кунгесу. Через нагромождения камней, через густые заросли пробивался отряд. Люди, спешивались, вели за собой коней и верблюдов и снова садились верхом. Шли в полной неизвестности, не зная, что ждет их за изгибом реки, где начиналось урочище Улан-кут.

Свет закатного солнца высветил склоны, с которых сползал вниз туман, и на них — темные фигурки людей. Они тоже заметили отряд Баньди и стали спускаться навстречу. До них еще не так близко, но уже видно, как, рассеиваясь, их ряды ощетиниваются копьями, иные берут на изготовку луки, у других холодно блестят клинки. До отряда Баньди донесся глухой гул невнятных голосов, в котором слились ойратские и уйгурские слова. В этом гомоне цзянцзюню слышался приговор.

Баньди опешил. Не зная, что предпринять, он оцепенело глядел вперед, не слыша, что его окликает Ао Жун-ань. Увидя генерала в полнейшем замешательстве, его солдаты, чахары и халхасы, кинулись врассыпную кто куда. Спешившийся было зайсан Сарал мигом вскочил в седло и рванул за узду, поворачивая коня обратно.

— Куда же ты спешишь?— крикнул ему Ао Жунань.— Нужно сражаться!

— Поступай, как знаешь,— бросил Сарал. Ударил коня плетью и исчез.

Баньди прикинул, кто у него остался. Не считая его самого и Ао, 13 солдат, гвардейский офицер и секретарь из штатских. Сжав обеими руками рукоятку кинжала, Баньди быстрым движением воткнул его себе в горло. У Ао оружие выпало из дрожащих рук. Книжник, он лучше владел кистью, чем мечом. Выхода не было, и он крикнул своему слуге, чтобы тот прервал его жизнь. Слуга по приказу господина вспорол ему живот.

* *
*

Словно и не было незваных пришельцев в долине Или. Сгинул Баньди со своими беригами, некому стало оглашать указы еджэхана, наводить от его имени порядки. Воспрянули душой местные люди. Прежде, чего греха таить, жизнь тоже несладкой и неспокойной была. Но еще хуже стало, когда вчерашний неприятель начал всем заправлять, не считаясь ни с существовавшим укладом, ни со сложившимися обычаями. Вот почему многие зайсаны и ламы отозвались на призыв Амурсаны покончить с новоявленными хозяевами. Встречали его на этот раз особенно торжественно и с настоящим радушием, так как поверили, что наберет силу ойратский союз и не станет подвластен маньчжурам. Смелостью своей Амурсана вдохнул веру в тех, кто не хотел мириться с положением служивых маньчжурского владыки. И подарок за это Амурсане приготовили особый: не цветные ковры и меха, не дорогое оружие и камчатые шелка, а готовность идти за ним в борьбе за независимое существование ойратского народа. «Нет на нашей земле ни еджэханова цзянцзюня, ни его беригов»,— дружно заявили зайсаны Кэпим, Баран, Дондок-Манджи, Укэту, встречая Амурсану.

Вот и стал как будто Амурсана хозяином наследственных земель джунгарских, хунтайджи. Разбил ставку в долине Боротала, богатой травостоями и родниковыми водами. Зимой долину от леденящих ветров защищали горы, а глубокие снега (коню вполбока) закрывали доступ незваным пришельцам.

От ставки Баньди ничего не осталось. Пепел костров развеяло по ветру, ямки от вбитых кольев и опор палаток сравнялись с землей. Смирится ли с этим еджэхан? Вряд ли. Да и захотят ли владетельные князья, что отбыли пока в Пекин, согласиться с тем, что Амурсана правит в Или? Очевидно, тоже нет. На своих сородичей хойтов, и то, оказалось, нельзя положиться. Что же говорить о Галсан-Доржи... Воевать придется. А чем? Не забыл Амурсана, как несколько лет назад бериги ходили в караул с жердями вместо копий. Сейчас лучше ли стало? Велел позвать зайсана Чжаньбу, чтобы взглянуть на его воинов.

Чериги Чжаньбу стояли беспорядочной толпой, снаряженные кто как. Кто с луком и сайдаком, кто с саблей. У немногих турки[48] были, копья... Да и копья-то какие!... Без железных наконечников...

— Сделать не из чего,— расстроенно развел руками зайсан Чжаньбу.— Железа нет. И взять неоткуда.

А ведь еще не так давно в этих же местах добывали и медь, и железо. Помимо утвари делали сабли, копья, турки. Даже пушки отливали. Все порушили во время смут. Нет теперь и русских мастеров Михайлы Билдяги с товарищами, что добывали руду, плавили медь и железо. Может быть, среди своих, ойратов, рудознатцы найдутся? Но не поднять сейчас такое дело. Много народу и быков для этого нужно. Да и зима к тому же.

Тех пушек, что раньше были в урге, отыскать не удалось. Будто бы брали их с собой, когда зайсан Септень ходил походом на Абдукарыма, в Большую Бухарию, но обратно не привезли.

Жаловались люди на крайнюю нехватку пороха и пуль. Без них турка все равно что палка. А где их взять? На складах при военных станциях, что поставили маньчжуры, оружия и боевых припасов не оказалось. А ведь и порох раньше тоже сами делали. Разучились что ли? Или научить некому?

Умельцев долго искать не пришлось. Приходилось им делать порох и неплохой. Призвал их Амурсана.

— Значит, порох сделаете?— В ответ молчание.— Чего же молчите? Наградой не обижу.

— Не в ней дело, нойон,— негромко отозвался самый старший, кривой Келиш.— Мы бы рады услужить, да не в нас дело. Селитры нет. В прежние времена ее от мусульман получали. Лучшую селитру в Аксу, Уч-Турфане добывают. Будет она — сделаем хороший порох.

Но как ее раздобыть эту селитру? Купить ведь есть на что, однако до Аксу и Уч-Турфана не рукой подать, да и не добраться сейчас туда, в такое время Музартский перевал до весны закрыт. Единственно, что остается — разжиться припасами, заготовленными в Урумчи. Туда немало пороху завезли из Китая. За деньги его, конечно, там не купишь, а силой не взять: у Юн Чана войско большое.

— Я попробую достать порох,— вызвался ихэ-миньский зайсан Чжамугунь.— Лишь бы Юн Чан принял, позволил поблизости поселиться. Порох он ведь не в палатке своей держит. Так что мы запасемся и обратно. Поминай потом как звали.

Все казалось тогда просто Амурсане и Чжамугуню. Отчего бы не поверить Юн Чану, что, спасаясь от Амурсаны, зайсану Чжамугуню ничего не оставалось, как просить у командующего защиты? А раз бежал, то где как не возле лагеря Юн Чана проживать ему? Надежнее места нет.

Юн Чан особой прозорливостью не отличался, но был предельно осторожен. Весть о судьбе Баньди до него домчалась быстро. И почувствовал себя Юн Чан довольно неспокойно. Никому решил не верить, полагая, что все местные заодно.

Не знал всего этого Чжамугунь, когда, явившись к Юн Чану, попросил защитить от Амурсаны и разрешить поближе к лагерю расставить юрты.

— О чем тут речь,— откликнулся Юн Чан радушно.— За лагерем моим много места. Тебе вольготно будет там и надежно. Прошу пока отведать чай. Не обессудь, жасминного нет, но он и не в почете у вас. Вам подавай кирпичный. Каждому свое, понятно.

Едва Чжамугунь, из-за пазухи достав чашку, поднес к губам, как Юн Чан, громко похвалил:

— Отличная работа! Умеют делать. О чашке говорю я.

— Да-а,— довольно протянул Чжамугунь,— есть у нас еще мастера. А вот раньше были! Черепа серебром отделывали. И какие чаши получались!

«Из твоего черепа,— усмехнулся про себя Юн Чан,— ворон будет пить», но виду не подал, кивнул одобрительно головой.

— Позвать охрану!— кося взором вбок, негромко обронил Юн Чан шивэю.

Когда появились солдаты, Юн Чан, радушно улыбаясь, уже по-монгольски обратился к Чжамугуню:

— Они проводят. Так надежней, а то у нас вокруг неспокойно.

Юн Чан недолго продержал зайсана в заложниках. Когда под Урумчи стали появляться повстанцы, цзянцзюнь решил, что держать заложником Чжамугуня больше нет резона.

Во что бы то ни стало нужно узнать, что замыслил Амурсана, послав зайсана сюда. Но как ни пытали Чжамугуня, он повторял то, что и вначале говорил. Так и умер зайсан под пытками, сохранив тайну, которой так домогался военачальник еджэхана.

* *
*

Когда Амурсана покинул ставку Баньди, к нему поспешили баочинские старшины[49] Акэчжулэ, Тайлакэ. Они благополучно прошли Сэльби, Улакчин в горах Алтая и надеялись скоро увидеться с Амурсаной. Однако на Булагане их поджидали халхаские князья Бачжаршиди, Шакдорчжай и Даржа — прислужники Хун-ли. Неравные были силы. На глазах у связанного Акэчжулэ победители исполнили предписание еджэхана: всех юношей — баочинов, что достигли совершеннолетия, убили на месте. Среди них были и сыновья Акэчжулэ «Смотри,— говорили ему,— что станется со всеми, кто пойдет против воли еджэхана. И отомстить за тебя некому будет». Старался высвободиться Акэчжулэ и накинуться на убийц, но только крепче врезались в его тело путы. «Потрепыхайся пока»,— ухмылялся Бачжаршиди, скаля редкие зубы.

* *
*

Ни бараний жир, ни толстая шуба не спасали от озноба. Мамут ежился, кряхтел. Недуг подкрался как-то внезапно и свалил на кошму. Из-за немочи своей и задержался Мамут в Или. С ним оставались только его близкие. Неладно все как-то у него складывалось. Служил Дабачи верой и правдой, потом переметнулся к еджэхану, хотя, конечно, и не по своей воле. Когда посланные Баньди чериги зажали со всех сторон и угрожали смертью, пришлось покориться еджэхану. И тут судьба снова свела его с давним недругом Амурсаной. Просил ведь, чтобы не допускали его с войском в Или, не послушались. Вот и повел себя Амурсана самовластным хунтайджи, с даргой Баньди почти считаться перестал. Со своими прежними противниками расправляться начал. Того и гляди доберется и до него, Мамута.

Ночью Мамут спал плохо. Привиделся ему тяжкий сон, от которого весь в поту проснулся. В это время пола юрты откинулась, Мамут приподнялся на локте, вглядываясь, кто там явился.

— А, зайсан Хадань. Садись. С чем пожаловал?

— Амурсана прислал за тобой. Свидеться хочет.

На лбу Мамута выступила холодная испарина:

— Немочен я сейчас, подняться сам не могу.

— Ничего, не самому идти. Конь довезет...

* *
*

— Ну, здравствуй,— приветствовал Амурсана Мамута.— Располагайся. Сам хотел к тебе приехать, да вот недосуг.

Мамут не ответил на приветствие и с безразличным видом молчал.

— Ладно,— кашлянув, начал Амурсана.— Хочешь не хочешь, а говорить все равно будем. Не знаю, известно ли тебе, что я больше не слуга еджэхана, а даргу Баньди с его черигами мои люди кончили. Так что нет над нами еджэхана, сами теперь здесь хозяева. Как тебе быть, решай сам, неволить не стану. Можешь уйти, можешь остаться. От меня худа тебе не будет. Прежнее, что между нами было, я забыл. Дай знать своим людям, чтобы ко мне шли.

— Чего говорить тут,— произнес Мамут негромко, стараясь не закричать, чтобы не выдать волнение.— Деваться некуда. К еджэхану не по своей воле пришел. К тебе сейчас тоже. Одно мне остается — смерть. Я не боюсь ее, помирать, так помирать. Но и ты запомни, твой черед тоже придет. Когда поймают тебя чериги еджэхана, будешь ты четвертован и собаке не придется есть твое мясо [50].

Не сопротивлялся Мамут, когда двое подошедших к нему парней набросили на его шею веревку. Не стало у Амурсаны еще одного врага.

* *
*

Молчал старый Укэту. Казалось, он собирался с силами, чтобы заговорить. Глядя на его согбенные плечи, выцветшие и поредевшие от времени волосы, Амур-

сана, соблюдая почтительность, тоже молчал. Не решался торопить старика с ответом. Среди мирских, пожалуй, никого не осталось, кто был бы более чтим и уважаем здесь, чем зайсан Укэту. Его еще Галдан-Цэрэн почитал за ум и рассудительность. Они его и в последнее лихолетье выручали. Когда пошли кровавые свары, каждый норовил на свою сторону перетянуть Укэту, а он никому не поддался. Силу же к нему применить никто не посмел. И теперь у чоросов с ним больше всех считаются. Среди чоросских князей не осталось таких, кто бы особыми умом и ратной храбростью отличался. Галсан-Доржи умом, конечно, не Дабачи, но все же не тот, кто мог бы привязать к себе или приструнить. «Ему не станем подчиняться»,— дружно заявили ирэн-хабиргасские зайсаны. Прибрать к рукам таких ни силой, ни нужным словом Галсан-Доржи не мог.

«Такую малость у него прошу,— пытливо вглядывался Амурсана в бесстрастное лицо старого зайсана.— Сказать лишь тем, кто в стороне пока и выжидает, чтобы пришли ко мне».

— Ты,— разжал, наконец, губы Укэту,— слишком высоко меня ценишь. Боюсь, что не послушают меня. Время такое пошло — собственные сыновья и то норовят по-своему все делать,— старик зашелся в кашле.

Огонь в очаге никак не разгорался. Не очень сухой тальник исходил едким дымом. Да, не всегда разожжешь костер с первого удара кресала о кремень. Упадут искры на сухую подстилку, жадно схватит огонь тонкие прутики и былинки и прогорит, отступившись от прутьев и палок потолще. Они словно чуждаются принять огонь от каких-то там прутиков и веточек. А иные, отсырелые, шипят враждебно, не желая загораться.

Пламя восстания в Илийской долине не перекинулось на другие места Джунгарии. И помехой тому были не реки и горы, а давняя родо-племенная рознь, личная неприязнь и недоверие многих знатных лиц к Амурсане. Не хотели они его видеть всеойратским ханом. Ослепленные лютой неприязнью к этому хойту, иные предводители были готовы обратить против него оружие. Некоторые из местных ойратских старшин обращались к генералу Юн Чану, чьи отборные части стояли в Урумчи, с настоятельным призывом высту-

пить против Амурсаны. Однако Юн Чан, усмотрев в этом коварный замысел, посчитал лучшим для себя перебраться в Баркуль, а запасы военного довольствия распорядился отправить в Хами.

* *
*

Весть об убийстве Баньди ошеломила и привела в смятение сановников богдыхана. Что будет дальше? Новая большая война? Не перекинется ли пламя мятежа на Халху? Как поступить с Джунгарией, которая, казалось, уже стала подвластной Поднебесной.

«Отступиться от нее совсем. Отвести наш гарнизон из Баркуля и предоставить этих дикарей самим себе. Сделать вид, что их совсем не существует. Оставшись без верховного предводителя, они снова перегрызутся между собой, как псы из-за падали»,— так считали многие царедворцы, иных суждений от них Хун-ли не слыхал, а потому зло щурил свои глаза. Значит, выходило, что он, Сын Неба, просчитался. Если он последует этим трусливым советам, тем самым признает сам, что Небо отвернулось от него. Нет, не быть тому. Трусливых слов он не станет слушать и слабодушных не потерпит. Наместника Шэньси-Ганьсу Лю Тун-сюня, который доказывает, что нужно уйти из Баркуля и отсиживаться за стенами Хами, необходимо сместить и наказать другим для вразумления. Джунгария должна составить часть Поднебесной. По законам охоты, есть зверь — не упускай его, гони, не давая передохнуть, а когда у него иссякнут силы, свежуй еще теплого... Однако изловить Амурсану в джунгарских землях — это не то, что добыть зверя в лесах за Мукденом. Всякому делу — свой сезон. Сеют хлеб и промышляют соболя не в одно время. Сейчас в Джунгарии лютые морозы и глубокие снега, до весны, пожалуй, следует подождать. Из всех, кто говорил, что наступать сейчас не надо, лишь Аюйси достоин доверия. Ведь это он ночью чуть было не пленил Дабачи в горах Гедын, напав на лагерь с десятком других конных, за что и удостоился почетной награды. К тому же Галсан-Доржи, Шакдор-Манжи с Баяром тоже твердят, что лишь к весне собраться могут, а им ведь

псами в облаве на Амурсану быть. Только искренние ли они, когда говорят, что готовы добыть для нас Амурсану? Одной породы все. Когда кусок даешь, хвостом виляют, а что при этом думают? Аюйси предостерегает, что на помощь ойратов в поимке Амурсаны нельзя надеяться, они лишь о личной выгоде радеют, а поэтому ненадежны.

Может, попробовать уговорить Амурсану? До весны еще время есть, почему бы не попытаться? В одном из докладов Цзюньцзичу отмечает, что будет уместным направить Амурсане высочайший манифест. Отругать его за совершенные проступки и внушить, если сам не покается, не миновать ему тяжкой кары. Единственно, чем он сможет свою вину искупить, это сделать джунгаров в Или покорными. С повинной Амурсана сам, конечно, вряд ли придет, но что отвечать будет, как оправдываться станет? Может быть, Баньди с Ао Жун-анем в чем-то промашку дали, так чтобы ошибки их впредь учесть.

* *
*

Не сразу нашлись охотники явиться к Амурсане с манифестом богдыхана. К тому же нужен был толковый посыльный, на которого и положиться можно и который места илийские хорошо знает. Хадаха нашел такого ойрата. Разговор у Хадаха с Чжаоцзи недолгим был: вернешься с ответом — получишь скот и серебро в награду, иначе всех твоих близких прикончим.

После долгих дней тяжелого пути по бездорожью Чжаоцзи, оказавшись в юрте, у очага, поначалу как-то сомлел. Не вдаваясь ни в какие объяснения, еще плохо гнувшимися пальцами достал из-за пазухи бумагу и отдал Амурсане. Пока тот читал, Чжаоцзи, не глядя на него, сидел неподвижно, сжимая и разжимая застывшие пальцы.

— Э, друг,— Амурсана отложил письмо в сторону.— На ответ время нужно. Ты пока расскажи мне, как там наши люди? Что сын мой?

— А что про людей говорить? Албату частью у своих прежних хозяев, частью отданы халхасам. Брата

вашего и жену с сыном увезли маньчжуры. Банчжура уже нет среди нас: голову ему отсекли. А сына, говорят, к самому еджэхану отправили.

Ничем не выдал себя Амурсана, когда услышал эти слова. Лишь сильно задрожали веки, когда Чжаоцзи сказал, что сын увезен в Пекин.

— Пока иди,— ровным голосом сказал он Чжаоцзи,— тебя устроят сейчас. Как ответ напишу еджэхану, так и поедешь обратно,

«Заслуги мои перед еджэханом,— писал Амурсана Хун-ли,— немалые. Не только Дабачи и его зайсанов представил, но весь удел джунгарский привел под начало Небесной династии. Говорил я после того Баньди, как следует поступить с ойратским четвероцарством, но тот не внял мне. Непотребное стали чинить Баньди с Саралом. На коне въезжали в храм, привязывали там лошадей к столбу. Сверх того садились выше самого старшего ламы. Сарал к тому же бахвалился: теперь весь народ ойратский мне-де подвластен. Брал себе в наложницы женщин и девушек во всех отоках. Грабил. Пример тому — зайсан Кэшиму Баярлаху. Все у него отнял Сарал. От бесчинств тех, что случились, все люди местные стиснули зубы в гневе. И до того как я вернулся в Или, бунт вспыхнул. Я же, когда поехал ко двору, на Урунгу будучи, услышал, что пленен Баньди. Ничего более путного не решил, как самому скрыться. Смалодушничал, подумал, что мне придется в ответе быть, потому как, кроме меня, старшего никого из местных не оставалось. Пожалованную печать мне, не осмелившись бросить, передал Эринчин-Доржи в знак того, что не оправдал доверия еджэхана».

Амурсана строка за строкой перечитал написанное. Все как будто именно то, что хотел сказать. Вины он на себя не берет, сами виноваты. Поведи Баньди дело по-иному — обошлось бы без войны. Не стерпел ойратский народ, чтобы им из Пекина управляли. Не он, Амурсана, один, а весь ойратский народ!

Тщательно свернув письмо, Амурсана велел кликнуть Чжаоцзи.

— Вот мой ответ еджэхану,— протянул он ему письмо и держался при этом гордо, с достоинством, не как провинившийся слуга, а как самовластный, сильный правитель.

Возвращался Чжаоцзи обратно не один, а с попутчиком. Им оказался шивэй Шуньдэна, который ездил к Аблаю. Посылал его к нему еще Баньди, когда жив был, и все тогда вроде было спокойно в Или, а возвратился шивэй уже во вражеский стан. Но Амурсана не обидел, принял как должно и отпустил обратно с Чжаоцзи, сказав на прощание: «Мне кровь твоя не нужна. Из-за тебя греха на душу брать не стану». Дивился Шуньдэна, что отпустил его Амурсана.

— А какой ему толк убивать тебя?— отозвался Чжаоцзи.— Силы это ему не прибавит, да и немного ее у него, не ты один, я тоже видел.

— Верно, пожалуй, говоришь,— закивал головой шивэй.— По тому, что видеть довелось, силенок-то у него не больно много. Да и снаряжены кое-как. На что рассчитывал, когда бунт замыслил?

Чжаоцзи в ответ лишь пожал плечами.

Словно шульма, сам дьявол, в обличье посланца еджэхана посетил ставку Амурсаны. Не так уж и много было у него людей, а тут еще поубавилось из-за разлада с Ходжа-Джиханом.

В Илийской долине Ходжа-Джихан жил со своим братом ходжей Бурхан ад-Дином. Предки их были правителями в Кашгарии и почитались тамошними людьми как пайгамбар — потомки их главного вероучителя. Подобно тому, как ойраты и халхасы почитали далай-ламу. На илийских землях занимались хлебопашеством и садоводством высланные еще при хунтайджи Цэван-Арабтане жители кашгарских городов. Когда пришел Амурсана с Баньди во владения Дабачи, старшего брата Бурхан ад-Дина отпустили, и он вернулся на землю своих предков. Младший же Ходжа-Джихан остался и со своими людьми помогал Амурсане расправиться с Баньди. Поэтому и считал Амурсана, что ходжа до конца с ним будет. И вдруг словно каким-то зельем его опоили. Задумал со своими людьми уходить. Подумал Амурсана, что с уходом Ходжа-Джихана немного останется у него черигов, а потому и решил попробовать образумить ходжу.

— Нет, нет, нойон,— покачал головой Ходжа-Джихан.— Дальше у нас дороги расходятся. Предки мои испокон веков правили в Джетышааре, и мне там быть пристало. Здесь же, среди вас, мы поневоле

жили. Служить тебе, нойон, не стану. Давай расстанемся подобру-поздорову. Не удерживай меня и моих людей.

— Не горячись, ходжа,— увещевал Амурсана.— Зачем так сразу? Подумай, ведь и на тебе тоже кровь цзянцзюня. Твои люди были в Уланкуте. Значит, нам теперь одно остается — сообща держаться против еджэхана.

«Напрасно ты помышляешь, нойон, что я тогда для тебя старался,— про себя подумал Ходжа-Джихан.— У меня с цзянцзюнем свои счеты были. Это его заботами меня продолжали держать здесь».

Отодвинув пиалу, Ходжа-Джихан поднялся:

— Спасибо за чай,— и вышел, твердо ступая ногами в красных сафьяновых сапогах.

Попытался Амурсана преградить ему дорогу — ходжа за саблю. Думал Амурсана, что это не всерьез, а обернулось кровопролитием. Пришлось ему отступиться от ходжи. Пусть уж лучше уйдет, чем, затаившись где-то, станет ждать, чтобы ударить в спину.

Понимал Амурсана, что судьба его будет зависеть от того, какие силы он сможет вокруг себя собрать. А с уходом ходжи они снова поредели. Где взять им замену? Кого о помощи просить? Аблай ближе всех находится, хотя на помощь его надеяться не приходится, но если ему взамен добычу посулить... Делать нечего, придется попробовать.

Аблай просьбе о помощи не внял, зато дал себе волю в налетах на ойратские кочевья. Норовил напасть на такие улусы, где преобладали немощные старики, женщины и дети. Престарелых не брали, увозили молодых женщин. Лучших Аблай самолично отбирал для себя. Забирали с собой и ребят. Одни становились тюленгутами [51], других продавали на невольничьем рынке в Ташкенте — опять же нажива.

Грабил Аблай, где хотел, не считаясь с интересами Амурсаны. Надеялся Амурсана, что примкнет к нему табынский цзисай [52], но Аблай помешал. Напал на кочевья табынцев, нанес им немалый урон, а тем самым и Амурсане тоже.

Получалось так, что те, кто хотел соединиться с Амурсаной, не имел возможности это сделать. Им приходилось отбиваться от дружин казахских султа-

нов, потому что не один Аблай разбойничал. Почуяв слабинку, хан Младшего жуза Нурали, прослышав, что у ойратов можно поживиться, спешно отрядил туда своего брата Ерали.

Казахские султаны думали лишь о своей корысти, от Циньгунчжаба Хотогойтского пока Амурсана тоже поддержки не имел и до русских было далеко. Не знал Амурсана, у кого просить. И вдруг вспомнил: Ходжа-Сы-бек! Когда он плененного Дабачи доставил, между ними состоялась тайная беседа. Бек явился к Амурсане тогда под вечер и предостерег:

— Что я к тебе пришел нарочно, дарга Баньди о том не ведает. Разговор наш в тайне сохраним.

— Пусть будет так, какое дело привело тебя ко мне? Дабачи ты ведь не ко мне доставил, а к Баньди.

— Оставим это. Так уж получилось. Известно нам и то, что достопочтенный нойон тоже в силе. Да пусть аллах еще тебе ее прибавит! Чтоб время понапрасну не тянуть, таить не стану, что меня волнует. Правителей Джетышаара прежде, как повелось, хунтайджи назначал. Дабачи теперь в урге нет, и те, чью власть в Яркенде и Кашгаре он признавал, ее, понятно, больше не имеют. Содействуй мне стать владыкой Джетышаара, а я в долгу не останусь.

Ответил ему тогда Амурсана, что он доверием таким польщен и при случае готов оказать помощь. Известно ли теперь Ходжа-Сы-беку, что он хозяином в Или? Сможет ли бек оказать ему помощь? Только подумал об этом, как доложили о прибывшем. По обличью, по одежде видно, что оттуда, из мусульманских городов, лежащих к югу от Музарта.

— Нет, мы не к тебе пришли, нойон,— ответил Амурсане бек Гэдаймот.— Известно нам, что весь удел ойратский подвластным еджэхану стал, что он к себе Дабачи забрал, а вместо него даргу Баньди поставил. И прибыл я из Бая с тем, чтобы слугою еджэхановым назваться. Ты вроде тоже был таким, а говоришь что здесь теперь хозяин. А кто решил так? Сам? Ну, если так, то ты уж нас уволь от милости такой с тобою оставаться и помощь тебе чинить. Не затем я сюда приехал. Чем занят Ходжа-Сы-бек? Обычными делами: то нужно стены укрепить, то арык проложить. Я близок с ним. Пред тем, как мне прибыть

сюда, мы с ним встречались. Все сетовал: «Хлопот невпроворот. Куда уж там из города мне отлучаться». А речи о тебе со мной не вел.

* *
*

Время, казалось Хун-ли, тянулось очень медленно. Весна не торопилась приходить, и Хун-ли одолевало нетерпение: скоро ли до его ушей дойдет весть о том, что Амурсана схвачен или, на худой конец, убит. Дорого обошелся этот перевертыш империи. Но что эти затраты в сравнении с тем, что весь замысел возвеличить Поднебесную повис пока в воздухе? В казне еще есть серебро, воинов достаточно, и он, Хун-ли, не поскупится ни на деньги, ни на людей, чтобы покончить с мятежником. Правда, есть такие, Хуан Тин-гуй, наместник Шэньси-Ганьсу, например, которые усомнились, стоит ли вновь тратить огромные средства ради какого-то беглого ойрата. Узко мыслят. «Пока не схвачен мятежник, на границе не будет покоя»,— ответил он тогда для вразумления Хуан Тин-гуя и ему подобных. Покоя на той границе, которую он, Хун-ли, на западе заново проложит и тем пределы Поднебесной округлит.

Туманная дымка, которая с утра заволокла город, постепенно таяла. Под блеклыми лучами неяркого солнца ожили дворцовые постройки. Из окна Хун-ли было видно, как затеплилась желтизна черепицы на крыше пагоды во внутреннем дворе. Потянуло прочь из этих комнат, от докладных, от громадной карты. На требовательное гудение гонга неслышно появился слуга, застыв в почтительном поклоне, весь обратившись в слух.

— Пусть запрягут коней,— отрывисто бросил через плечо Хун-ли, не отходя от окна.

* *
*

Под копытами коней и верблюдов похрустывал мелкий галечник, крошилась смерзшаяся глина. Люди, их лошади и верблюды, словно ручейки стекавшиеся в долину Баркуля и заполонившие ее, мгновен-

но снялись с мест. Подняла их безмолвная бумага, свернутая в трубочку, доставленная из далекого Пекина гонцами. «Выступать без промедления!» — гласил немногословный приказ.

Почему такая спешка, гун Цэрэн уяснил, когда закончил читать приказ. В Или Амурсана по существу один. Черигов у него едва ли наберется две тысячи, как донесли Чжаоцзи и Шуньдэна. С Ходжа-Джиханом у него разлад получился, и от него Амурсана бежал. Сейчас как раз и время взять Амурсану за горло.

Цэрэн двигался по той же Северной дороге, по какой до него шел Баньди. Что ждет его впереди? — эта мысль не покидала Цэрэна. От нее некуда было деться, как и от шквальных порывов ветра. В его вое и свисте чувствовалось незримое присутствие птицы Хан Гариды [53], взмахи ее крыльев. Цэрэн плотнее запахивал шубу, защищаясь от яростного ветра, пригибался к шее коня. Ехавший сзади помощник Юй Бао поровнялся с Цэрэном:

— Может, сделаем привал? Ехать невозможно!

Цэрэн покачал головой:

— От Баркуля еще не отъехали, а уже привал. Если на каждом шагу станем делать привалы, лишь к осени до Или доберемся.

Вновь по разоренной земле Джунгарии двигалось войско богдыхана. Зачем? Оно уже приходило, для того чтобы избавить ойратов от бесчинств Дабачи. Но не он закоперщиком во всем был, а Амурсана. Это он нашептывал непрозорливому Дабачи, подбивал его тиранствовать и чинить жестокости. За это Амурсана будет в ответе. Сам Дабачи призывает своих доброхотов, оставшихся в Джунгарии,— дэрбэтского тайджи Бошиагэши, кубэнь-ноиньского тайджи Норбу и других, чтобы они помогли поймать злодея и мятежника Амурсану. Так теперь говорилось в манифесте еджэхана, адресованном князьям, зайсанам, всему населению Джунгарии. Полки двигались на запад, чтобы покарать вора и бунтовщика Амурсану (таким его представил Хун-ли). По ночам в небо зловеще взметалось пламя бивачных огней, предвещая новые смерти и разрушения в ойратских улусах. Указ Хун-ли своей краткостью подчеркивал жестокий смысл: унич-

тожать непокорных, не глядя ни на пол, ни на возраст.

Полетела весть о наступлении армии Цэрэна. Дурной молве ни бездорожье, ни горы не помеха. Еще неспокойнее стало на душе у тех, кто оставался с Амурсаной в долине Бороталы. Хлебнули они горя в ту зиму. Дали себя знать морозы, каких давно не бывало, и оспа прибавила жертв. А впереди — сражения с врагом, у которого гораздо больше сил. Он не голодал, ел и пил вдоволь.

По выражениям лиц, по взглядам чувствовал Амурсана, что не удержать ему при себе всех, кто примкнул к нему. Одни уже открыто стали говорить, что слишком доверились ему, другие тоже так думали, но таились до поры до времени, а третьи колебались, не зная, стоит ли держаться с ним до конца.

Уверенности, что выстоит, у Амурсаны не было. Но он вида не подавал и ободрял своих людей: «Войско еджэхана сюда нескоро доберется. Снега сейчас такие, что коню вполбока. Пока оно ползет, к нам на помощь примчатся. Ведь не вывелись еще все ойраты! Просил я кое-кого из князей прийти мне на выручку. Не должно быть, чтобы отказали. Урянхайские старшины уже отозвались, бьют черигов еджэхана».

Амурсана верил, что глубокие снега сдержат наступление армии Цэрэна, но и сам не сидел сложа руки. Попытался запугать маньчжурского полководца своей мощью. О том, сколько у него было в Боротале людей, Хун-ли, очевидно, доложили. Чжаоцзи, присланный с манифестом, не один день провел тогда у него в ставке, с людьми говорил, мог узнать. Да и перебежчики могли, конечно, рассказать. Это они Хун-ли говорили, а Цэрэн пусть услышит и другое...

Цэрэн был явно озадачен. Он только что самолично допросил ойрата, назвавшегося Усунем. С ним повстречались солдаты передового разъезда, стали спрашивать, нет ли какой опасности впереди. А тот говорит: «Там заслон сильный Амурсана выставил из казахских джигитов. Их Аблай ему на подмогу прислал». Известие это показалось важным старшему патруля, и он распорядился доставить Усуня к командующему.

— Не один он, Амурсана. Казахские чериги с ним, повторил и Цэрэну Усунь.

— Не врешь? — сомневался Цэрэн.— Если соврал, смотри, худо будет!

— А зачем мне врать,— отвечал Усунь.— Верно говорю, казахи есть при нем.

— Много ли? — допытывался Цэрэн.

— Считать мне самому не довелось, но, сказывают, 8 тысяч.

Не так уж это и много, прикидывал Цэрэн, но хлопот прибавится. И верно ли, что казахи с Амурсаной заодно?

Сообщение Усуня не было единственным. Шивей Дэшань, еле унеся ноги из урянхайских улусов, тоже говорил: «Там только и слышно, что раз пришел Аблай на выручку Амурсане, нелегко будет его побить».

Действительно ли Аблай выступил в поддержку Амурсаны? Над этим вопросом ломал голову не один Цэрэн. Не давал он покоя и в Пекине. Какой же резон султану грудью защищать Амурсану? — размышляли, сомневаясь в союзе ойратского князя и казахского султана.

Дело прояснилось, а Хун-ли представился повод покичиться своей прозорливостью на заседании Военного совета: «Я еще до получения этой бумаги говорил, что Аблай не станет помогать Амурсане». Докладная, присланная из Джунгарии, гласила, что цаньцзаньдачэнь Фу Дэ с отрядом солонов обратил в бегство многочисленную ватагу казахов. Как показали люди, взятые в плен, они пришли поживиться в кочевья здешних калмыков, так они именуют ойратов. Гнали за собой казахи много коней и скота. Помогать Амурсане они и не собирались, поскольку у них с калмыками испокон веков вражда.

Эту вражду необходимо всемерно поддерживать, решили министры, а Хун-ли одобрительно кивнул головой.

— Ублажить стоит Аблая,— проговорил гун Фу Хэн,— чтобы склонность к нам имел. А потому, по моему непросвещенному мнению, тех двух казахов, которых Фу Дэ отправил в столицу, следует отпустить с подарками, пусть расскажут своим, что Поднебесная

к казахам вражды не питает и чтобы они, если к ним Амурсана прибежит, хватали его и прислали нам.

— Если только увещевать мягкостью, казахи превратно все понять могу,— рассудил начальник палаты финансов Ярхашань.— Пусть также Аблай знает, что не потерпим, если Амурсану укрывать станет. Пригрозить нужно: пошлем войска полностью его племя уничтожить.

— Верно,— заключил заседание Хун-ли.— А что касается Цэрэна, послать ему приказ, чтобы не медлил и казахов в расчет не брал. Они к Амурсане на подмогу не придут.

* *
*

После стычки с Ходжа-Джиханом силы Амурсаны быстро пошли на убыль. Людей уже считали не на сотни, а на десятки.

А Цэрэн между тем не дремал, главным он считал напасть на Амурсану. О том, что он не упускает из виду ни одно из действий Амурсаны, он докладывал регулярно в Пекин: «Я достиг Боробургасу. Слышно сейчас, что Амурсана со своими воинами двинулся на Ухарлик и атаковал там Норбу. Если мы по большой дороге по Боробургасу двинемся, то, опасаюсь, как бы мятежник не прознал о том. Поэтому снова пойдем непроторенной дорогой и нападем на него...» Хун-ли был недоволен его осторожностью, опасаясь, что Амурсана ускользнет.

Помощник Цэрэна Хазык-Шары, ойратский зайсан, тоже говорил ему: «Большие привалы делаем. Спешить нужно, а иначе уйдет». «Если тебе так неймется,— уступил Цэрэн,— действуй. Отряжай передовые отряды туда, куда сочтешь нужным, места ведь тебе эти родные».

Еще не сошли снега, а летучие отряды Цэрэна уже вышли к реке Тэкэлэ, на подступы к ставке Амурсаны. Этого он не ожидал. Надежды на зимнее бездорожье, которое задержит продвижение вражеских войск и даст возможность собраться с силами, не оправдались. Амурсана решил уходить, взяв с собой наиболее преданных и стойких. Если он спасет собственную голову и сохранит ядро отряда, можно будет

попытаться начать все снова. Необходимо избежать ненужного кровопролития: у него и так немного людей, чтобы понапрасну терять их в неравной схватке.

Налегке оставил Амурсана свою ставку. В спешке едва успел приторочить хурджуны. Взял лишь самое ценное. Но ведь кормиться надо и самому и людям, а с тем, что при себе, много не протянешь. На вспомоществование рассчитывать не приходилось. Время как раз такое, что каждый баран, у кого он еще есть, на счету. Попались на пути кочевья чжасака Оноси, прихватили гурт, погнали с собой. Знал Амурсана, что не годится отнимать последнее. Но что делать? Корова — не лошадь, и сбавил бег конь Амурсаны. А тут пошли пески. Вязли копыта животных, сыпучий песок удерживал, не пускал к Хоргосу, за которым, как знал Амурсана, уже недалеко и до казахов, а преследователи к ним сходу не сунутся.

Яростные крики, исторгнутые из груди жаждавших мести, отбросили Амурсану вместе с конем назад. От переправы на него и его людей неслись конные. Откуда было ему знать, что Оноси не махнул рукой на пропавший скот. Прослышав, что за Амурсаной гонится помощник гуна Цэрэна зайсан Хазык-Шары, Оноси со своим сородичем Норбу загодя захватили переправу на Хоргосе. Перебраться сходу на тот берег Амурсане не удалось. Отступив, он укрылся со своими людьми за склоном песчаного холма. Дружный залп заставил черигов Оноси откатиться. Но было ясно, что с переправы они не уйдут. Им можно и ждать, а Амурсане нужно было уходить во что бы то ни стало.

Ночная темень скрыла друг от друга противников.

— До утра ждать нечего,— распорядился Амурсана.— Будем уходить отсюда, пробьемся в другом месте.

Знал Амурсана, что Хазык-Шары загонит коня, но преследовать не прекратит. Таков уж у него норов. Значит, надо как-то оторваться от преследования, задержать продвижение передовых отрядов войска Цэрэна. Нет силы для того, чтобы устоять в битве, применяй хитрость. Речь ведь идет о собственном спасении. Повадки Цэрэна ему известны, уж он-то не помчится напролом.

Лишь самых доверенных посвятил Амурсана в свой тайный замысел. Были у него еще и такие, которые в преданности своей готовы были пойти на любые испытания и муки... И еще несколько человек покинуло Амурсану... А от кочевья к кочевью пополз слух: «Конец Амурсане. Связал его по рукам и ногам зайсан Норбу и везет еджэхану».

А тем временем Амурсана с небольшим отрядом уходил на северо-запад. Илийская долина, урочище Боротала оставались позади. Погоняя лошадей, всадники с опаской оглядывались назад. Не идет ли следом погоня? Но в остававшейся за спиной дали не раздавалось ни конского ржанья, ни человеческих голосов.

Слухи о поимке Амурсаны дошли до самого Цэрэна. К нему привели ойрата, который назвался Тугусом — албату зайсана Норбу и поклялся, что его хозяин спешит к Цэрэну с Амурсаной, привязанным к седлу. Через несколько перегонов будут здесь. О неладах между Норбу и Амурсаной было известно, дрались они между собой; видно, Норбу повезло схватить живьем злодея. О поимке Амурсаны докладывал и шивэй Дэ Фу. Так что в верности этих сведений не приходилось сомневаться.

Смотреть только надо, думал Цэрэн, чтобы не изловчился Амурсана какую-нибудь отраву проглотить. Хотя и связан будет по рукам и ногам и отлучиться по нужде один не сможет, а полный состраданья человек может сыскаться и здесь, зелья тайно даст, чтоб с государем встречи избежать и этот мир без мук покинуть. Как изощрены палачи в Пекине, Цэрэн глазами своими видел. Чтобы только со стороны мастерство этих живодеров видеть, и то не сердце, камень нужно иметь. А как вытерпеть такие пытки?..

За хорошую весть не поскупился на подарки Цэрэн. Увесистый мешочек серебра и халат пожаловал он человеку Норбу, назвавшемуся Тугусом.

Доставить счастливое известие в Пекин отрядил Цэрэн гонцов и дал команду мчаться, не жалея лошадей, сам рассудил: раз мятежник пойман, нечего утруждать солдат ненужными тяготами. «Всем отдыхать! — дал команду.— Амурсана пойман, поход на том закончен».

Войско мгновенно остановилось. Задымились лагерные костры. Греясь у огня, радовались солдаты, что пришел конец нелегкому походу. Не по своей воле занесло их в эти чужие земли. Бунтовщика этого, Амурсану, в глаза не видели, самим им дурного он ничего не сделал, крови родственников не проливал, имущества не отнимал. Произошла у него с государем неувязка, а пришлось им, подневольным солдатам, за обиду, причиненную государю, его наказывать. А теперь не поздоровится Амурсане.

* *
*

Свист ветра в ушах радует сердце степняка — знать, конь хорош. В лихой скачке — утеха тех, для кого с малолетства конь — первый друг и без него жизнь не жизнь. Но когда задует эбе, тут совсем иное дело. Нехорошо становится человеку, плохо и коню. И тут человек и лошадь едины — скорей, что есть сил, уйти от эбе. Нехороший, злой этот ветер помог сейчас Амурсане. Конь его мчался так, что казалось он летит, не касаясь земли копытами.

Признаков погони как будто не было. Настороженное ухо не улавливало топота коней. Стало непривычно тихо. Эбе, что дует в Джунгарских воротах, погнался было за ними, наполняя яростным гулом ущелья, но и тот отступился. Чувствуя, что настроение у хозяина улучшилось, сбавил ход и конь, не дождавшись, когда ослабнут удила. «Скоро отдохнем, по-настоящему»,— подбадривал Амурсана своих спутников. Ему знакомы были эти места. Здесь он бывал, укрываясь от карающей руки Лама-Даржи. И вот снова ищет убежища у Аблая от черигов еджэхана. Он, конечно, не бескорыстен, но ведь укрывал же прежде, авось, и на этот раз не откажет. Больше некуда сейчас податься. Если пробираться к русским крепостям, все равно не миновать аблаевых кочевий. Да и пути в российские пределы ему не знакомы. Самому бывать там прежде не приходилось.

Вдруг конь под Амурсаной тревожно заржал. Его ржание повторили и остальные лошади, повернув головы налево. Слева, со стороны каменистых сопок, наперерез отряду мчалась конная ватага. Холодно

поблескивала сталь селебе (полусабель), колыхались на ветру кисти из конского волоса, что крепились у наконечников копий. Вот уже и лица различить можно. Это Нарбута — известный предводитель казахов племени найман.

— Нарбута,— поднял руку Амурсана,— мы с миром, мы к Аблаю.

Но его слова заглушил боевой клик найманов: — Каптагай!

Степь огласили яростный храп коней, крики и стоны людей. Казахи теснили, брали числом. Таял отряд Амурсаны.

— Уходи! — срывающимся голосом прокричал ему зайсан Омбо.— Я прикрою.

Почтенный Омбо, старый многоопытный воин. Не раз в ратных делах Амурсана следовал его советам. Не был Амурсана трусом, об этом знали. Но если всем не уйти, нужно уходить тому, кто может. Амурсана пришпорил своего чалого, а за ним последовали чериги из его личной дружины. У них было неписаным законом — всюду следовать за своим хозяином. Над его головой словно большой шмель прожужжала стрела. Ее казахи называют кузу джаурун... Боевая стрела. У нее наконечник похож на лопатку ягненка, чтобы сбивать с седла. Еще одна, другая... Амурсана припал к холке коня.

С горсткой людей Амурсана все дальше и дальше уходил от того злополучного места. Недаром и звалось оно Хара-толгой — Черная горка. Проклятое место... Там остались лежать старый Омбо и большинство из тех, кто ушел с Амурсаной из джунгарских пределов. Пока, кажется, обошлось. Погони не слышно. И на этот раз остался жив. Ом мани падме хум...[54]

Собаки исходили лаем, встречая прибывших чужаков. Тюленгуты палками еле отогнали свору. Заранее извещенный о прибытии Амурсаны, султан Аблай тем не менее не вышел ему навстречу. Он забавлялся. Дразнил беркута, что держал для охоты. Щелкал его пальцем по клюву. Птица сердито хохлилась, отворачивала голову. Интереса к появлению Амурсаны султан внешне ничем не выдал, с явным равнодушием ответил он и на приветствие Амурсаны «Алла джар» — «Бог помощник!». О цели прибытия не рас-

спрашивал. Давние знакомые обменялись выражениями внешней любезности. Амурсана завел речь о нападении Нарбуты, но султан снисходительно улыбнулся: «Балуют джигиты, силы девать некуда...».

— Выезжаем на охоту! — коротко бросил вбежавшим в юрту прислужникам.— Досаке,— обратился Аблай к одному из своих приближенных,— а ты займись достопочтенным нойоном. Устрой его и береги. Ну, сам знаешь как...»

Так бдительный тюремщик заботится об опасном преступнике, как пекся Аблай об Амурсане. Со своими людьми его разлучили. Поселили в дыреватой юрте под надзором нескольких тюленгутов. Куда бы не отлучался Амурсана, кто-то из охранников неотступно следовал за ним. Чалого, который не раз выручал в решающий момент, тоже отняли. Не раз справлялся Амурсана о коне. В ответ звучало с издевкой:

— Разомни ноги, нойон. Пусть и зад отдохнет от седла. А конь твой пока жир нагуливает. Хорошие казы [55] получатся.

Едой Амурсану Аблай не жаловал. Давали столько, чтобы только душа тела не покинула. Обычно пригоршня поджаренного ячменя и кипяток, иногда мослов как собаке подбросят. С Аблаем довелось встретиться Амурсане еще несколько раз. В первые дни спрашивал, почему держат его как вора. Султан с ухмылкой отшучивался: «Дорог ты нам, вот и бережем». Выпытывал, при каких обстоятельствах Амурсана покинул Джунгарию. Особенно интересовался, что предпримет чурчутский падишах, но о своих намерениях умалчивал и от прямых ответов уходил: «Все от аллаха...»

Делать было нечего. Да, получилось не так, как рассчитывал. Казалось, кинь клич: «Объединимся против маньчжуров» — и поднимутся все ойраты, как один. Не вышло. Одна растопка, и кресало одно. Только у одного с костром не получается, а другой сразу разжигает огонь. Значит, он, Амурсана, не тот, кто может поднять всех ойратов за собой. А с другой стороны, устали все от междоусобных свар. Немудрено, что иные непрочь принять и вчерашнего врага, лишь бы развел в стороны дерущихся, дал спокойно растить детей, пасти скот. Что до того простому албату,

кто над его князем стоять будет? Ему на роду написано пасти скот. Это ему, Амурсане, не пристало ходить под началом чужака — еджэхана. Да теперь уже и это невозможно. Неизвестно еще, сколько султан станет держать его у себя на положении пленника. Выгодно будет, продаст он его маньчжурам. С него это станется...

Ночами не спалось. Что может быть горше для человека, чем быть одиноким? Неспроста у ойратов говорится: «Совершенно одинокое дерево не считается деревом, так как легко погибнуть может. одинокий человек не считается человеком». Вспомнил семью. Кто останется после него? Да и что осталось бы наследнику теперь после него? Проклятья соплеменников, вечный страх за свою жизнь. А ведь он еще полон нерастраченных сил... И народ ойратский не исчез, ему нужен хозяин, свой по крови, по вере. И кому как не ему, Амурсане, быть им?! Кто с ним сравнится по смелости, по уму, находчивости?! Нет, не должно быть, чтобы судьба совсем отвернулась от него. Не может быть и того, чтобы джунгарская земля стала подвластной еджэхану. Да и сколько еще станут терпеть халхасы над собой власть еджэхана? Поднимутся ведь... «Потомкам Чингиса не пристало ходить в прислуге!» — всплыли в памяти запальчивые слова Сэбтэн-Барчжура, гневные восклицания Циньгуньчжаба Хотогойтского. Действовать надо! Только, когда руки связаны, много ли сделаешь? Глаз не спускают тюленгуты Аблая. Уж сколько раз доводилось уходить от верной смерти, когда враг наседал. И теперь вот пришел как будто не к недругу, а попал в плен. Легче от явного врага ноги унести, чем из таких гостей.

Суета сборов неожиданно захватила аул. Спешно сворачивались юрты, вьючились верблюды. Покидали недавнее кочевье женщины, старики и дети. За ними потянулись гурты скота, стада баранов. Один за другим приезжали снаряженные воины. Было видно, что собирались они не на домашнюю драку. В этих случаях казах вооружался нагайкой, жердью, длинной березовой палкой. Эти же были при саблях и кинжалах, колчаны топорщились оперением стрел. Значит, предстояло ратное дело. Но с кем?

— Чурчуты[56] идут на нас,— объявил Аблай собравшимся у него старшинам.— Если не дать им отпора сейчас, потом покоя не будет.

В ответ раздались одобрительные возгласы.

— У чурчутов добра разного много. Мултуки[57] хороши. У кого руки есть — могут сами взять.

На эти слова Аблая собравшиеся вновь ответили возгласами одобрения.

Дозорные казахи сообщали, что неприятель идет по двум направлениям. На состоявшемся у Аблая военном совете решено было разделиться на два отряда. Один вел сам Аблай. Другой — батыр Кабамбай. С ним было приказано следовать и Амурсане. «Теперь тебе еще представится случай показать, что ты не от страху сбежал от чурчутов»,— не без ехидства напутствовал Амурсану Аблай.

* *
*

Гонцы, сменяя на станциях лошадей, спешили доставить в Пекин красное знамя — весть о поимке Амурсаны. Вдогонку им мчались другие, и тоже от Цэрэна. Ждал он, когда к нему приволокут связанного по рукам и ногам Амурсану, а тот тем временем чаи распивал у Аблая. Как дошло это до Цэрэна, он тут же распорядился вернуть обратно красное знамя. Но было уже поздно. По безлюдным улицам Пекина провезли красное знамя во дворец. Подивились гонцы, почему обезлюдели улицы. Как потом выяснилось, вознамерился государь посетить могилу Конфуция, а потому стражники загодя разогнали пешеходов. Глашатаи объявили, чтобы никто не смел и носа показывать на улицу, когда поедет Сын Неба. Сборами в дорогу, а путь от столицы до Кунлинь в Шаньдуне не близкий, несколько дней кряду только и жил дворец. Прибытие гонцов с победным стягом круто изменило намерение Хун-ли. О таком событии прежде всего следует поведать духу усопшего отца. Лишь мельком взглянул он на знамя победы: спешил доложить о ней на Тайлине[58]. Туда потянулся торжественный кортеж.

У могилы своего отца Хун-ли торжественно доложил духу усопшего, что он, его почтительный сын,

довел до конца дело, начатое божественными предками. Ничтожный смутьян, посмевший оспаривать власть дома Цин над джунгарским уделом, пойман и понесет достойную кару. Ойраты никогда больше не станут заботой Поднебесной. Все это стало возможным благодаря доброму расположению души божественного родителя, за что он, Хун-ли, его сын и наследник, благоговейно благодарит.

Как был в дорожной одежде, так и, не переодевшись, Хун-ли стремительно вошел в зал, чтобы еще раз удостовериться, что знамя, символ великой победы, здесь. Схватил торжествующе древко, и этим же древком, рванув на части полотно, ударил в бессильной ярости секретаря, когда тот доложил: «Ошибка вышла. По хитрости своей Амурсана Цэрэна превзошел». Досталось и тем, кто выдвигал Цэрэна командовать войсками. Орал, ногами топал богдыхан, призвав к себе чинов Военной палаты.

* *
*

Хотя Амурсана покинул Илийский край, а его приспешники своей кровью отплатили за гибель Баньди и Ао Жун-аня, Цэрэн не чувствовал себя хозяином здешних мест. Растащили ойраты имущество военных станций. Причем не только одни миряне, ламы тоже убивали солдат богдыхана и волокли добычу. А лам слушают больше, чем князей и зайсанов. Когда пришло войско Цэрэна, с виду ламы смиренными стали, за молитвы взялись, однако от помыслов своих, враждебных Поднебесной, не отказались. Это уж точно ему, Цэрэну, известно. Оглашено было повсюду предписание выдать младшую сестру Амурсаны Кукэн, которая укрывалась в Илийском крае, и награду обещал щедрую тому, кто ее выдаст, но никто не позарился на посулы. Если бы не бэйлэ Пурбо, который день и ночь рыскал по отдаленным кочевьям, лично обходил юрты, вглядываясь в лица, очевидно, и не удалось бы отыскать Кукэн. Хозяин, укрывавший княжну, под пытками признался, что привел ее лама из кумирни Гульчжа-дуган. Он же и припасы доставлял. Ламу того найти не удалось.

Простил тогда Цэрэн кумирне Гульчжа-дуган, что

под ее крышей укрывался злоумышленник, а оказался он не один. Выехал как-то Цэрэн из своего лагеря осмотреться и попал в засаду. Чудом жив остался. Из числа охраны убитые были. Подоспевший разъезд стал преследовать напавших, но ночная темень скрыла их. Утром по следам узнали, что в Гульчжа-дуган нашли прибежище те, кто засаду устроил.

— Разворотить это осиное гнездо,— дал команду Цэрэн,— чтобы и следа не осталось!..

Понимал гун, на что замахнулся. Гульчжа-дуган, белокаменная святыня... При имени ее благоговейно замирало сердце каждого последователя учения Будды. По своему великолепию, по богатству священных книг она соперничала с кумирнями Пекина, Долоннора, Урги. Призванная быть оплотом благочестия и послушания, стала она осиным гнездом. Ждет, видно, Амурсану, когда он знак подаст.

Горький дым пополз по окрестностям. Отблески пламени, пожиравшего кумирню Гульчжа-дуган и ее святыни, на какое-то время обдали жаром лица толпившихся вокруг людей, но души их стыли от тягостных предчувствий. Не пройдет даром надругательство над святыней. Всех, кто прятался в кумирне, схватить не удалось. Рассеялись по другим местам, притаились и ждут своего часа.

Зима отступала не спеша. Гун Цэрэн носком сапога поковырял землю. Тверда, как камень. Расчеты на раннюю весну не оправдались, хотя по приметам она должна была быть именно такой. А раз нет тепла — нет и травы. Коней кормить стало нечем. Перебиваются кое-как. За недостатком корма лошади съедали друг у друга хвосты и гривы. Худой конь — не помощник воину.

Больше месяца стоял лагерем Цэрэн в долине Или. Не сумел он выполнить предписания государя — изловить Амурсану. Спрятался тот у казахов. Преследовать его у казахов Цэрэн тогда не отважился. И кони, конечно, были загнаны, но главное заключалось в том, что войти с войском в казахские пределы означало взять на себя риск войны с Аблаем. На это Цэрэн не решился.

Не представлял себе гун всех сложностей задачи, когда принял назначение. Чужая, враждебная страна,

кругом горы, за каждым камнем можно ждать засады и положиться особенно не на кого. Недруги Амурсаны, князья и зайсаны, на словах грозились любой ценой изловить его, а на деле не очень-то стараются, особенно после того, как он у казахов укрылся. Идти за ним к казахам желания не изъявляют.

Тут прежде, чем шаг сделать, оглядеться много раз нужно. Того и гляди заденешь камень, и обрушится горная лавина. О себе казахи пока не напоминают, но и Амурсану не выдают, скрывают свои намерения. Пойдешь за Амурсаной к ним, обязательно их заденешь. Что тогда? А вдруг вступятся за него и ринутся на нас, удастся ли их сдержать? Не с кем посоветоваться Цэрэну, как ему быть. Помощник Юй Бао в основном отмалчивается, пожимает плечами: «Не я начальник. Мое дело выполнять приказания».

Наконец, Цэрэн укрепился во мнении что нельзя торопиться, нужно ждать, так как каждый день несет перемены, поэтому и отважился ослушаться предписания Пекина. В предписании же было сказано, чтобы, не оттягивая время, шел к казахам и брал Амурсану, предварительно объяснившись с казахскими старшинами, что против вас-де ничего не имеем, нам нужен лишь Амурсана.

Мысль отправить своих людей к казахам привела Цэрэна в смятение. «Опасаюсь,— доносил он в Пекин,— что казахи задержат наших послов, в результате появится причина раздоров. Лучше направить для передачи нашего манифеста казахов, которых держат в плену здешние ойраты...»

* *
*

Желчью изошел Хун-ли, прочитав донесение Цэрэна. В ответ распорядился написать: «Принять такие меры, разве не значит пренебрежительно отнестись к приказам двора и не вызвать смех у ойратов?». Этим не удовлетворился. После некоторых раздумий решил снять Цэрэна и велел заготовить очередной указ: «Цэрэна и Юй Бао отозвать. За Амурсаной немедленно отправить в казахские пределы две армии. Одну возгла-

вить Дардане, другую — Хадахе. На помощь им перебросить соединение из Баркуля под командованием Чжао Хуэя».

* *
*

Оренбургское торжище шумело разноязычьем голосов. Кого только здесь не было! Краснобородый перс разглаживал ковер, бойко торговался приказчик какого-то нижегородского купца, степенно расхаживал калмык из-под Астрахани... Глухой гомон толпы стоял в воздухе.

Оживление было и на скотном дворе. Сержант Ерофеев, сменив казенную одежду на мужицкую, не спеша расхаживал по конным рядам, прицепивался, раздирал мягкие конские губы, считал зубы и как бы между прочим справлялся у казахов-хозяев, откуда пригнаны кони. Выходило, что все больше их было из Младшего жуза, а из Среднего, из кочевий Аблая, почти никто не приехал.

Среди множества различных зданий, появившихся в Оренбурге благодаря стараниям губернатора Ивана Ивановича Неплюева, любимца Петра I, двухэтажный дом губернской канцелярии выделялся сразу. И не только своим парадным видом, большими светлыми окнами. Караульная будка, нескончаемая вереница подъезжающих и отъезжающих, в форме и в штатском — все это придавало зданию сугубо деловой, официальный вид. Оренбург был тем окном, через которое правительство России смотрело на Восток. В поле зрения оренбургского начальства попадали и казахские степи, и торговые ряды Бухары, мечети Герата и кочевья джунгарских правителей.

На рынках Оренбурга и близлежащего от него Троицка шла бойкая торговля, Восток и Европа вели здесь обмен.

Оренбургская губернская канцелярия, олицетворявшая государственный ум и прозорливость Неплюева, жила деятельной и напряженной жизнью.

В просторной комнате, что располагалась на втором этаже, звуки с улицы почти не доносились. Бумаги, разложенные на столе, карты на стенах, шкафы

с книгами — все свидетельствовало о том, что это рабочий кабинет. Его хозяин, Иван Иванович Неплюев, медленно расхаживал по комнате. В кресле у стола сидел человек в бригадирской форме. Лицо его выдавало восточное происхождение. Кутлу-Магомет Мамешев состоял при Петре I старшим переводчиком по секретным делам, а после крещения стал Алексеем Ивановичем Тевкелевым. Долгое время служил в Оренбургской комиссии. С приездом Неплюева в Оренбургский край сделался его первым помощником.

— Мда...— задумчиво протянул Неплюев, потрогав парик.— Что-то, видно, замышляет Аблай. Ведь нужда в муке, рухляди, да и прочих припасах у его людей не отпала, а торговать все же не приехали... И в Троицке на меновом дворе они не объявлялись.

— Чем он так занят ныне Аблай? Не иначе, как опять что-то с джунгарским нойоном Амурсаной затевает. Но таится. Знать, на корысть виды имеет, без крайней нужды нам докладывать не станет. В прошлый раз, когда Дабачи с Амурсаной у него укрывались, так с посланцем нашим, капитаном Яковлевым, по-доброму разговаривать даже не пожелал, а не то, чтобы совету нашему внять. Посодейсгвовать отправке нойонов в Оренбург воспротивился, зато поживился потом у джунгар немало. И после, как Дабачи с Амурсаной сцепились, тоже добычу немалую урвал. Ныне же слухи есть, что Амурсана с китайским богдыханом в ссоре и промеж них баталия была. А теперь вроде нойон опять у Аблая отсиживается. Что делать будем, как ты мыслишь?

Неплюев устремил свой пронзительный взгляд на Тевкелева.

— Слухи — это слухи,— отозвался тот не сразу.— Проверить надо, что к чему. И уж раз речь зашла об этом, то у меня и человек на примете верный есть. Башкирец Абдулла Каскинов. Дельный и толковый. Положиться на него вполне можно.

— Пусть будет так,— согласился Неплюев.— Ждать, когда сам Аблай соблагоизволит уведомить о том, что происходит в зенгорских землях, резону нет. Да и лукав он, все представит так, как ему выгодно. Словом, отправить этого башкирца немедля.

* *
*

Его прямо доставили в Пекин во дворец еджэхана. Встречали не так, как раньше, не как князя второй степени. Сорвали халат с драконами, шапку с павлиньим пером, а вместо богатых покоев отвели темную комнатушку с голыми стенами. Тыкали кулаком в лицо и кричали: «Изменник подлый! С Амурсаной стакнулся!». Словом, ему не верили. Сам богдо-гэгэн, духовный владыка Халхи, пренебрегая своим саном, слезно просил Хун-ли помиловать брата, но еджэхан стоял на своем: «Эринчин-Доржи способствовал бегству Амурсаны. Лишь смертью своей он искупит собственную вину».

В присутствии богдо-гэгэна брату накинули петлю на шею, при нем же вынули из нее бездыханное тело. Богдо-гэгэн хотел забрать его с собой, но ему не дали: «Не было на то высочайшего предписания». Только после длительных настояний Хун-ли уступил.

Развеялся черный дым над костром, испепелившим останки Эринчин-Доржи, но еще долго звучали трубы в храмах Урги на поминовениях халхаского князя. У одних эти звуки вызывали скорбь, у других отдавались призывом к мщению за все обиды и притеснения.

— Мы потомки Чингиса, и нас не вправе казнить маньчжуры,— не таясь, во весь голос говорил Циньгуньчжаб Хотогойтский.— Хватит ходить в слугах у еджэхана.

Как искры от пылающей головни на иссохшую степную траву, падали эти слова на сердца халхасов. Всем им, и простым аратам, и князьям, пришлось терпеть тяготы войны в Джунгарии, которой не было видно конца. Зима 1755/56 года выдалась на редкость суровой и снежной. Падал скот, люди умирали от голода и оспы, а еджэхана это нисколько не тревожило. Он упрямо твердил лишь одно: «Пока Амурсана не будет схвачен — на границе не будет мира». И рыскали по халхаским кочевьям чиновники еджэхана: «Давай лошадей, давай верблюдов, посылай людей!».

Первым не стерпел Циньгуньчжаб Хотогойтский. По его призыву халхасы бросили службу на военных

станциях Северной дороги, что соединяла Калган и Кобдо. Связь между монгольскими землями и Китаем прервалась. У войск, что ушли в казахские степи, не стало надежного тыла. Они остались без снабжения. Было от чего всполошиться Хун-ли. Как только до него дошла вести о восстании Циньгуньчжаба Хотогойтского, первой его мыслью было: «А как те, что пошли за Амурсаной к казахам?».

* *
*

Куда не кинуть взор, всюду простиралась степь, она уходила до самой линии горизонта. Однообразная безлесная равнина, местами взгорбленная невысокими холмами, словно чья-то рука бросила горсть камней, и они рассыпались по травяному ковру. Все это было внове для дауров, солонов, сибо, баргинцев и уроженцев иных земель, которые волею правителя Поднебесной оставили свои таежные места и оказались в неведомых для них местах. Прирожденные охотники и звероловы, они прибыли сюда для необычной охоты. Им было предписано найти и взять не диковинную птицу, не редкого зверя, а человека, пошедшего против воли их повелителя.

Градом стрел встретила степь незваных пришельцев. «Каракожа!» — боевой клич казахов племени керей, вырвавшийся из многих сотен глоток, огласил степь, и джигиты Ходжа Ходжабергена устремились на врага. И тут же, словно устрашившись ответных выстрелов, отпрянули назад, уходя в сопки. При виде удалявшихся спин цзянцзюнь Дардана, забыв о предосторожностях, пустил часть своих солдат в погоню. Угодив в засаду, они спешились и заняли круговую оборону, ощерившись частоколом копий. Под их прикрытием стрелки изготовили свои ружья, раздался залп — и не одного джигита вымело из седла. Сила огневого удара ошеломила и сбила лихой бег казахских коней. Одни, попятившись, повернули назад, другие, встав на дыбы, кружились на месте. И тут с флангов и с фронта налетели основные силы Дардана. Передовой заслон, который выставил Ходжаберген, был смят. С тревожным известием уцелевшие

джигиты примчались к Ходжабергену. Весть о разгроме, однако, не устрашила его. «Нас вон еще сколько»,— спокойно изрек он. И, обращаясь к Амурсане, добавил: «Покажи этим чурчутам, нойон».

Жестокий бой приняло ополчение Ходжабергена. Удара стрел, пущенных арбалетчиками Дардана, не выдерживали кольчуги казахских батыров. В самой гуще ополченцов рвались огневые запалы, которые метали маньчжурские стрелки. Взрывы сеяли смятение среди людей, делали коней непослушными воле ездока. Преследуя людей Ходжабергена, конники Дардана сошлись с ними в близком бою. Лихо рубился саблей Амурсана. Его опознали. Он слышал возгласы: «Того, в красном, брать живьем! Это Амурсана!» «Казахи бегут! Уходить надо!» — прокричал ему подскочивший сбоку один из его людей. Увернувшись от копья, которым норовил ударить мчавшийся на него солон, Амурсана вырвался из гущи схватки. Велев бросить теперь уже ненужный бунчук, скинув панцирь, он дал шпоры коню. Впереди и сбоку от него скакали ополченцы Ходжабергена, оставляя за собой убитых, оружие, украшенные орлиными перьями шлемы.

К Дардана привели пленных казахов. Они стояли молча, настороженно глядя на генерала. На вопросы толмача не отвечали.

— Знаете ли, зачем мы пришли сюда? — спросил их Дардана через переводчика.— Нам нужен вор и бунтовщик Амурсана. Если добром не выдадите, силой возьмем, а людей ваших вырежем. Ну, что скажете на это?

Ответом было молчание.

— Займитесь-ка ими,— подозвал Дардана офицера.— Нужно, чтобы заговорили.

Через некоторое время за стеной палатки раздались истошные вопли истязаемых. В палатку ввели казаха.

— Прекрати мучить остальных,— обратился он к Дардана.— Я Чурюк, я с Аблаем близок. Попробую уговорить его выдать Амурсану.

Дардана в знак согласия кивнул головой и дал знак, чтобы освободили Чурюка. Его развязали.

— Теперь иди,— отпустил его генерал.— Сроку даю тебе 15 дней. Помни о тех, кто остался в заложниках.

вал. Рассчитывал, видно, что посланец оренбургского начальства быстрее уберется. Только Тевкелев не зря отзывался о Каскинове, как о неглупом и ловком. Кое-какую рухлядь да порох, что прихватил с собой башкирский старшина при отъезде, сменял здесь на харчи и не бедствовал. «Что мне Аблай,— удовлетворенно говорил сам себе,— я свое ем».

Не зря не торопился отъезжать Каскинов: «Если Аблай не хочет, чтобы я свиделся с Амурсаной, то надо обойти султана». А если с самим Амурсаной не доведется встретиться, рассудил Каскинов, то надо хотя бы подробнее о нем все вызнать. Ждал такой оказии и дождался. Однажды повел коня на водопой, а там какие-то люди тоже поят своих лошадей. Спросил: «Кто будете, какого роду, племени?» Оказалось, ойраты, люди Амурсаны. Со слезами на глазах рассказали они о своих бедах, что терпят от Аблая. «Только что до смерти еще не убивает. А владельца нашего, Амурсану, держит в нищете. Как пленный он, юрты даже своей не имеет. Просил он передать русскому начальству, что у Аблая не останется. Чуть что — убежит».

С этим и отбыл Каскинов, так и не повидав самого нойона.

* *
*

— Теперь Амурсана от нас не уйдет,— твердым голосом произнес Дардана.— Вряд ли на этот раз Аблай станет противиться нам, а без помощи казахов что Амурсана один сможет?

— Верно,— согласился Хадаха.— Только тянуть с поисками его нельзя. Подмены нашим коням нет, видно, придется у казахов так или иначе добывать.

— Как с довольствием для солдат? — обратился Дардана к начальнику по снабжению.

— Если немного сократить выдачу, то дня на 3—4 хватит. Должны скоро еще подвезти, со дня на день ждем. На худой конец у тех же казахов баранов добудем.

— На утро выступать! — был объявлен приказ по войскам.

Обговорили Дардана с Хадахой направления, по которым двинутся вперед солдаты.

Только на следующий день им пришлось в обратном направлении двигаться. После полудня, как только кончили совещаться генералы, к ним доставили пакет. «В Халхе восстание,— гласил приказ из Пекина,— немедленно отвести войска из казахских пределов». Молча посмотрели друг на друга Дардана с Хадахой, и одна мысль пришла на ум одновременно: «Как выбраться отсюда? Когда завидят наши спины казахи, наверняка, не удержатся от нападения».

* *
*

Косые взгляды и проклятия неотступно следовали за Амурсаной. «Если бы не он, нам бы от чурчутов беды не было»,— в один голос роптали казахи. Чувствовал Амурсана, что оставаться здесь дальше становится для него небезопасным. Когда озлоблением кипят сердца тех, на чьей земле живешь, всякое может случиться. Даже Аблай не сможет удержать своих людей. Да еще как он поведет себя теперь? Может и польститься на щедрые посулы еджэхана и примириться с ним. Уходить нужно отсюда. Но как?

— Эй, нойон,— потянул Амурсану за рукав тюленгут.— Аблай зовет.

«Словно слепого за собой водят,— горестно подумал про себя Амурсана.— Далеко ли тут уйдешь».

Держался Аблай прямо, не сутулился. Глядел свысока, высокомерно кривя губы. Ответил на приветствие снисходительно, словно честь оказал немалую. «С чего бы это он так закуражился?» — подумал про себя Амурсана.

— Хвала аллаху,— благоговейно произнес султан,— обошлось пока все. Ушли чурчуты из наших кочевий,— замолчал, посмотрел, как подействовали эти слова на Амурсану.— Великая радость в сердце нашем, но не на той[59] позвал я тебя, нойон.— Глаза султана хищно сверкнули.— Нет опять владельца у ваших калмыков, власть чурчутского падишаха не признают. Вот и настало самое время моим там людям разгуляться. Потому и вызвал тебя. Впереди пойдешь. Будет с тобой басентинец Малай-Сары. Ему лихости не занимать. Проведаете, как и что в ближних улусах, и нам знать

Чурюк уехал лишь ему ведомой дорогой. Произошло это 7 августа.

Тем временем искали Амурсану и солдаты Хадаха. Встретить им его не удалось, но зато они разгромили и обратили в бегство казахскую рать под началом самого Аблая. Его люди, взятые в плен, под пытками тоже согласились уговорить султана расстаться с Амурсаной. Одного из этих ходатаев, Джаугаша, Хадаха отправил, а другого, Кангильды, оставил заложником.

Случайно или сговорившись, но Чурюк с Джаугашем объявились в один и тот же день там, где было им назначено. Обе цинские армии уже соединились. Как только возвратились от Аблая посланные к нему казахи, командующие стали держать совет.

Не такого ответа ждали от султана маньчжурские генералы. Аблай передавал, что не помышлял враждовать с Китаем. Искал он в степи со своими аскерами Амурсану, а чериги Хун-ли напали. Что до Амурсаны, то он подобен загнанной птице, которая камнем бросилась в чащобу. Схватить и представить его нетрудно, но какой от него прок падишаху? Аблай просит едджэхана оставить Амурсану, как он есть.

При этих словах оба цзянцзюня опешили. За кого же Аблай их принимает?

— Нам предписано государем,— перебивая друг друга, заговорили Дардана и Хадаха,— без Амурсаны не возвращаться, султан же хочет, чтобы ушли восвояси, а Амурсану ему оставили. Не выйдет! Если сейчас не поймали, то все равно изловим. Вам же казахам, не поздоровится, раз укрываете его.

— Да нет,— протянул Чурюк.— Это Аблай только так, на всякий случай, просил за Амурсану. Уж раз требуете его, то противиться не станем. Дайте еще 15 дней. Мы за это время вернемся, отыщем Амурсану и привезем вам.

Посовещались между собой Дардана и Хадаха и решили еще раз отправить их обратно, пригрозив как следует.

— Значит, так,— объявили цзянцзюни Чурюку и Джаугашу.— Отпускать мы вас отпускаем. Но ждать, когда вы доставите Амурсану, не станем. Следом за

вами пойдем. Какие ваши кочевья попадутся на пути, всех там вырежем. Что пагубно, что полезно, Аблаю следует глубоко подумать.

* *
*

Султану было над чем поразмыслить. На этот раз делили не добычу, а горе. Дорогой ценой заплатили казахи за посулы Аблая: обзаведемся чурчутскими мултуками, набьем сумки серебром и черным чаем. А откуда и зачем принесло этих шайтановых чурчутов? Все это из-за проклятого калмыка Амурсаны! Озлобившись от скорби и горя, люди Аблая сыпали проклятия на голову Амурсаны, навлекшего такие беды на казахов.

Пасмурным сидел Аблай в своей юрте. Ныла рана ниже спины. Саданул копьем проклятый чурчут. Чтоб рассеять тягостное молчание и скрасить горечь неудачи акын Татикара-джырау, прихлебатель султанов, ударил по струнам домбры и затянул скороговоркой:

— Крепкореберный и широкожелудочный Аблай, перенеси это одно дельце. Нет, Аблай не бежал, нехорошее слово «бежал», он только двигался косо.

— Прекрати,— огрызнулся султан. — Не до песен сейчас.

— Белая императрица домогается Амурсаны,— размышлял Аблай.— Чурчутский падишах послал за ним своих аскеров. Значит, действительно Амурсана — редкая птица. И выпускать ее так из рук нельзя. Посмотреть надо, как дальше дело сложится.

С башкирским старшиной Абдуллой Каскиновым, посланцем Неплюева, султан держался холодно. Свидания с Амурсаной не дозволил. «От дурного глаза берегу»,— с ухмылкой отвечал на просьбы Каскинова лично свидеться с Амурсаной. «А о выдаче его кому-нибудь,— говорил султан,— и речи никакой быть не может, ибо я, обязавшись перед покойным Галдан-Цэрэном быть к нему доброжелательным, считаю своим непременным долгом опекать родственника его, Амурсану».

Видя, что султан твердо стоит на своем, Каскинов отступился от него. Но и уезжать не спешил, хотя Аблай не пожелал больше видеться с ним и едой не жало-

дадите.— Помедлив немного, гася в углах рта хитрую ухмылку, добавил: — Соскучился, небось, по родным местам? Вот и повидаешь, да, может быть, с кем и счеты сведешь.

* *
*

От удара камчи съежился джигит.

— Это тебе — за дурную весть! — в ярости кричит Аблай. И, отбросив в сторону плеть, тяжело переводит дыхание.

Приподнявшись с земли, избитый опасливо озирается и стремглав убегает. Легко еще отделался! Многие из тех, кто с ним поехал, не знали, наверное, что в последний раз видели свою юрту.

Не думал и Аблай, что дело так обернется. То, что несколько парней не вернулось, чепуха. Потерял любимца Малай-Сары. Он, как палец на руке, отрежут — больно. Нойон Амурсапа — другое дело. Чужак приблудший, притом капыр[60]. Снесут ему башку, и поделом. Однако при себе его иметь пристало, хотя и хлопотно. Раз русское начальство и чурчуты домогались, значит, корысть в том была. И вот и ее лишился.

Аблай со слов участников налета восстанавливал детали событий. Сначала все гладко шло. Подошли к калмыцким юртам, и вдруг ударила из турок засада. Слетел с коня Малай-Сары, остальные мигом назад повернули. Калмыки вслед погнались, еле от погони его люди оторвались. Хватились Амурсаны, а его нет. Или в плен попал, или лежать в степи остался...

Сидя на толстой кошме в своей юрте из белых войлоков, Аблай предавался раздумьям. С досадой ударил себя по жирным ляжкам. Всего нельзя никак предусмотреть. Все в руках аллаха. Видно, чем-то он, Аблай, прогневал его. Надо все же было самому пойти, а не посылать Малай-Сары. Молод он был и горяч. Толком, наверное, не разведал что к чему, вот и попал в засаду. Сейчас над его мертвой головой калмыки, видно, потешаются. А вот с Амурсаной-то что же приключилось? Ладно, если его свои же калмыки подстрелили, а если достойно приняли? Тогда что?..

ГЛАВА ПЯТАЯ

Амурсана ступал по родной земле. Сознание того, что он снова там, где издавна жил его народ, его деды, придавало твердость походке. Он не признавал себя побежденным. Он вернулся, чтобы вновь повести за собой людей. Потому прямой была его осанка. Глаза же пристально оглядывали вокруг, уши жадно ловили слова родной речи. Земля приняла его, приняли и люди, не все, конечно, одинаково.

Невыплаканное горе смотрело из глаз людей. Из-за кровавых свар и прихода незваных устроителей порядка скот пасли плохо, а ныне и без него остались. Припасов вдосталь не заготовили. Бухарцы пашни забросили, и дэрбэты на Иртыше не собрали урожая, потому что с весны не посеяли. Самим кормиться нечем, а тут — пришлые, из Халхи да еще невесть откуда, позабирали все, что смогли. Трезветь начали и князья. Похмелье с чужих пиров выветриваться стало. За одежды с драконами, за шапки с перьями из хвостов спесивых птиц пришлось платить сполна: кровью своей и соплеменников, разореньем. Вот во что вылилось предписание изловить Амурсану и резать всех, кто пошел против воли еджэхана. По указке вчерашнего заклятого врага разор чинили. И прежде, когда между собой свары возникали, пощады друг другу не давали, но так, чтобы противную партию уничтожать всю под корень, от князей до албату, от взрослых до младенцев обоего пола, такого не было.

Не захотели князья и зайсаны признать над собой власть Амурсаны, некоторые из них последовали его

примеру. Как только он бежал к казахам, следом за Циньгуньчжабом Хотогойтским восстали против еджэхана хойтский хан Баяр, чоросские зайсаны Хазык-Шары, Нима, Даши-Чэрин.

Затаилась земля джунгарская в предчувствии новых больших событий.

Амурсана полной грудью втянул морозный воздух. Было такое чувство, будто иссохшим ртом припал к роднику. После продымленной юрты дышалось легко и свободно. Хотелось двигаться, скакать на коне, отдавать приказания. Не засидится он здесь, на Букони. Счастливый случай, который уже не раз выручал его, и теперь помог: цел и невредим ушел от казахов. Отсиживается пока здесь, но как только придут вести, ускачет он в долину Или, чтобы вновь попытаться сплотить под единым началом ойратов. В буран без смелого пастуха отара погибнет. Так и ойраты. Нужна им сильная и твердая рука, как у него. Иначе всем им гибель.

* *
*

Уши почти беззвучно упали на подставку перед двумя гробами. Кровь текла по щекам зайсана Абагэса. Выгнувшись так, что веревка, опоясавшая руки и ноги, впилась в тело, он загнал крик вглубь. Еще взмах ножа, и нечеловеческий вопль вырвался наружу. Зайсан Кэшим оказался духом слабее. На него сверкнул налитыми кровью глазами Абагэс и беззвучно раздвинул губы, обнажив крепко стиснутые зубы: «Вот так надо. Задуши голос тела». Сарал, стоявший сбоку, оцепенел. Когда его сегодня вывели из полумрака темницы на яркий полуденный свет, им одолело чувство животного страха. Осторожно передвигая отяжелевшие ноги, словно ощупывая под собой землю, он пошел впереди двух гробов из черного дерева. В них, как потом он узнал, заключались останки Баньди и Ао Жун-аня. По ним Хун-ли распорядился справить тризну. Им в жертву приносились уши захваченных бунтовщиков, причастных к гибели двух слуг государевых. Своим присутствием почтил Хун-ли обряд жертвоприношения. Бесстрастно глядел, как палач делал свое дело и раскладывал уши на подставке, как корчились от боли казнимые.

Сейчас палач продолжит свое дело: он по частям станет резать этих варваров. Но не в правилах Хун-ли наблюдать за совершением казни. Это удел черни.

Оцепенело смотрел Сарал, как нож палача кромсал живого человека. Самому ему не раз доводилось видеть смерть. На его глазах гибли люди, забивали скот. Он сам убивал врагов, сам свежевал баранов, но такого зрелища снести не мог. Все оцепенело в нем от животного страха, даже крик ужаса замер в горле.

* *
*

Амурсана прислушался. Откуда-то донесся неясный звук. Стало слышно, как через чащобу кто-то пробирается. Зверь или человек? Амурсана весь обратился в слух и зрение. При виде показавшегося из кустарника человека напряжение на лице Амурсаны спало.

Радостное оживление, с которым Амурсана встретил прибывшего, мигом улетучилось, когда он услышал недобрую весть. Все что угодно, но этого он не ожидал.

— Взяли Шадар-вана у холма Ван-тологой,— негромко повторял урянхайский старшина Норбу-Даньцзинь.— Мой родич Таран сам видел, как везли его. Связан был по рукам и ногам. Охраны столько... Не вырваться ему уже из лап еджэхана...

* *
*

Тонкие веревки намертво прихватили обнаженное тело к позорному столбу. И нет сил у человека, чтобы оторваться от шероховатого ствола, не дать толпе, жадной до зрелищ, лицезреть его обнаженную плоть, скалить зубы в злорадной усмешке. Велик позор для мужчины да еще для князя стоять нагим на площади, на виду у всей толпы. Для нее теперь он, без богатой шубы, без одежды из красного сукна, не князь Циньгуньчжаб Хотогойтский, Шадар-ван, а преступник, жалкий в своей немочи. Сняли же с князя все одежды, не только для того, чтобы он сраму чашу полную испил, а чтобы палач мог искусство свое проявить. Подали знак палачу, и он принялся за дело. Подручные его

прикладывали к телу Циньгуньчжаба чохи[61]. Через отверстие в них тонкими щипцами палач захватывал и тянул живую плоть, отрезая ее по кусочкам. Два дня подручные прикладывали чохи к телу Шадар-вана, два дня палач тянул щипцами и резал ножом. Так на пекинской площади завершил свою земную жизнь Шадар-ван, Циньгуньчжаб Хотогойтский.

* *
*

Амурсана медленно разжал судорожно стиснутые пальцы. На ладони лежал цакюс[62]. Его ему дал Циньгуньчжаб Хотогойтский в тот день, когда они, заключив союз побратимства, поклялись не быть в подчинении у еджэхана. И вот уже нет побратима. Теперь этот обет он должен выполнить один. И не только потому, что душа Циньгуньчжаба не оставит его в покое, станет приходить по ночам и требовать отмщения, отступать ему самому некуда. Вымаливать прощения у еджэхана? Лучше уж принять смерть в бою, чем это. Пощады все равно не будет, сколько не проси.

Нет, не думает Амурсана отступаться. Джунгарии еще не еджэхан хозяин. Один Цэрэн дэрбэтский пятки ему лижет, другие князья уже служить не стали, с оружием пошли против него. Хотя и нет у них с Амурсаной союза, но без помощи извне он не будет. Нет Шадар-вана, есть белая царица.

* *
*

Императрица Елизавета Петровна расслабленно сидела перед большим во всю стену зеркалом. Те, кто занимались ее туалетом, знали свое дело. Заслышав звуки открывающейся двери и слова почтительного, в котором, однако, прозвучал оттенок фамильярности, приветствия, императрица очнулась. Ласково улыбнулась. Близкий друг и доверенный человек — граф Петр Иванович Шувалов. На первых порах своего царствования она еще бывала в сенате или совете, а потом не стала. Взяла за правило разговаривать о важном во время туалета и чаще всего с милым сердцу Петром

Ивановичем. Через него передавал свои мнения канцлер Бестужев-Рюмин и уведомляла о своих суждениях Конференцию [63].

— С чем пожаловал, голубчик? — обернулась Елизавета Петровна к Шувалову.

— Да вот собирались на Конференцию. На счет дел джунгарских и китайских тоже. Как соблагоизволите помнить, китайский богдыхан с зенгорцами воюет. Владелец их, нойон Амурсана, направил к нам посла просить подмоги, видно. Мы рассудили так, что от китайцев границам нашим опасность может исходить. О том из Оренбурга и Тобольска сообщают. Предерзостны китайцы стали. А чтоб урезонить их и интересы наши соблюсти, Амурсану отталкивать не надо. На Конференции так порешили: посла его принять, вступить в переговоры. Теперь как воля Ваша будет.

— Резонно все. Пусть будет так, как вы сочли потребным поступить. Но осторожно дело вести, авансов лишних не давать. Да и с китайцами погибче. Нам еще с Пруссией войны хватает.

* *
*

Весть о том, что Амурсана вернулся цел и невредим, взбудоражила ойратские улусы. Говорили к тому же, что он не одинок, что казахи с ним заодно, а потому сила у него немалая. По-разному отнеслись к возвращению Амурсаны владетельные люди.

Воспрянул духом хойтский тайджи Цэбдэн-Доржи. С той поры, как увезли брата и сына Амурсаны, он только и знал, что вздыхал да скорбно разводил руками. Не сумел тогда отговорить Джимкура и его приспешников от задуманного. Не послушались его. Грех на себя тяжкий приняли и беды не отвели. Воинский начальник Танкалу, говорят, отписал еджэхану, что хойты — злодейское отродье, с Амурсаной заодно. Истребить их всех, и делу конец.

Вдруг, созрело в душе Цэбдэн-Доржи решение: «Нечего предаваться скорби и молитвам, ждать, когда перережут глотки как баранам. Уходить надо к Амурсане. На него только теперь и надежда». Тайно снарядил он человека, разузнать, где Амурсана, и сказать, что придет к нему со своими людьми.

* *
*

Проклятье сорвалось с губ Галсан-Доржи. И было от чего прийти ему в ярость. Опять этот не знающий отца встает на пути. Кому как не ему, Галсан-Доржи, быть ойратским хунтайджи, только Амурсана с этим не примирится. Спешить надо.

Разослал Галсан-Доржи своих людей к князьям и зайсанам, чтобы съехались к нему. Пока еще не пришли маньчжуры, надо избрать государя всех ойратов. Амурсану Галсан-Доржи обошел. Предостаточно от него претерпели.

Не суждено было Галсан-Доржи увидеть себя хунтайджи. Лишь плечами передернул он, когда его племянник Джана-Гарбу всадил ему под лопатку кинжал по самую рукоятку.

Своим кинжалом Джана-Гарбу, сам того не желая, открыл путь Амурсане в благодатную долину Боротала. Он явился сюда хозяином, а оспаривать его права было некому. Великокняжеский род чоросов истаял. Джана-Гарбу заплатил жизнью за свое вероломство. Хуламаский тайджи Дава отхватил ему голову. Оставался еще один представитель чоросского рода, который имел права быть хунтайджи, Анцзидай. Но по молодости лет он в счет не шел, а сам он о своих правах и не заикался.

Владеть землями Боротала — все равно что быть на месте хунтайджи. Пускай не все ойратские князья и зайсаны признают его таковым, пусть послы не уведомляют иноземных правителей об избрании ойратского хунтайджи, он, Амурсана, чувствует себя таковым.

В Бороталу к Амурсане устремились те, для кого маньчжурский еджэхан стал заклятым врагом. Шли к Амурсане и те, кто прежде выступал против него. Хватило у них мужества погасить неприязнь и злобу к хойтскому князю, когда над самой жизнью ойрата нависла смертельная угроза в обличье маньчжурского еджэхана.

Но пробиться к Бороталу было нелегко. Зорко следили маньчжурские военачальники за каждым из ойратских старшин. При малейшем подозрении в измене кончали целый род. Урутский зайсан Сикэ-сиэрге, явившись к цинскому командиру, вызвался поехать

в Бороталу и изловить Амурсану. В действительности он думал остаться с Амурсаной. Его намерения стали известны. Казнили не только его, но и мать, жену, маленького сына.

Не дождался Амурсана и Цэбдэн-Доржи с его хойтами. Не удалось тому сохранить в тайне от недругов задуманное. В кочевьях Цэбдэн-Доржи находился Нима, который был зайсаном у печальной памяти Шакдура. Судьбы хозяина он избежал, но с тех пор затаил зло на Амурсану. Нашлось еще двое сподручных, и этого хватило, чтобы сгубить все дело. Нима, Гэньдуньчжаб и хувэй[64] Ацзи, посовещавшись между собой, решили сообщить о намерениях Цэбдэн-Доржи цинскому командованию. Маньчжурские солдаты без промедления объявились в кочевьях Цэбдэн-Доржи, и не стало там людей. Была пожива воронью.

Не знал об этом Амурсана, как и о том, что со всеми его родственниками еджэхан жестоко расправился. Как только узнали цинские власти о замысле Цэбдэн-Доржи, к Пурбо, Дэджиту и Кэшикэ, которые жили на Тамире, явились маньчжурские солдаты. Из мужчин хойтов не оставили никого в живых, а женщин раздали халхасам. Нима, Гэньдунчжаб и Ацзи тоже голов своих лишились: подлой изменой своей не купили себе спасенья. «Свидетелей живых не нужно оставлять»,— гласил указ от богдыхана.

* *
*

Тяжелым черным покровом бесшумно упала на землю ночь. В такое время особенно сильно хотелось быть у семейного очага, в кругу домашних, раскинуться безмятежно на кошме, не прислушиваясь настороженно к топоту коней. Давно уже не знали ойраты покоя мирных дней. Тоскливое чувство усугублялось тревожной неопределенностью: удастся ли устоять перед тем узколицым маньчжуром, обитателем Запретного города? Амурсана сосредоточенно вглядывался в причудливый узор, сложенный пеплом догорающего костра. Огонь то тускнел, то вновь отдавал жарким багрянцем. Вот так и у него складывалась жизнь. То он гордо, не таясь, гарцевал на коне и с достоинством произносил

свое имя, то таился в укромных местах, старательно скрывая свое присутствие от преследователей.

У еджэхана оказалось достаточно сил, чтобы затушить пламя восстания в Халхе и Джунгарии, не дать восставшим слиться воедино. Не смогли Циньгуньчжаб Хотогойтский с Амурсаной сообща ударить по войскам еджэхана. Управившись с Баяром, у которого с Амурсаной была давняя неприязнь, главнокомандующий Чжао Хуэй со своим помощником Фу Дэ всей мощью навалился на Амурсану. Поначалу старался Амурсана крепким ударом ошеломить, посеять замешательство, заставить повернуть обратно отряды еджэхана. Прежде всего Танкалу, того самого, что некогда сопровождал в Жэхэ. Свою оплошность, что со слов Амурсаны богдыхану докладывал, Танкалу искупал, не жалея своей жизни. Ходил с Хадахой за Амурсаной в казахские пределы. Возле урянхайских улусов схватил сподвижника Амурсаны Гурбань-хэчжо и тем нанес Амурсане немалый урон. Послал Амурсана против Танкалу своего верного помощника Дава-Цзянбу, наказав ему:

— На тебя вся надежда. Пока там Танкалу в победителях ходит, не будет нам подмоги от урянхайских старшин. Он, как кость, в горле.

Отправился Дава-Цзянбу и не вернулся. Сразила его вражеская стрела, а Танкалу, отбив нападение, еще увереннее почувствовал себя...

Теплился огонь в угасающих углях, теплилась и надежда у Амурсаны: ведь не совсем же он один. Есть ведь у него на стороне доброжелатели, те же русские. Только что-то нет вестей от зайсана Давы. Эта неизвестность тревожила, но вместе с тем и позволяла еще надеяться. Путь из ставки белой ханши далекий, к тому же, когда в Джунгарии идет война, таит немало опасностей и непредвиденных помех.

* *
*

Неяркий свет северного солнца пробивался через решетку высоких окон. Он мягкими бликами лег на синий бархат вошедшего. Своим обликом он выделялся среди тех, которые ждали его за большим столом, где были выложены бумаги. Раскосые с набрякшими ве-

ками глаза на смуглом лице, чуть раскачивающаяся походка — все выдавало в нем жителя азиатских степей, привычного к быстрому бегу коня. Ответив на приветствие, он с достоинством сел.

— Достопочтенный зайсан Дава,— неторопливо начал драгоман [65].

Дава знал, зачем его пригласили в этот зал. Знакомы ему были и лица людей. С одними ему довелось встретиться только раз, с другими больше. С Василием Бакуниным, секретарем Коллегии иностранных дел, он, например, на протяжении двух месяцев вел переговоры. Теперь им подведена черта.

Долгий и опасный путь проделал зайсан из Илийской долины в ставку белой императрицы. Глубокие снега лежали на горных перевалах, когда посланцы Амурсаны покинули родные места, держа путь к берегам Невы. Не раз приходилось им менять коней, не вынесли тягот пути и люди. Одних из них свалил недуг, других сразила стрела казаха-барантача [66]. Очень опасной оказалась поездка, но Дава сделал все, чтобы довести до белой императрицы скрепленную красной печатью бумагу, что была зашита у него в полу халата, чтобы повести переговоры, как наказывал Амурсана.

Доброжелательно встретили посланца Амурсаны в Петербурге. Отвели подворье, определили хорошее довольствие. О письме Амурсаны и его желании вступить в переговоры было доложено императрице. Последовал указ начать их.

События в Джунгарии непосредственно задевали безопасность восточных рубежей Российского государства. Увеличение протяженности общей границы с Поднебесной, соседом спесивым и задиристым, готовым в любой момент ухватить, что плохо лежит, внушало немалые опасения русским властям.

Непомерно много запросил Амурсана у императрицы Елизаветы: помочь собрать под его власть всех ойратов и все ойратские улусы, а чтобы не стала ойратская земля добычей богдыхана, построить силами русских мастеров крепость между Иртышом и Нор-Зайсаном. Если же дело дойдет до баталии с богдыханом, чтобы русские дали отпор маньчжурам и защитили Амурсану и ойратов.

Сановники на заседании Конференции, ознакомившись с реестром Давы, крутили головами. Дать добро на все, что он испрашивал, значило не сегодня-завтра отправить русские полки против богдыхана. Но есть ли в этом резон? Россия воюет с Пруссией, зачем же еще и с Китайской империей отношения до крайности обострять? Решили министры Елизаветы Петровны так поступить: от себя Амурсану не отталкивать, но с Китаем войны избегать. Надлежало известить Амурсану, что сам он со своей свитой, если пожелает найти в России прибежище, получит его. Содержать его будут достойно, никакой нужды ни в пище, ни в одежде он испытывать не будет. Если же вознамерится остаться в Джунгарии и занять трон ойратского хана, то Россия ему чинить в том препятствия не станет и народу джунгарскому никаких помех от нее не будет.

— Вот письмо нойону Амурсане,— протянул канцлер пакет.— Кроме того, государыня императрица в знак особого к нему расположения жалует 200 червонцев.

Дава с достоинством поблагодарил. Лишь легкая дрожь в пальцах, которыми он сжимал пакет, выдавала его волнение. Не за подарком же он проделал такой путь в ставку белой императрицы.

* *
*

Утренняя дымка над гладью вод священного озера Сайрам-Нор таяла. Амурсана стоял на берегу озера, но не молился. Было дело, звал он на подмогу и шамана, и ламу. Ничего не помогло. Сейчас он пришел к озеру, чтобы спокойно поразмыслить. Как дальше быть? Коней и припасов мало, пороху несколько горстей осталось Люди измотались, к тому же изверились. В последний раз не выдержали напора маньчжур, спины показали. Хорошо, что еще не полегли и не попали в плен. К новому сражению он не готов. Нужно пока уйти и отсидеться в надежном месте, а потом снова наверняка ударить по маньчжурам.

Ничего не оставалось, как снова просить помощи у Аблая. Не от хорошей жизни послал Амурсана к нему своего любимого племянника Даши-Цэрина. Не один

раз уже день сменил ночь, а вестей от племянника не было. Видно, отказал султан, а может, перехватили Даши-Цэрина в пути. Полагаться на Аблая не приходится. Уйти все же Амурсане есть куда. Хотя еще и не вернулся Дава, но все равно русские примут и помогут. В душе ойратского князя вновь затеплилась надежда. Главное сейчас люди!.. Сможет ли он и теперь вести за собой всех тех, кто еще держится возле него.

— Хватит, тайджи,— зайсан Чжаньбу затянул пояс.— У перекати-поле и то корни есть, не мотается по степи без конца. Рано или поздно остановится. А мы ведь не перекати-поле, люди. Опять зовешь к Аблаю уйти, там, мол, отсидимся, потом снова вернемся. Хватит с нас посулов. Чем завтрашний жир, лучше сегодняшние легкие. Да и то сказать, будет ли для нас жир у Аблая? С дочкой его, сказывают, ты утешался, а ведь не всем нам Аблай давал своих дочерей. Надеяться там не на что? Тюленгутами быть да жрать объедки с чужими соплями? Нет уж!

Амурсана сделал увещевающий жест.

— Отойди,— зло блеснул из-под набрякших век Чжаньбу.— Не то...

Свои взметнувшиеся руки Амурсана удержал в последний миг.

— Из издыхающей коровы навоз сыплется,— горько обронил кто-то.

Амурсана метнул взгляд в толпу, отыскивая взглядом того, кто сказал. Покорно-равнодушное выражение лиц погасило его ярость. Эту стену не проймешь. Видно, недоверие засело глубоко. Только бы одно удачное дело — и снова за ним пойдут! Снова будут славить его.

— Идут! — прокричал срывающимся от волнения голосом дозорный.— Они уже рядом.

Привычное, как обычно перед схваткой, чувство тревоги и ожесточенной решимости захватило Амурсану. Чувство смертельной опасности заставило людей сбиться в беспорядочную кучу. С безотчетной надеждой десятки глаз устремились на Амурсану. Так овцы жмутся к пастуху, почуяв волка.

Визжал и топал ногами от ярости Чжао-Хуэй. Виновато переминался с ноги на ногу стоявший перед ним шивэй. Его прислал Фу Дэ доложить главнокоман-

дующему, что отряд Амурсаны рассеян полностью, но сам он сбежал. Было от чего прийти в ярость цзянцзюню. Он клятвенно заверил государя, что доставит Амурсану живым или мертвым. Как теперь докладывать императору? Тот, напутствуя его, сказал: «Мы надеемся лишь на тебя. Уже не один цзянцзюнь лишился наших милостей да и жизни из-за этого оборотня. Ты, верим, удачливее будешь. Фу Дэ рукой твоею правой станет. Способности его тебе известны».

Остыв, цзянцзюнь стал расспрашивать, как все было. Побоища такого, рассказал ему шивэй, та земля там еще не видела. То был не бой, а резня. Людей Амурсаны в плен почти не брали. Сам же он ускользнул, иначе его нашли бы среди трупов.

* *
*

Ветром донесло горьковатый запах кизяка, прерывистый лай собак. «Уже близко»,— подбадривал Амурсана коня, тяжело поводившего боками. Нелегкий путь остался позади у человека и коня. Все те дни, что уходили от погони, человек и конь словно слились в единое целое. Конь уносил своего хозяина от преследователей, вместе с ним замирал в чащобе, ничем не выдавая своего присутствия.

Юрта Аблая выделялась среди прочих своими размерами и цветом. Из нее доносились звуки домбры, изредка прерываемые одобрительными возгласами. Выскочившему из юрты тюленгуту Амурсана, спешиваясь, велел передать хозяину о своем прибытии. Слуга мигом обернулся и хотел взять лошадь под уздцы.

— Я сам,— отвел его руку Амурсана,— лучше покажи куда поставить.

В юрте веселье было в самом разгаре. В центре восседал Аблай. В момент, когда в проходе появился Амурсана, султан подносил ко рту зажатый в пятерне кусок. Не торопясь, прожевал, и только после этого как будто бы увидел стоявшего у входа Амурсану.

— А, досточтимый тайджи пожаловал,— расплылся султан в радушной улыбке.— Входи, входи. Не обессудь, что не подготовились к встрече дорогого гостя. Ты ведь не извещал о своем прибытии. Ушел в свое время,

не сказавши ничего, и пришел опять, не предупредив.

Проведя по скатерти взглядом, Аблай кивнул слуге:

— Собери, что осталось, страннику[67].

От терпкого запаха баранины сосало под ложечкой, но Амурсана подавил чувство голода. «У нас, ойратов, есть после другого брезгуют»,— сказал себе.— «С твоими соплями не буду есть»,— говорят. К плошке, поданной тюленгутом, не притронулся, словно не заметил ее.

— Что же ты обижаешь меня,— начал недовольно Аблай.

— Я не в гости к тебе приехал, Аблай. Мы здесь не задержимся. Дай пройти через твои кочевья. От казахов твоих спасу нет. Нападают на наших, отбирают скот, людей в плен берут. Мы от нужды сюда пришли, спасенья ищем. Лишь прикажи своим людям оставить наших в покое.

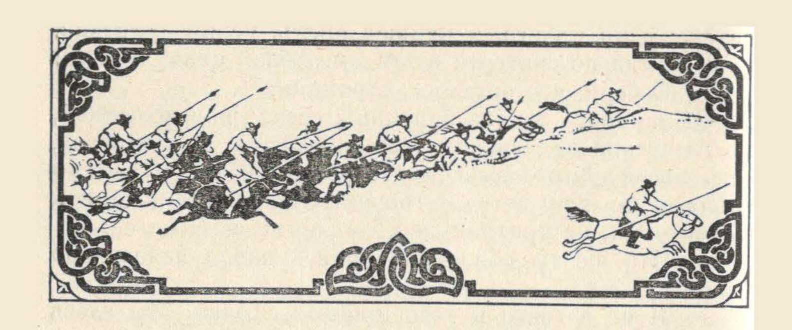
— Дело ты говоришь, тайджи, дело. Но ведь не один я хозяин в казахской степи,— сокрушенно развел руками Аблай.— Обговорить с другими батырами нужно. А ты пока располагайся. Сейчас не время для серьезных разговоров. До утра терпит. Я кликну людей, они отведут в табун твоих коней и скот пастись пустят.

Стараясь не подать виду, что встревожен, Амурсана, ловя взглядом ускользающий взор Аблая, поблагодарил за заботу.

— Конь мой с норовом, так что без меня твоим слугам не управиться. Да, наверное, кое-кто из моих людей подъехал, нужно ими распорядиться.

Чувствуя спиной недобрый взгляд Аблая, Амурсана быстро вышел из юрты. Подбежал к коновязи. Здесь же, не расседлывая коней, держались кучкой вновь прибывшие ойраты.

— Уходите! — крикнул им Амурсана, ставя ногу в стремя. Почуя тревогу в голосе хозяина, конь с места рванул, унося в степь своего седока.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Словно охотничьи псы, вынюхивали, выискивали следы Амурсаны цинские разъезды. Щупали пальцами смятые копытом травинки: старый ли след? Держали на ладони куски конского помета, угли от угасшего кострища. С особым пристрастием пытали пленных ойратов, из тех, кто не бежал и не сложил оружия.

В который уже раз племянник Амурсаны Даши-Цэрин, перехваченный пикетом, искусанными от нестерпимой боли губами ронял одни и те же слова:

— Послал меня он к Аблаю... Где сейчас укрылся, не знаю...

Перед мысленным взором главнокомандующего Чжао Хуэя проходила череда его предшественников, всех тех, кто до него соприкасался с этим мятежником-оборотнем. Юн Чан, Дардана, Хадаха в полной мере испытали на себе гнев государя: были разжалованы и осуждены. Баньди с Цэрэном погибли и лишь потому избежали позора. Не на что надеяться пока и ему с Фу Дэ. Сейчас они даже толком не знают, где Амурсана притаился. От тягостных раздумий Чжао Хуэя отвлекло прибытие гонца от Фу Дэ. Тот сообщал, что есть вести об Амурсане и другие важные новости.

— Начну все по порядку,— говорил Фу Дэ, усаживая своего начальника.— 15 июля бэйлэ Лубсан-Доржи на Айдын-су столкнулся с казахами. Завязалась перестрелка, а потом казахи прислали человека с предложением прекратить бой. Оказалось, что Аблай отрядил

своего племянника Абулфеиза поживиться в ойратских кочевьях, но наказал, чтобы с нами не воевали. В перестрелку вступили будто бы по недоразумению. Сражаться с нами Аблай не намерен. Пообещал в пределах пяти дней прислать на встречу своего человека. Действительно, через три дня сюда явился Абулфеиз с подарками. Обоим нам Аблай преподнес по скакуну. Не кони, а загляденье! Но не в них дело. В прошлом году, говорил Абулфеиз, нехорошо получилось: сражались друг с другом. А все потому, что народ из ближних к Джунгарии кочевий не успел уведомить Аблая, что от богдыхана приезжали люди с требованием выдать Амурсану. Потом войска пошли, и Аблай думал, что богдыхан против него дурное замыслил. Против Китайского государства Аблай никаких зловредных видов не имеет. Больше того, недавно прибегал к ним Амурсана. Аблай хотел схватить его и прислать, но тот, словно заранее все проведал, украл коней и скрылся. Если он еще объявится у них, обещают непременно изловить и под охраной нам доставить.

* *
*

Лето уже уходило, напоминая о себе нестойким теплом дня. Но Аблай и под толстым халатом зябко поводил плечами. Курдючное сало, до которого так был охоч султан, тоже не прогоняло озноб. А причиною всему — приезд людей от чурчутского начальства. Поначалу султан обрадовался им, вернее привезенным ими подаркам. Не сдержав нетерпения, при посланцах развернул кусок тяжелого переливчатого атласа и с восхищением зацокал языком. Но когда они повели речь, отяжелел язык у султана и зазнобило его. Выдавай, говорят, нам мятежного раба. Он у вас укрывается. Сам не сможешь, так придут наши воины и пробудут у вас до тех пор, пока не изловят бунтовщика. От этих слов заныла рана от чурчутского копья. Залебезил султан, уверяя, что старался изловить Амурсану. В ответ чурчуты лишь недобро усмехались. Детьми родными клялся султан, что нет в его кочевьях Амурсаны.

— Без него не уедем,— отвечали тайджи Эркэ-Шара и шивэй Нусань.

После таких разговоров решил Аблай сделать себе передышку от гостей. Сказался больным и десяток дней не показывался. Тем временем доверенные люди его обшарили все дальние урочища, разузнавали, не спрятался ли в чьих кочевьях беглец, и около русских крепостей выведывали. Разузнали достоверно, что в Семипалатную крепость ушел Амурсана. Впустил его туда русский начальник. Аблай сразу же избавился от хвори, приосанился и велел сказать, что говорить хочет с чурчутами.

— У урусов он,— вроде равнодушно произнес султан.— Люди мои только что разведали. Так и скажите тому, кто вас послал. У нас, однако, не в обычае торопить гостя. Коли нравится здесь, живите, сколько захотите...

* *
*

О прибытии маньчжуров в крепости знали заранее: известили дозорные. В крепости прозвучал сигнал тревоги: с таким соседом нужно быть ко всему готовым. Дулами ощетинились бойницы. Бомбардиры встали у своих пушек.

От группы всадников, приблизившихся к крепостным воротам, отделился один. Прокричал, чтобы для разговора вышло русское начальство.

На встречу с прибывшими явился капитан. Шивэй Шуньдэна церемонно справился о здоровье императрицы. Русский офицер в ответ осведомился, во здравии ли пребывает богдыхан. Упоминая правителя Поднебесной, он не выразил приличествующей, согласно представлениям его подданных почтительности, говорил стоя, не преклоня колен, чем поверг Шуньдэна в великое замешательство. Не посмев умолчать об этом чрезвычайном происшествии, в докладной шивэй написал, что он-де «освободил» русских от необходимости преклонять колени при имени повелителя Поднебесной.

После приветствий перешли к делу. Первым начал, внимательно следя за собеседником, Шуньдэна.

— Мир и согласие,— вкрадчиво говорил он,— испокон между нашими державами были. Насчет выдачи беглых особая договоренность имелась. Ищем мы вели-

кого злодея и бунтовщика Амурсану. Слух есть, что укрылся он в Ваших пределах. Если это так, надо его выдать.

— Люди разное болтают, а потому земля слухом полна. До нас вот доходили вести, что нойон Амурсана за правителя в Джунгарии почитается. Сам он у нас не объявлялся, а посланец, которого нойон к императрице направил, проезжал тут. Его в Петербург препроводили. Что же до воров, то их, понятно, удерживать у себя не станем.

* *
*

Словно стервятники, высматривающие добычу, кружили вокруг русских форпостов цинские разъезды. Стерегли, не покажется ли где Амурсана, расспрашивали о нем у разных беглых людей, жадно ловили каждый слух. Выходило как будто, что правильно показал Аблай.

На один из разъездов, выставленных Фу Дэ, наскочил казах Дата. Был он пойман русскими властями за грабеж купеческого каравана и отправлен на казенные работы, но бежал. Дата рассказал, что видел сам, как Амурсана проник в российские пределы, и был там принят. Даже день точно назвал. Раз так, решено было снова послать Шуньдэна в Семипалатинскую крепость.

Бывший там майор Долгово-Сабуров принял Шуньдэна весьма обходительно. Со вниманием выслушав его, сочувственно произнес:

— Немало беспокойства претерпели вы. Дорога неблизкая, и все верхом. Да и не по своим владеньям ехали. Места же здесь глухие, народ, бывает, разный шатается, потому в пути всякое может случиться. Только вот нет у нас нойона Амурсаны. Верно. Приходили от него двое. Сам же он, как сказали, остался на переправе. Спросили, примем ли мы его по важному делу. Отчего же не встретиться? Послали за ним на переправу. А там у мыса лишь лодка одна, в ней же никого. Утонули все, не иначе. Вестей о себе нойон Амурсана больше не подавал.

* *
*

Такого на реке, наверное, еще не приключалось. По ней плыло несколько плотов. Люди, стоявшие на них, бултыхали, опускали багры и взбаламучивали речные глубины. Плывут плоты, люди ловят нужную им добычу, а она никак к ним не идет. Прошло уже десять суток.

— За это время,— в сердцах говорит Фу Дэ Шуньдэне,— можно все дно вычерпать, не то, что найти утопленника. Видно, не утонул он. Зачем бы стали врать Дата да Аблай?

Шуньдэна молчал.

— Тебе сказали, что утонул, а ты тут же поверил и обратно! — повысил голос Фу Дэ.— Что теперь государю докладывать станем?

Действительно, что? От Аблая, видно, уже больше ничего не добиться. Нужно искать следы Амурсаны в российских пределах. Любой ценой.

— Что если попытаться разузнать об Амурсане от людей с русской стороны? — уже спокойным тоном спросил Фу Дэ Шуньдэну.

— Я лишь офицер,— отрезал тот.— Генералу виднее.

* *
*

Лошаденка трусила знакомой дорогой, уводившей от дома. Хозяин ее безмятежно растянулся на телеге и вполголоса напевал монотонную песню. Умиротворение и покой, казалось, были разлиты повсюду. И вдруг лошаденка встала, как вкопанная, тревожно заржав. С копьями наперевес на них мчались конники.

— Схватили одного! — с таким известием примчался в ставку Фу Дэ гонец.

Генерал удовлетворенно хмыкнул. «Не зря я послал именно Гэбушу и Танибу во главе разъезда. Доверие оправдали. Нужно испросить у государя-императора для них награду. Рвение еще большее станут проявлять. Меня государь за таких служак тоже милостями не обойдет».

Допрашивать пленного Фу Дэ пожелал самолично.

— Как звать тебя?

— Иван.

— Какой ты к черту Иван, с таким-то обличьем,— не сдержался Фу Дэ.

— Иван я,— упрямо повторил допрашиваемый.— По происхождению ойрат, но крещен был. Нарекли Иваном.

— Вот в чем дело. А жил где?

— На форштдате, у Семипалатинска.

— Так, так...— Фу Дэ поиграл пальцами.— Вот что, Иван. Ты теперь в наших руках. О возвращении твоем не может быть и речи. Что дальше тебя ожидает — от тебя самого зависит. Наш государь-император поручил нам изловить вора и мятежника Амурсану. Кажется нам, что он укрылся на русской стороне. Расскажи нам, что слышно там о нем. Говори все без утайки. Скажешь правду — богатым и знатным станешь, если же что запамятуешь, у нас есть чем заставить тебя вспомнить. Камыша тут кругом хватает. Знаешь, почему я о нем сказал? Нет? Тогда слушай. Камышина разделяется на тонкие щепочки, и они загоняются под ногти. Маленькая щепочка, а боль сильную причиняет. Поверь на слово. Подумай, если есть что тебе сказать нам уже сейчас...

— Амурсану я знаю давно,— начал Иван.— Еще с той поры, как с моим хозяином Дабачи бегали к казахам. И вот довелось опять встретиться. В первых днях 7-й луны. Поймали его косцы. Не один он был, с ним еще восемь человек. Их тоже повели к начальству. Смотрю я, смотрю, ну, не иначе Амурсана. И лицо, и осанка похожи. Когда же поднес он руку лицо обтереть, я перстень признал. Его хозяин мой подарил ему. Камень в этом перстне, словно кровь запеклась. Его, сказывали, еще дед моего хозяина из дальнего похода привез. Будто бы и у самого хутайджи такого камня не было.

Алчностью вспыхнули глаза Фу Дэ. Питал он слабость к ценным камням. Истребляя врагов государевых, не упускал случая поживиться их достоянием. В последний раз, когда порешили Баяра, позаимствовал кое-какие его каменья. Говорили, что у кашгарцев еще отец Баяра их добыл. Однако не до перстня сейчас.

Пока этот бунтовщик Амурсана ходит по земле, в любое время на голову может обрушиться гнев повелителя. Как говорят солоны: «Никому нельзя называть себя счастливым до своей смерти».

Иван, с опаской поглядывая на Фу Дэ, продолжал:

— Признал, значит, я Амурсану, и он тоже, видно. Спросил, кто я буду. Албату Дабачи — отвечаю. Он тут словно опешил, но не сказал ничего. Быстрехонько в дом майора, и больше я его не видел. В ту же ночь, говорят, отправили Амурсану к белой царице. А людей его на следующий день куда-то увезли.

Едва минул день, как Ивана вновь привели в ту же палатку. Кроме тех, что допрашивали его в прошлый раз, здесь появился еще один. Судя по тому, как незнакомец держался и как обращались к нему, он был самым главным.

— Расскажи снова все, что ты уже говорил об Амурсане,— произнес негромко. Удобно откинувшись назад, слушал, полузакрыв глаза.

— То же самое, почти слово в слово рассказал и нам с Шуньдэной,— наклонился Фу Дэ к Чжао Хуэю.

— Можно ли тебе полностью верить? Человек ты, видно, неустойчивый. С рождения одной веры был. Теперь,— командующий показал пальцем на медный крест, который свисал с шеи Ивана,— другую принял. Раз легко изменил обычаю своих предков, то уж и соврать не оробеешь. Известно нам, что вовсе не русские укрыли Амурсану, а казахи. Что на это скажешь? — С этими словами Чжао Хуэй подался вперед, вперив взгляд в глаза Ивана.

— Если казахи вышлют Амурсану,— сдавленным голосом отозвался тот,— то за обман приму любую казнь.

Пленного увели.

Оставшись одни, Чжао Хуэй, Фу Дэ и Шуньдэна решали, как быть дальше. Нужно требовать выдачи его у майора, но на чем основываться? Если ссылаться на слова Ивана, как бы майор не пожелал очной ставки с ним. Тогда появится причина раздоров у нас с русскими. Такой ответственности на себя они взять не могли. Об Иване, следовательно, нельзя говорить ни слова. Решили отправить его в Пекин, Амурсану же требовать, ссылаясь на Аблая.

— На этот раз поедет к русским,— заключил Чжао Хуэй,— Фу Дэ. Он рангом повыше и, может, русские больше посчитаются с ним. Шуньдэна же будет сопровождать: бывал уже там.

* *
*

Извещенный заранее о прибытии Фу Дэ майор Долгово-Сабуров особенно ждать себя не заставил. Явился на рандеву подтянутый, в полном параде. С достоинством представился Фу Дэ, как старого знакомого поприветствовал Шуньдэну. Тот раздвинул губы в дежурной улыбке, но недобрый его взгляд не ускользнул от Долгово-Сабурова.

— Решил я сам удостовериться, верно ли передал мой подчиненный,— Фу Дэ показал на Шуньдэну,— ваши слова, что утонул вор и мятежник Амурсана.

— Было,— кивнул Долгово-Сабуров.— Мы от своих слов не отказываемся.

— Нам очень это приятно слышать,— с удовлетворением произнес Фу Дэ.— Честность — первейший долг служивого. Он,— жест в сторону Шуньдэны,— пример тому являет. А не соизволите ли вы теперь уже мне рассказать поподробнее, в какой день, в каком месте утонул упомянутый преступник государев, и кто поименно видел?

— За то время, что мы с ним,— майор кивнул головой в сторону Шуньдэны,— последний раз беседовали, новостей не прибавилось. Так что повторю, что ему говорил... Впрочем,— заключил майор с невозмутимым видом,— сказать с достоверностью, что он утонул, не могу. Тела-то я его не видел.

— Но если он подлинно утонул, то где ж его труп? Десять дней с лишком наши люди обшаривали дно, но ничего не нашли.

— Эка,— усмехнулся майор.— Это не рубль, потерянный на лужайке, искать. Глубины, течение, сомы, которые не то что утопленника, корову обгложут. Это тоже в расчет нужно взять.

— Мы брали и другое. Нам доподлинно известно, что укрыли Амурсану вы. Казах Дата, что бежал от вас, рассказал нам. Видел он своими глазами, как принимали Амурсану у вас. 23 июля это было.

— Люди, а тем паче беглые, разное болтают. Лжет он все, этот Дата. Если то правда, что он сказывал, то чего ж не привели его сюда? Пусть бы в моем присутствии и поведал, когда и как мы укрывали Амурсану.

— Нам доподлинно известно,— возвысил было голос Фу Дэ и замолк. Откуда-то донесся грохот, словно приглушенные раскаты грома. Потом еще и еще. В воздухе повеяло гарью. Опыт старого вояки не мог обмануть Фу Дэ: пахло порохом. Чтобы окончательно удостовериться, с видом явного недоумения спросил:

— Что бы это могло быть? Грозы вроде нет...

— Да это пушчонки новые прибыли,— разъяснил Долгово-Сабуров, не скрывая своего удовлетворения от произведенного эффекта,— крепостные бомбардиры опробывают их.

— Резону укрывать вам Амурсану,— заговорил Фу Дэ уже иным тоном, с ноткой участия,— никакого нет. Он сгубил своего владетеля со всей его фамилией, убил брата своего, сноху и жену, разорил всю Джунгарию, привел под меч всех урянхайцев. Разве достоин злодей сей быть в покровительстве такого государства, как Россия? К тому же Амурсана не похож на обычного беглеца. Он скрылся от праведного суда нашего государя. Из-за укрывательства этого злодея и вора лишь неурядицы возникнут между нашими государствами.

— Дела службы требуют моего присутствия в ином месте,— Долгово-Сабуров поднялся, давая понять, что вести разговор больше не намерен.— Даю слово российского офицера, что во вверенной мне крепости нойона Амурсаны нет.

* *
*

Чжао Хуэй сокрушенно покачал головой. Надежда, что Фу Дэ вернется не с пустыми руками, не оправдалась. Амурсану он не заполучил и признания, что приютили врага государства, от русского майора не добился. Деваться некуда: нужно докладывать в Пекин. Такого дела не утаить. Одному ему, хотя он и командующий и армия у него, Амурсану не заполучить. Пусть теперь в Пекине за это дело берутся. Им сподручнее.

Тщательно выбирая выражения, чтобы не дать лишнего повода к нареканиям и хоть как-то оправдаться,

Чжао Хуэй писал: «Еще раз подумав, мы решили, что Амурсана в России. Нужно, чтобы о высылке его наш Лифаньюань[68] запросил российский Сенат...».

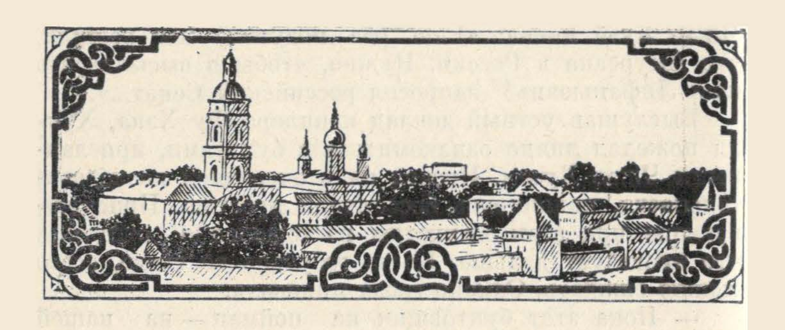
Выслушав устный доклад канцлера Фу Хэна, Хун-ли пожелал лично ознакомиться с бумагами, присланными Чжао Хуэем. Прочел их в очередной последовательности, наполняясь бессильной яростью. Присутствующие при этом министры настороженно ожидали, что последует дальше. Когда государь во гневе, всего можно ожидать. Однако гроза миновала.

— Пока этот бунтовщик не пойман — на нашей границе не будет мира,— ровным голосом произнес Хун-ли.— Мы уже об этом говорили и говорим снова. Но сейчас он вряд ли на что-либо отважится. Джунгария так или иначе за нами. Теперь черед мусульманского удела, где еще правят братцы-ходжи. На будущий год мы покорим Кашгар, Яркенд... Нужно беречь и людей, и коней. Им нужен отдых. Чжао Хуэю незачем сейчас объезжать русскую границу и выслеживать Амурсану. Пусть даст передышку и солдатам и лошадям перед походом против ходжей. Амурсаной займется пока Лифаньюань: потребует письмом его выдачи. Если Россия не отдаст, подождем, пока управимся с ходжами, а потом снова займемся.

Министры с подобострастием, одобрительно кивали головами.

Амурсана хотя и покинул Джунгарию, но незримо продолжал присутствовать там. В каждом налете ойратских повстанцев на цинские отряды маньчжурскому начальству казалось, что это дело рук Амурсаны. Солдатам богдыхана он мерещился за каждым камнем и кустом. Страх перед Амурсаной, довлевший над умами солдат и военачальников в далекой немирной окраине, передавался и в Пекин. Тревожился и хозяин Запретного города. На очередном заседании Военного совета министры сообщили о том, что будто может укрываться Амурсана за Алтаем, где немало враждебных богдыхану урянхайцев. Не исключено, что Амурсана может снова объявиться в Джунгарии. Они сочли нужным немедленно усилить поблизости от тех мест, где может таиться Амурсана, патрульную службу. Одновременно уведомили начальника в Кобдо, чтобы был готов незамедлительно послать солдат на помощь.

— Да будет так,— согласился Хун-ли.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Когда на очередной почтовой станции меняли лошадей, сопровождавший Амурсану офицер ободряюще сказал:

— Ну вот и подъезжаем. Следующая остановка уже в Тобольске.

Город расположился на горе, нависшей над Иртышом. Он уперся в небо куполами церквей, толстыми стенами каменной кладки плотно врос в землю, словно говоря: «Попробуй, подступись!». Амурсана прикинул на глаз высоту стены, ширину бойниц. Если бы белая императрица исполнила его просьбу и распорядилась построить крепость, подобную этой, тогда смело можно было бы потягаться с еджэханом. Его черигам ни за что не взять такую ургу.

У дома губернской канцелярии возок остановился. Стоявший на часах солдат отдал честь прибывшим и сделал на караул. Вышедшему из внутренних покоев служивому офицер отрывисто проговорил:

— Доложи, от начальника Сибирской линии поручик Гладышев. Препровождает важную персону. Вот пакет.

Два дня спустя казенная крытая карета доставила Амурсану к дому вице-губернатора Грабленова.

Сразу по прибытии Амурсаны в Тобольск вице-губернатор воздержался от официального приема: нужно было дать время гостю прийти в себя после долгой дороги. По прошествии двух дней Грабленов решил лично встретиться с Амурсаной, о котором уже

был много наслышан. Местом встречи Грабленов выбрал свой дом, чтобы придать ей неофициальный, частный, характер. Афишировать в городе приезд такой личности, как Амурсана, вице-губернатор не счел целесообразным. Слухи преград не знают, могло дойти и до соседей-китайцев, что русские власти с помпой встречают их недруга, а это было вовсе ни к чему.

Едва раскрылись перед Амурсаной двери вице-губернаторского дома, а камердинер успел доложить хозяину, как он тотчас же пожаловал собственной персоной. Одетый в генеральскую форму, при полном параде, он всем своим видом свидетельствовал важность встречи и ее деловой характер. Подойдя к Амурсане, учтиво назвался:

— Вице-губернатор Сибири Грабленов,— радушным жестом пригласил во внутренние апартаменты.— Милости прошу, досточтимый нойон Амурсана. Давно наслышан.

В просторном кабинете, обставленном незамысловатой мебелью, куда хозяин провел гостя, находился еще один по виду ничем не приметный человек. Он первым подошел к Амурсане, приветствуя его, назвался:

— Федор Плотников. Дарга не очень гладко говорит на вашем языке, потому мне выпало быть толмачом.

Усаживая гостя в кресло, хозяин участливо справился о его здоровье, не тяжело ли было в длительной дороге.

Гость поблагодарил за заботы. Если бы не русский лекарь, что прислал к нему в Ямышеве начальник, умер бы от приключившегося недуга. А он выходил. В свою очередь Амурсана справился о здоровье хозяина дома, пожелал ему всяческих благ.

— В дороге покойно было,— продолжал Амурсана.— От кого мне вред будет во владеньях белой императрицы? А к езде мы привычны. Вот только заранее не угадаешь, какой дорогой ехать завтра придется. Не думал, не гадал, что заведет она во владения русской царицы. А что делать было, когда вся джунгарская страна разорена маньчжурами и народу множество побито. Многие наши люди стали спасать жизнь свою и детей своих на российской стороне. И я

поступил так же. Однако питаю надежду собрать под единым началом оставшийся народ джунгарский. Уповаю сильно в этом на милости белой императрицы.

Грабленов слушал внимательно и в знак понимания согласно кивал головой.

— Пока, достопочтенный нойон Амурсана,— заключил Грабленов,— волею государыни императрицы предписано вам жить в окрестностях Тобольска впредь до особого распоряжения. Довольствие от казны на прокорм определено. Недостатка испытывать не будете.

— Да,— словно вдруг вспомнив что-то, проговорил вице-губернатор.— Жить под Тобольском, конечно, не то, что в самом городе. Но государыня, видно, так рассудила: покойнее пока там будет, нежели в самом городе. Так что уж вы не обессудьте. И то сказать, в городе ведь житье нелегкое, беспокойное: утром солдаты по плацу шагают, ученья постоянные, шум, грохот. За городскими стенами покойнее будет и вполне безопасно. А какая нужда в чем появится, будете сказывать поручику Захарову. Он приставлен к Вам для ухода. Захаров человек обходительный, на ногу проворный. Язык ваш к тому же хорошо знает.

«Нужно ждать, сказали мне. Ну что ж, буду ждать»,— подумал Амурсана.

* *
*

За время частых скитаний, что выпали на долю Амурсаны, он быстро осваивался в новой обстановке. Доводилось жить и в задымленной юрте, и в дворцовых покоях. Дом, отведенный ему для жилья под стенами Тобольска, пришелся по вкусу. Просторный, светлый. В нем дышалось как-то необычно легко, может быть, потому, что щемящее чувство тревоги, которое не покидало Амурсану все последнее время, утратило свою остроту. Первое время, конечно, не верилось, что не нужно держать себя все время настороже, словно зверю, которого выслеживает охотник. Но вскоре успокоился. Под защитой стен русской крепости некого было опасаться, в том числе и вражеских лазутчиков. О том,

кто он, в городе да и окрест мало кому было известно. Внешне он ничем не выделялся ни одеждой, ни обличьем. В Тобольске и вокруг него издавна проживали татары, бухарцы, а за последние годы прибавилось немало и его соплеменников — беженцев из Джунгарии. Иные, приняв российское подданство, перешли в православную веру.

Хотя и не очень опасался Амурсана, что кто-то опознает его и быть беде, но все же меры предосторожности принимал: жил уединенно, с соседями дальними не знался, знакомства с ними не искал. Прислуге было наказано в случае чего говорить, что хозяин болен и велел никого не впускать. Когда же случалось Амурсане выходить из дома и появляться ради интереса в торговых рядах, он черной повязкой скрывал половину лица.

Смешанное чувство испытывал Амурсана, когда ему доводилось встречать своих соплеменников. С одной стороны, он радовался, что не один на чужбине. С другой — сомневался, во всем ли он поступал так, чтобы признавали его ойраты за самого достойного, чтобы идти за ним всем без оглядки? Как ни горько было сознавать, а выходило, что оттолкнул от себя многих, да и обид причинил немало. А всему виною властолюбие. Из-за него и беды немалые накликал на народ джунгарский. Искупал их потом войной с маньчжурами, когда жизни своей не жалел, но разве сразу привяжешь к себе людей после стольких обид, к тому же многие веру потеряли, что возродится джунгарское владение.

Не вдруг все это он осознал. Гордыня да молодость лет давали себя знать. Стремление править и повелевать всем джунгарским народом, князьями и албату иссушило душу. Привязанностями не дорожил. Верил в свою удачу, а за удачливым всегда пойдут. Не думал тогда, чем обернутся все схватки за власть для него самого и для земли его предков. Думал, что все так выйдет, как задумал. Старики, правда, говаривали: «Завтрашнее завтра знает, что будет на рассвете, богу известно». Да мало ли чего старики рекли. В молодости тоже ведь поступали так, как заблагорассудится, иначе бы по-иному у их потомков все складывалось.

Однажды, толкаясь в торговых рядах, приметил Амурсана купца, торговавшего мехами. Держался тот степенно, знал цену своему товару, покупателя не зазывал и скидки не делал. И одеждой, и обличьем не похож был ни на татарина, ни на бухарца. Явно из Джунгарии. Подошел к нему Амурсана, потрогал товар.

— Видно, сам-то из джунгарских мест? — справился у купца.

Тот подтвердил, из дэрбэтов.

— Почему спрашиваю,— продолжал разговор Амурсана,— сам не так давно оттуда. Только из племени хошот. Вот присматриваю, чем промышлять сподручнее.

Завязался разговор. Как выяснилось. купец этот и прежде ездил торговать в Ямышево, Семипалатную крепость. Когда же пошел нойон Амурсана против маньчжурского еджэхана, пришла погибель: резали маньчжуры всех, не разбирая ни возраста, ни пола. Вот и пришлось ему, спасая себя и жизнь своих детей, бежать в российские пределы. Сначала в Таре обосновался, принял российское подданство, стал православным. Прежде звали Чадыр, а после крещения нарекли Николаем Володимировым. Перебрался в Тобольск. Торговлю завел. Сейчас задумал каменный дом построить.

— Навсегда собираешься здесь остаться? — справился Амурсана.

— А что делать? Держава наша погибла, и народа джунгарского там, видно, почти не осталось. Может быть, и устояли бы мы перед маньчжуром, если бы среди наших князей было согласие. Не так уж маньчжуры и сильны сами по себе. Бивали их при Галдан-Цэрэне. Амурсана им тоже хлопот немалых доставил, а изловить его, сказывают, так и не смогли. Сильно боятся его маньчжуры. Пока он жив, говорят, не сможем мирно владеть джунгарской землицей. А все от несогласия между нашими князьями произошло. И Амурсана поначалу неверно поступил. Позвал недругов, тех же маньчжур, мирить ссору в собственном доме. Да что теперь попусту говорить...

* *
*

Амурсана сдал как-то разом. Утром, как это бывало обычно, не отправил прислужника в губернскую канцелярию справиться, не нужно ли хозяину туда явиться. Ждал он вестей от Давы, посланного к императрице. Всегда ел с охотой и помногу. «Иначе кровь греть не будет»,— говаривал при этом. Тут же едва притронулся к пище. А к вечеру вовсе слег. Метался в жару, звал сына, что остался в плену у еджэхана, сулил сыну все оставить. Что-то говорил про каменную ургу с высокими стенами. Наказывал, чтобы строили ее здешние мастера по камню. Замирал в беспамятстве, стиснув зубы. Ближние всполошились. Послали в город известить начальство и пригласить лекаря.

Сосредоточенно мерял шагами соседнюю комнату, ожидая эскулапа, поручик Захаров. Чему-чему, а медицине он не обучен. Что-то, видно, сильно захворал подопечный. Экая неурядица вышла, досадливо морщился Захаров.

Заслышав шум подъехавшего экипажа, поручик Захаров, набросив на плечи накидку, выбежал на крыльцо встречать прибывшего. Ведя за собой казенного лекаря, на ходу рассказывал, как и что произошло с подопечным...

— Зеркало в доме есть? — отступив от неподвижно лежавшего Амурсаны, обратился к Захарову лекарь.

— Как будто было,— отозвался тот.

Лекарь приблизил к глазам зеркало, которое только что подержал у плотно стиснутых губ Амурсаны и словами Тацита изрек:

— Морталитатем эксплере,— помолчав, тихо добавил: — Помер.

— Сего дня, 21 сентября года 1757,— старательно выводил пером поручик Захаров, составлял докладную начальству,— от оспы скончался зенгорский нойон Амурсана. Годов от рождения 35. Кончину засвидетельствовал и руку приложил лекарь..,

Взяв у поручика перо, тот размашисто вывел свою подпись.

* *
*

— Сержант Глазов,— лихо отрапортовал вошедший и вытянулся в струнку, ожидая дальнейших приказаний.

Губернатор окинул взглядом сержанта: ладно скроен, статен, лицо волевое и, видно, не глуп.

Губернатор коротко кивнул головой:

— Садись.

Сержант продолжал стоять.

— Садись, говорят,— уже начальническим тоном сказал губернатор.— Это хотя и не по уставу, но мы ведь не на плацу.

Сержант Глазов осторожно присел на краешек стула. С любопытством рассматривал губернатора, вчерашнего каторжанина. Ф. И. Соймонов еще не успел доехать до Тобольска, а о превратностях его судьбы уже стало известно в городе. Об этом судили-рядили не только в губернской канцелярии, но и в солдатских казармах. В столице блистал, а оттуда по этапу на каторгу. Из Каторжного барака — в губернаторское кресло.

— Вот что, Глазов,— заговорил Соймонов,— приказал я, чтобы ты лично ко мне явился, ибо дело особо важное предстоит. Нужно доставить на китайскую границу, в Кяхту, мертвое тело зенгорского нойона Амурсаны. Путь немалый, а главное довезти нужно в целости и сохранности. Места там, известно, дикие, в дороге разное может случиться. Тут не только храбрость нужна, но и рассудительность, смекалка. Выбор на тебя пал. Сказывали мне, что ты в делах важных, которые притом и тонкости требуют, проверен. Пойдет под началом твоим дюжина солдат. Так надежней будет. Бумагу бригадиру Якобию и прогонные получишь в канцелярии. Времени на сборы — сутки. Мешкать нельзя. Считай, что задание дал тебе не я сам, а государыня императрица.

— Будет сделано! — вскочил Глазов со стула.

— Ладно, ладно,— махнул рукой Соймонов.— Ступай. С богом.

Когда Глазов, подойдя прямым шагом к двери, уже открыл ее, Соймонов осенил спину сержанта крестным знамением. «Лишь бы все обошлось благополучно»,— подумал он про себя и вздохнул.

* *
*

Едва лишь забрезжил рассвет, как две повозки гулко прогрохотали по бревенчатому настилу. Натужно, со скрипом растворились ворота. Город, словно еще не совсем проснувшийся человек, с трудом разжимал отяжелевшие за ночь веки — створы ворот. Сторож, осипшим от сна голосом, пробормотал негромко:

— Носит тут ни свет ни заря.

— Но, но,— начальственно прикрикнул на него Глазов.— Мы по служебному делу! Понимать надо.

Осторожно съехали по крутому спуску и остановили лошадей. Глазов еще раз тщательно осмотрел поклажу. Деревянный продолговатый ящик не сдвинулся со своего места, значит, надежно прикреплен к днищу повозки.

Проверив еще раз упряжь, Глазов с товарищами, сняв шапки, не спеша, истово помолились на золотой купол соборной церкви.

— Ну, с богом! — произнес сержант, и повозки покатили.

* *
*

Гун Линьпилэ-Доржи собирался на охоту. Хотя уже и не молод был, но не утратил крепости руки и остроты глаза. Птицу еще бил влет без промашки. Не доверяя слугам, Линьпилэ-Доржи лично осматривал снаряжение, придирчиво проверял, не забыл ли чего. Прибытие гонца от циньвана Санцзай-Доржи прервало охотничьи сборы. Халхаский циньван Санцзай-Доржи ведал пограничными делами с Россией. Наверное, случилось что-то серьезное, раз прислал гонца. Дружбу они друг с другом не водили. Посланец, поприветствовав, передал устный наказ срочно явиться к Санцзай-Доржи. На вопрос зачем, гонец пожал плечами: «Нам знать не дано. Велено лишь прибыть с Вами».

Всем своим видом Санцзай-Доржи дал понять Линьпилэ-Доржи, что пригласил его по очень важно-

му делу. Всех из своей юрты отослал с наказом не крутиться поблизости, потчевать гостя он будет сам. Когда остались в юрте одни, Санцзай-Доржи посадил Линьпилэ-Доржи рядом и рассказал, что с русской стороны, от бригадира пришли люди с известием о смерти Амурсаны от оспы. Чтобы не было сомнений, русское начальство пришлет его останки либо в Селенгинск, либо на границу с Кяхтой, и кто-то от нас должен удостовериться, что это он, и не кто иной.

— Признаешь его, требуй, чтобы тело отдали. Государь, скажи, так повелел.

Сделав паузу, Санцзай-Доржи внимательно посмотрел на собеседника. Тот молчал, лишь прерывистое дыхание и подергивавшееся веко выдавали, как сильно поразило его это известие.

— Думал я думал,— вкрадчиво продолжал Санцзай-Доржи,— и выходит, что в Кяхту лучше всего поехать тебе. Обличье тебе его хорошо знакомо, не обознаешься. Это раз. Ну, а потом ведь и от тебя тоже он ушел с Урунгу. Теперь вот уже не уйдет. Хотя и не живого, а все же ты доставишь его еджэхану. Это два.

Перед мысленным взором Линьпилэ-Доржи снова встали те давние события. Ослушаться тогда старшего он не смел, потому так все и вышло. Когда еще в лагере Баньди находились, намерения Амурсаны стали известны. Говорил Линьпилэ-Доржи тогда, что кончать надо при случае с этим хойтом. Так Эринчин-Доржи тогда замямлил: «Не сподручно как-то мне. Амурсана по княжескому званию выше меня. Он — князь первой степени, я — второй. Что же тогда станется, если младшие слуги государевы будут убивать его же более высоких по рангу слуг?». Так и поехали от Баньди. Дальше так дело пошло. Амурсана отправился будто бы вещи собрать, да за ним последовал Линьпилэ-Доржи со своими людьми. Отъехали на какое-то расстояние от места, где остался Эринчин-Доржи, и тут Амурсана уходить стал. «Куда? Стой!» — бросился за ним Линьпилэ-Доржи. И тут Амурсана повернул коня и набросился со своими людьми на Линьпилэ-Доржи и его чиригов. Чудом выскочил он тогда из сечи, только саблей задело предплечье. Рана на плече зажила, а на душе осталась.

Догони он тогда Амурсану и свали с седла — не поплатился бы головой сородич Эринчин-Доржи. Теперь хоть мертвого привезет его в Пекин...

Путь предстоял не близкий, но сборы Линьпилэ-Доржи были недолгими. Как говорят, времени ушло немногим более того, что нужно, чтобы чай вскипятить. Надо было успеть опознать останки. Санцзай-Доржи высказывал опасения относительно сохранности тела. К тому же подмывало нетерпение удостовериться, что этот оборотень наконец-то недвижим. Не раз ведь уже случалось, что вот он, кажется, совсем изловлен, ан, нет, вырвался и снова строил козни.

Не в первый раз уезжал Линьпилэ-Доржи далеко от родных кочевий и не всегда с легким сердцем. Но на этот раз, как поставил ногу в стремя, так и легла на сердце тяжесть, словно чуяло недоброе. С чего бы это? Ведь не сражаться же с русскими едет. И дело-то не больно хитрое: осмотреть тело и забрать его с собой. И все же беспокойство не оставляло. Лихой скачкой решил Линьпилэ-Доржи согнать его. Конь поскакал, далеко выбрасывая передние ноги, но вскоре почувствовав, как ослабела узда, остановился. Его хозяин, завалившись на бок, сползал с седла. Возле неподвижного тела захлопотали слуги, но хозяин не подавал признаков жизни.

— Знать, приходила к нему душа Амурсаны и не захотела, чтобы он тревожил ее оболочку,— рассудительно изрек кто-то.

Ехать в Кяхту за Амурсаной теперь выпало князю Цибакэ-Яламупилэ. Поежился циньван, когда узнал об этом назначении. Но никуда не денешься, ехать надо. По случаю его отбытия был заказан молебен. Обычно прижимистый, Цибакэ-Яламупилэ на этот раз на подарки ламам не поскупился: щедро раздавал и серебро, и шелковые ткани. Сам молился истово, самозабвенно. С ума не шел Линьпилэ-Доржи. Горячей молитвой да щедрыми дарами хотел отвести от себя смертоносную порчу, которую, видно, испускал этот оборотень...

Сомнений у Цибакэ-Яламупилэ больше не оставалось. Это был Амурсана. Почти таким он видел его в последний раз. Подивился про себя: «Ведь умер не вчера, а тело цело и лицо. Видно, какой-то секрет есть

у русских, знают, как покойников хранить». И тут же прикинул: «До тепла еще не близко, до еджэхана успеем довезти».

Однако когда Цибакэ-Яламупилэ завел речь о том, чтобы забрать с собой останки Амурсаны, русские власти не дали согласия.

— У меня на то предписание еджэхана,— пытался убедить циньван.

— Но ему мы не подвластны,— отвечала противная сторона.— Раз от правительствующего Совета нам не прислано на то письма, легкомысленно не решаемся поступать. Иначе с нас государыня спросит.

* *
*

Подробный доклад на имя еджэхана Санцзай-Доржи скрепил своей печатью, тем принимая на себя ответственность за сказанное Цибакэ-Яламупилэ. Поклялся тот, вернувшись от урусов, что именно Амурсана мертв. Глазами своими видел Цибакэ-Яламупилэ его бездыханное тело...

Известие это не удовлетворило Хун-ли. Оборотень Амурсана. Земле его и мертвого не удержать, если только это он. Для верности его тело надо на части раскромсать, а кости в ступе истолочь. А доподлинно ли был то Амурсана? Кому доверились? Монголам?.. Они уже однажды подвели. Доверено им было привезти Амурсану или в пути прикончить, они же отписали, что с полдороги он сбежал. Надул их, вроде. Может, и нас снова надули? Нужно послать своих, маньчжуров. Пускай еще раз русские покажут останки этого злодея. Тогда вернее будет, когда уже свой, а не монгол скажет: «Верно, мертв».

— Позвать ко мне писца! — Тот явился.

— Пиши указ дачэням Цзюньцзичу. Из числа маньчжур им выбрать надлежит сановника такого, кто в бытность с Амурсаной достаточно встречался и сможет труп его надежно опознать.

* *
*

Бригадир Якобий, кяхтинский комендант, досадливо поморщился. До чего же занудная эта публика, богдыхан и его чиновники. Уж сколько кляузных дел возникало и возникает из-за их амбиций, успевай только утрясать, а тут еще одно привалило. В живых человека нет, а они опять с разговором приступают. Известили их, что умер нойон Амурсана. Чтобы собственными глазами удостоверились, показали им тело. Признали, действительно это он. С тем и отбыли. Теперь опять домогаются, чтобы показали останки. Прошлый раз, говорят, не те люди смотрели. Черт бы их побрал! Видно, здорово досадил им этот нойон, коли повторную депутацию шлют, чтобы удостовериться еще раз в его смерти. Конечно, можно было и бы отказать, но ради того, чтобы показать, что в мире и согласии быть хотим, придется потревожить мертвеца и извлечь его из могилы.

* *
*

— Уф!,— с облегчением вздохнул Якобий, откинувшись в кресле. Отбыли, слава тебе господи. И этот, приезжий из Пекина амбань[69], тоже признал в усопшем Амурсану. Теперь, может быть, успокоятся, не станут докучать дикими домогательствами. Да и видано ли это где еще, особо меж цивилизованными государствами, чтобы покойника неоднократно из земли вырывать и казать?

* *
*

Не повисла голова этого оборотня на крюке, взирая мертвыми глазами на столичную площадь. Не толпились люди на ней, дотошно разглядывая, каков он этот злодей, и предметно убеждаясь во всесилии Сына Неба. Не дрались из-за внутренностей его врага вечно голодные столичные собаки. Сколько было положено сил и средств, и все же Амурсана оказался сильнее. Не дался он живым, не дается и мертвым. Это ли не

свидетельство бессилия повелителя Поднебесной!? Что они, победные реляции с далекого Запада? Их ведь не покажешь толпе. Она лишь тогда уверится во всемогуществе своего господина, когда собственными глазами увидит какие-то останки главного закоперщика джунгарской смуты. Да и в самом дворце среди сановников немало есть таких, что сомневаются, удастся ли удержать джунгарское владенье. И в их словах немалый резон есть: не верят варвары, что мертв Амурсана, а поэтому подняться могут снова. Другое дело, если хотя какие-то останки заполучим и о том поведаем нашим новым соседям. И если даже тело уже обратилось в прах, кости гожи...

И снова протяжный звук гонга зовет писца к Сыну Неба.

* *
*

Одно за другим Лифаньюань слала российскому Сенату письма с требованием выдать останки Амурсаны. В Петербурге, однако, не считали нужным отказываться от избранной позиции. И того, что два раза разрешали освидетельствовать тело Амурсаны, уже предостаточно, чтобы выразить доброе отношение богдыхану. Поступить иначе — значило нанести ущерб интересам Российского государства.

«Тело Амурсаны,— уведомлял Санкт-Петербург сибирского губернатора,— выдавать неблагоразумно». Во-первых, потому, что «китайцы... не преминули бы не только при первом случае над костьми его разнообразные оказать ругательства и о том по всем границам публиковать», а потом могли бы эти кости выставить на границе, выбив на каменных столбах надпись, «предосудительную» для России. Во-вторых, дабы не подать повода «тамошним степным народам о китайцах излишне думать, нежели каково их доныне о том было понятие».

На все полученные «листы» по делу Амурсаны российская Коллегия иностранных дел собралась ответить разом, «дабы единожды навсегда избавиться от скучного требования».

«...Что как Амурсаново тело давно уже в землю превратилось,— отписал Сенат Лифаньюань,— то и не

нужно впредь об нем напомнить, тем паче, что самая справедливость не допускает требования сего исполнить».

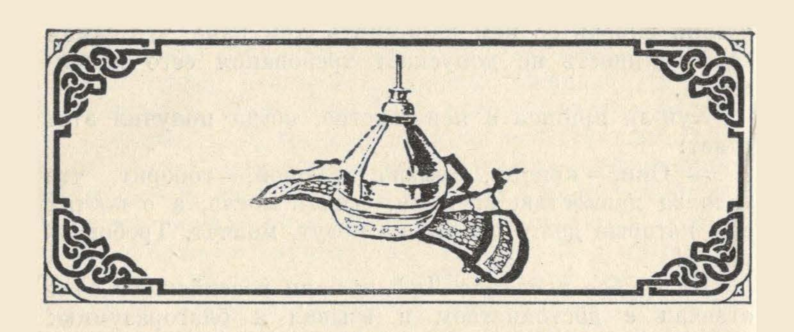
Хун-ли пришел в неистовство, когда получил этот ответ:

— Они,— кричал, брызжа слюной,— говорят, что тело за давностью времени, сгнить могло, а о костях его, которые долго сгнить не могут, молчат. Требовать кости!

На грубое послание Лифаньюани российский Сенат отвечал с достоинством и взывал к благоразумию: «...что кости его, яко презрительная сама по себе вещь, не стоят того, чтоб за них двух империй расторглась дружба; а потому когда необыкновенным делом кажется, чтоб оные кости, в границах Российской империи погребенные, вырывать и отдавать в другое государство, то не лучше ли оное дело предать забвению».

Но Хун-ли, закусив удила, не отступился: «Известное дело, что тело его сгнило, но сгнить не могли кости его, кои по обычаю Китайского государства, у таких плутов и изменников на показание всему народу ломают на разные части. По сему ведайте, что мы... кости Амурсановы... непременно взять от вас намерены».

Шел второй год бесплодной и нудной переписки между Лифаньюанью и Сенатом из-за костей Амурсаны. Непрекращавшиеся угрозы и брань китайского двора заставили правительство России высказаться со всей определенностью и окончательно. В своем послании 13 июля 1760 года Сенат особо подчеркнул, что уже не раз излагались причины, почему не могут быть отданы кости. «Со всем тем,— заключал свою грамоту Сенат,— за пристойное изобретаем мы при сем случае дружеским образом увещевать вас, дабы соблаговолили вы впредь так, как приятели, а не неприятели наши в переписках с нами умеренно поступать и воздерживаться от всяких грубых и досадительных слов и угроз, которые между независящими отнюдь не уместны».

ЭПИЛОГ

В Пекине долго не могли поверить в смерть Амурсаны. Так велики к нему были страх и ненависть правителей Поднебесной. Даже после двоекратных освидетельствований останков Амурсаны не рассеялись полностью сомнения в придворных кругах Китая. «Вероятно, еще имеются такие, которые считают, что нельзя окончательно поверить в смерть бунтовщика и вора».— отмечал 4 марта 1758 года Хун-ли.

Амурсана оставался живым для уйгуров и монголов, подпавших под власть империи Цин. С ним они связывали свои надежды на освобождение. Эти сокровенные чаяния не раз воскрешали Амурсану из небытия.

В 1760 году переполошился цинский наместник Восточного Туркестана. До стен его ямыня[70] в Кашгаре долетела весть о прибытии Амурсаны и бессилии гарнизонов устоять перед ним. «Он уже взял Аксу, сейчас в Куче»,— такую молву пустил уйгурский бек Майрам, поднимая дехкан Кашгарского округа на борьбу против цинских поработителей. На призыв взяться за оружие отозвались жители селений Бишкарам, Устун-Артыш и других.

Для подвластного империи Цин монгольского населения Амурсана никогда не умирал. В 1879 году в Северо-Западный Китай совершил поездку известный русский монголист А. М. Позднеев. На основании личных наблюдений он писал, что дэрбэты и хойты верят, что Амурсана получил дар бессмертия и живет до настоящего времени в русских пределах. У них

сохранилось предание, что в период борьбы с Китаем он бежал в русские пределы в сопровождении семи человек на белой лошади. На этом основании дэрбэты полагают, что Амурсана явится из России для освобождения их от власти Китая и нового создания Джунгарского царства. Верят, что он появится в год белой лошади. Вместе с ним прибудет Шадар, погибший в Пекине. Амурсана для освобождения джунгар придет через Кяхту и Монголию, на пути будет кормить и выстаивать лошадь в Пекине.

Август 1893 года. Участники научной экспедиции В. И. Роборовского расположились на привал в урочище Хара-мото в горах Восточного Тянь-Шаня. «Вскоре — пишет В. И. Роборовский,— пришли к нам торгоуты, за чаем гости очень откровенно жаловались нам на своих господ-китайцев, к которым вообще относились недружелюбно, и спрашивали, скоро ли придет к ним батыр Амурсана, чтобы освободить всех монголов от китайцев, которых он всех вырежет. По их поверью, Амурсана перерождается и живет в России постоянно то на Волге, то на Урале, то в Сибири; когда же настанет время, он, с разрешения русского царя, объявит свое имя и уничтожит Китайское царство. Тогда все народы Китая будут молиться и благодарить бога за счастье, посланное им на землю, ибо все тогда будут жить хорошо, богато и счастливо, и никто не будет обижать друг друга» (с. 35).

И в Западной Монголии большой популярностью пользовалась старинная легенда об Амурсане, поклявшемся при своем бегстве в Россию вернуться и освободить Монголию. Разноплеменные аратские массы Западной Монголии фанатично верили в обещанное пришествие Амурсаны, который избавит их от всякого гнета, прежде всего от гнета китайского купца-ростовщика. «Если китайцы начнут притеснять монголов поборами, народ грозит: — Вот посмотрите, что будет, когда придет Амурсана!» — так характеризовал настроения в Монголии русский исследователь Д. А. Клеменц (ф. 28, оп. 1, № 72).

Легенды о приходе спасителя Амурсаны были использованы Донби-джанцаном. По происхождению калмык или ойрат-алтаец, он прекрасно владел монгольским языком, свободно изъяснялся по-китайски и

по-тибетски. В качестве странствующего ламы летом 1890 года Донби-джанцан отправился по линии северных пограничных караулов на монголо-урянхайской (тувинской) границе и повел смелую агитацию среди пограничных частей и населения против китайских властей. Донби-джанцан говорил монголам, что он внук Амурсаны и расславлял всюду, что он освободит монголов из-под власти Китая и с этой целью скоро придет с севера со своими войсками. Ламу этого принимали как подлинного внука Амурсаны и верили его словам, поскольку у него на шапке вместо шарика был прикреплен золотой очир. Носить его будто бы дал ему право сам далай-лама. В качестве потомка и давно ожидаемого перерожденца Амурсаны Донби-джанцан был с восторгом встречен аратами и даже частью феодалов Западной Монголии. Как рассказывали А. М. Позднееву в Монголии, когда Донби-джанцан проезжал по почтовым станциям, народ повсюду совершал перед ним усердные поклонения и приносил ему богатые жертвы, другие говорили при этом, что и сам Донби-джанцан рассыпал золото, особенно бедным монголам.

На реке Тессун-голе, однако, Донби-джанцана внезапно арестовали и как опасного государственного преступника повезли в Улясутай к китайскому губернатору Монголии. В это время под Улясутаем происходит очередной сейм князей Дзасактухановского аймака. Донби-джанцан потребовал от конвоиров — цыриков — завернуть на сейм. Те не посмели ослушаться. Увидя на сейме китайских чиновников, которые держали себя как настоящие хозяева страны, Донби-джанцан неожиданно выступил с заявлением, что не пристало китайским властям вмешиваться в разбирательство внутренних монгольских дел и потребовал изгнания китайцев из сейма. Это выступление одобрительно было встречено монгольскими князьями. Поэтому цзянцзюнь и его свита сочли нецелесообразным дальше оставаться на сейме.

В 1892 году, когда А. М. Позднеев путешествовал по Монголии, в монастыре Амур-баясхуланту у него состоялась беседа с монастырским секретарем — бичэчи Йондоном, который спрашивал А. М. Позднеева, не слыхал ли тот чего о Донби-джанцане, в частности

не идет ли его войско, чтобы освободить монголов из-под власти Китая, или по крайней мере не готовится ли оно в поход.

Даже в начале нашего столетия вера в приход Амурсаны продолжала жить. «Есть у них (монголов.— *В. К.*) еще легенды об Амурсане,— писал русский путешественник А. П. Беннигсен.— ...Легенда говорит, что он обещал снова прийти и тогда уже окончательно освободить монголов от китайцев. И они ждут его, ждут с нетерпением и уверены, что он придет уже в один из ближайших годов. Нет ни одного монгола, который бы не знал легенды об Амурсане» [Несколько данных..., с. 62].

В июне 1908 года участники русской научной экспедиции разбили лагерь в дэрбэтских кочевьях Кобдосского района. К русским путешественникам-исследователям, среди которых был и будущий академик Б. Я. Владимирцов, заехал молодой дэрбэтский табунщик. «Узнав, что мы едем из России,— рассказывает Б. Я. Владимирцов,— он тотчас начал расспрашивать нас об Амурсане, былом ойратском хане, который, по его мнению, все еще живет в России и должен в самом непродолжительном времени явиться среди дэрбэтов».

Легенда об Амурсане настолько облеклась плотью и кровью в сознании монголов, что в 1908 году ее сумел использовать русский авантюрист капитан А. Г. Велинский, который объявил себя перерожденцем Амурсаны, вошел в доверие западномонгольских князей как «человек, посланный русским императором, чтобы выяснить бедственное положение монголов».

Память об Амурсане сохранилась не только у монгольского населения. «Один урянхайский ухерида [71] на реке Кемчике в 1889 году,— писал ориенталист Н. Ф. Катанов,— мне рассказывал, что Амурсана первый научил людей гражданственности и умению хорошо воевать» (с. 170). Урянхайцы, отмечал тот же Катанов, с удовольствием вспоминают калмыцкого вождя Амурсану [70].

Амурсана был незаурядной, но в то же время сложной и противоречивой личностью. Конкретные условия окружавшей его действительности в известной мере сказывались в поведении Амурсаны. Далеко

не все его поступки отвечали интересам родного ему народа. В целом же его имя сохранилось в памяти последующих поколений как имя несгибаемого борца за независимое существование Джунгарского государства. «Народная память сохранила лишь немногие черты истинного Амурсаны,— писал акадаемик Б. Я. Владимирцов.— Ему простили многое: его вероломство, нетвердость и непостоянство во взглядах и симпатиях, его честолюбие; народная память остановилась на одном моменте его бурной жизни: на борьбе с маньчжуро-китайцами; она приукрасила поступки своего героя и сделала его борцом за независимость, за независимое и славное существование ойратского племени» (с. 21).

Потомки тех, кто шел под знаменем Циньгуньчжаба Хотогойтского, хранят в своих сердцах признательность его сподвижнику — Амурсане. На одной из площадей города Жаргаланта (МНР) навечно встал одетый в доспехи всадник. Он гордо сидит в седле, слегка откинувшись назад. Одна рука его на ноге, другой он держит повод коня. И всадник, и конь, слитые воедино, всем своим видом словно говорят: «Мы готовы померяться силами».

На постаменте надпись: «Амурсана».

Сравнительно немного, 30 с лишним лет, прожил ойратский князь Амурсана. Но то была полная бурными событиями жизнь. Имя этой незаурядной личности, какой был Амурсана, сохранилось в архивах российской администрации и пекинского двора, в уйгурских исторических сочинениях и изустных преданиях народов Центральной Азии.

Несмотря на все свои заблуждения и ошибки, личные амбиции (потомкам обычно легче судить своих предков), Амурсана объективно был борцом против захватнических устремлений правителей Китая, которые они вынашивали и стремились осуществить в отношении народов Центральной Азии. Страшной ценой заплатили ойраты за попытку отстоять свою независимость от посягательств пекинских правителей. В результате кампании геноцида, осуществлявшейся по указанию Пекина, перестал существовать целый народ.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Хунтайджи — титул правителей Джунгарского ханства.

[2] Урга — ставка джунгарских ханов.

[3] Зайсан — дворянин, подвластный джунгарскому хану (хунтайджи) или владетельным князьям (тайджи).

[4] Черики — воины.

[5] Зарго — совет высших светских и духовных феодалов, где рассматривались важнейшие государственные дела Джунгарского ханства.

[6] Бурхан — скульптурное или рисованное изображение буддийского божества.

[7] Архи — молочная водка.

[8] Богиня Янчжамаа — богиня смерти.

[9] Желтая вера — ламаистская секта «желтых шапок» (основана в XIV в. монахом Цзонхавой), догматы которой исповедывали ойраты.

[10] Махчин — буквально головорез, в переносном смысле — разбойник.

[11] 10-го дня 2-й луны 19-го года правления Цянь-лун соответствует 3 марта 1754 г. по грегорианскому стилю.

[12] Шаншу — глава (президент) ведомства (палаты, министерства); министр.

[13] Цзюньцзичу — Военный совет, выполнял роль Тайного совета при цинском императоре, ведал важнейшими государственными делами.

[14] Демчи (демечи): а) звание ламы, занимавшегося светскими делами монастыря; б) старшина, которому были подведомствены 100—200 дворов в отоке.

[15] Цзянцзюнь — командующий войсками, начальник военной и гражданской администрации области, воевода, наместник.

[16] 6-го дня 7-й луны 19-го года правления Цянь-лун соответствует 23 августа 1954 года по грегорианскому стилю.

[17] Никаньцы — «никань» по-маньчжурски «китаец».

[18] Битекчи — секретарь, делопроизводитель.

[19] Гутулы — сапоги.

[20] Чжахацин (цзахачин) — так в Джунгарском ханстве назывались воинские части, составлявшие гарнизоны пограничных караулов.

[21] Дарга — начальник.

[22] Шилан — помощник начальника палаты (ведомства), товарищ министра.

[23] Бэйцзы — княжеское звание.

[24] Цянцинмыньшивэй —

Цяньцинмынь — 5-я колонная арка в Запретном городе (часть города вокруг императорского дворца в Пекине), за залом Баохэдянь. Офицеры лейб-гвардии, приставленные к этим воротам, носили звание «цяньцинмыньшивэйев». Во время выезда император проезжал мимо них.

[25] Фудутун — воинское звание, а) В маньчжурских провинциальных гарнизонах соответствовало бригадному генералу, в Пекине — помощнику генерал-лейтенанта; б) звание, которое носили помощники военных губернаторов провинций Хэйлунцзян (Цицикар), Гирин и Фынтянь.

[26] Хошун (знамя) — феодальный удел, княжество в дореволюционной Монголии.

[27] Хуик — латник.

[28] Эфу — титул, который присваивался монгольским князьям, женатым на принцессах правящего цинского дома.

[29] Восьмизнаменное воинство — регулярная армия Цинской империи состояла из восьми знамен (корпусов).

[30] Чжанцзин — чиновное звание. Происходит от маньчжурского слова «чжанин», что значит помощник. При Цинской династии звание «чжанцзин» носили секретари Государственного совета, начальники военных поселений при караулах, на границах Халхи, адъютанты и помощники адъютантов в монгольских знаменах.

[31] Цаньцзаньдачэнь — название должности помощника командующего армией или военного губернатора.

[32] Гун — титул знатности.

[33] Бухарцы — этим понятием в Джунгарии обозначались выходцы из Малой Бухарии, т. е. Кашгарии.

[34] Хаким — правитель.

[35] Карма — по учению буддизма, общая сумма добрых и греховных деяний человека, которая влечет в качестве фатального последствия для одних — соответствующее содеянному перевоплощение после смерти, а для других, достигших совершенства и искоренивших в себе «жажду бытия», приводит к погружению в блаженное «небытие», нирвану.

[36] Буруты — так в китайских источниках цинского периода обозначаются киргизы. Бурутами называли их и ойраты.

[37] «Лисица для следа, водка для приятеля» — эта поговорка употреблялась при угощении водкой.

[38] «Оторвавшееся мясо, брызнувшая кровь» — так говорилось о поссорившихся родственниках.

[39] Албату — подданный, податной, крепостной.

[40] Дархан — кузнец.

[41] Номы — канонические книги.

[42] Субурган — надгробная пирамида, культовое сооружение.

[43] Хурджун — мешок.

[44] Чжасак, цзасак — правитель, вождь (племени, клана).

[45] 10-й день 7-й луны и 19-й день 8-й луны 20-го года

правления Цян-лун соответствует 17 августа и 19 сентября 1755 г.

[46] Бэйлэ — княжеское звание.

[47] Шивэй — гвардейский офицер. При Цинской династии звания шивэй'ев подразделялись на 3-4 ранга, которые соответственно делились на две степени: высшую и низшую.

[48] Турки — фитильные ружья.

[49] Баочинские старшины. Баочин — название одного из ойратских отоков. Оток — удел хана (хунтайджи).

[50] «Собаке не придется есть твое мясо» — поговорка.

[51] Тюленгут — прислужник.

[52] Цзисай — удел, который выделялся ойратскими владетелями духовенству для его содержания.

[53] Птица Хан Гарида — мифическая птица. По поверьям, от одного взмаха ее крыльев поднимается такой ветер, что сметает все на земле.

[54] «Ом мани падме хум» — магическое заклинание.

[55] Казы — конская колбаса.

[56] Чурчуты — так казахи называли маньчжуров.

[57] Мултуки — кремневые ружья.

[58] Тайлинь — могила Конфуция.

[59] Той — пир.

[60] Капыр — неверный, т. е. немусульманин.

[61] Чох — медная разменная монета.

[62] Цакюс — образок, который буддисты носят на шее.

[63] «Конференция при высочайшем дворе» — высшее совещательное учреждение при императрице Елизавете Петровне, состоявшее из руководителей армии и дипломатии.

[64] Хувэй — охранник.

[65] Драго́ман — переводчик.

[66] Барантач — налетчик, грабитель.

[67] «Собери, что осталось, страннику».— По казахскому обычаю странника наделяли остатками со стола. Отдавая приказание накормить ими Амурсану, Аблай тем самым показал, что Амурсана не желанный гость, а просто приблудший человек.

[68] Лифаньюань — правительственное учреждение в Китае при Цинской династии. Специально занималось делами монгольских племен Тибета, осуществляло сношения правительства с Россией.

[69] Амбань — сановник, начальник.

[70] Ямынь — присутственное место.

[71] Ухерида — старшина.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов Н. А. Перевод с двух китайских листов, писанных при доношениях в Комиссию Иностранных дел от сибирского губернатора советника Соймонова от 25 и 29 мая 1758 г. относительно бывшего джунгарского тайши и потом китайского цинвана (Князя первой степени) Амурсаны.— Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, М., 1868, кн. 4.

Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, ч. I.

Базаров Ш. Л. Образцы монгольского народного творчества.— Зап. Вост. отд. Импер. Русск. Археол. об-ва, 1902, т. XIV.

Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882.

[Баснин В. Н.] Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. М., 1875.

Беннигсен А. П. Легенды и сказки Центральной Азии. Спб., 1912.

Беннигсен А. П. Несколько данных о современной Монголии. Спб., 1912.

Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения у современных монголов.— Сиб. огни, 1927, № 3.

Бурдуков А. В. Каракольские калмыки (сарт-калмаки).— Сов. этногр., 1935, № 6.

Богоявленский Н. В. Западный застенный Китай. Спб., 1906.

Бутины, бр. Исторический очерк сношений русских с Китаем и описание пути с границы Нерчинского округа в Тяньдзин. Иркутск, 1871.

Валиханов Чокан. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958.

Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М., 1893.

Владимирцов Б. Я. Поездка к кобдосским дэрбэтам летом 1908 г.— Изв. ИРГО, Спб., 1911, т. XIVI, вып. VIII—X.

Владимирцов Б. Я. Монгольские сказания об Амурсане.— Вост. зап. Л., 1927, т. I.

Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1890—1897, вып. 1—2.

Вэй Юань. Шэн у цзи («Записки об августейших ратных деяниях»). Тайбэй, 1962.

Голодников К. Город Тобольск и его окрестности. Б. м., б. г.

Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Пг. 1926, т. 2.

Дайцин Гао-цзун Чуньхуанди шилу («Хроника Гао-цзун Чунь-хуанди Великой Цин). Токио, 1937.

Думан Л. И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.— Л., 1936.

Думан Л. И. Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана.— В кн.: Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.

Ешевский С. В. Сочинения по русской истории. М., 1900.

Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957.

Златкин И. Я. Русские архивные материалы об Амурсане.— В кн.: Филология и история монгольских народов. М., 1958.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1964.

Иакинф (Н. Я. Бичурин). Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Спб., 1829.

Иакинф (Н. Я. Бичурин). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Спб., 1839.

Иориш И. И. Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда. М., 1966.

Ишжамц Н. Восстание Амурсаны и Чингунжава.— Современная Монголия, 1967, № 4.

Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках. Алма-Ата, 1964.

Калмыкова В. Г., Овдиенко И. Х. Северно-Западный Китай. М., 1957.

Калинников. Аратские движения.— Революционный Восток, 1934, № 5, 6.

Катанов Н. Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях.— Зап. ИРГО по отделению этнографии. Спб., 1909, т. XXXIV.

Клеменц Д. А. «Юссун-сульде». Рассказ торговца Минина, записанный Клеменцем Д. А.— Архив востоковедов Ин-та востоковедения АН СССР, ф. 28, оп. 1, № 72.

Копылов Д. И., Прибыльский Ю. П. Тобольск.— Свердловск, 1975.

Котвич В. Калмыцкие загадки и пословицы. Спб., 1905.

Котвич В. Образцы баитских пословиц.— Живая старина, 1910, вып. III.

Котвич В. Краткий обзор истории и современного положения Монголии. Спб., 1914.

Кузнецов В. С. (Рец. на кн.): И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758 гг.). М., Наука, 1964.— Изв. Академии наук АНКазССР. Серия общест. наук, 1965, № 6.

Кузнецов В. С. Из истории завоевания Джунгарии цинским Китаем.— Народы Азии и Африки, 1970, № 3.

Кузнецов В. С. К вопросу о владычестве Джунгарского ханства над Восточным Туркестаном.— Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1970, вып. V.

Кузнецов В. С. К вопросу о владычестве Джунгарского ханства над Восточным Туркестаном.— В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.

Кузнецов В. С. Джунгарское ханство в 1745—1755 г.— В кн.: Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение. (К 200-летию со дня рождения). Материалы конфер. М., 1977, ч. II.
Кузнецов В. С. Агрессия Цинской империи в Центральной Азии (вторая половина XVII — первая половина XIX в.).— Новая и новейшая история, 1979, № 1.
Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Спб., 1832.
Липовцов С. Обозрение Зюнгарии.— Сиб. вест., 1821, кн. 4.
Липовцов С. О возмущениях, бывших в Дзюнгарии и Малой Бухарии.— Сиб. вест., 1823, кн. 15—18.
Мугинов А. М. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. М., 1962.
Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях.— Зап. ИРГО по отделению этногр., Спб., 1895, т. XXIV.
Новая История Китая. М., 1972.
Позднеев А. М. Путевые заметки и другие разнохарактерные записи.— Архив востоковедов при Ленингр. отделении Ин-та востоковедения АН СССР, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 37.
Позднеев А. Образцы народной литературы монгольских племен. Спб., 1880, вып. I.
Позднеев А. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу.— Зап. ИРГО по отделению этногр., Спб., 1887, т. XVI.
Позднеев А. М. Монголия и монголы. Спб., 1896, т. I; 1898, , т. II.
Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири.— Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1866, кн. 4.
Потанин Г. Н. О караванной торговле с джунгарской Бухарией в XVIII столетии. М., 1868.
Потанин Г. Н. Наши сношения с джунгарскими владельцами.— Сб. историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах, Спб., 1875, т. II, вып. 1.
Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Спб., 1883, вып. IV.
Роборовский В. И. Путешествие в Восточный Тянь-Шань и в Нань-Шань. М., 1949.
Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.
Сюй Кэ. Цин байлэйчао («Материалы по истории династии Цин»). Шанхай, 1917, т. 6.
Сюй Сун. Сиюй шуйдао цзи.— Цин чао фаньшу юйди цуншу («Собрание сочинений о зависимых территориях династии Цин»). Тайбэй, 1968, т. 14.
Сяо И-шань. Циндай туншп («Сводная история эпохи Цин»). Шанхай, 1928, т. 2.
Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885.
Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVII в. М., 1965.
Хэ Цю-тао. Шофан бэй чэн («Полная летопись северных областей»). Б. м., 1881.

Ци Юнь-ши. Хуанчао фаньбу яолюэ («Сводка основных данных о вассалах августейшей династии»). Б. м., 1839.

Цин ши («История Китая периода династии Цин»). **Тайбэй**, 1961, т. I.

Цин ши гао («Черновая история династии Цин»). Мукден, 1928.

Циньдин вайфань мэнгу хуйбу ван гун бяочжуань («Высочайше утвержденные биографии вассалов — монгольских и восточнотуркестанских ванов и гунов). Б. м., 1772.

Циньдин Синьцзян шилюэ («Высочайше утвержденное описание Синьцзяна»). Б. м., 1823.

Циньдин хуанюй Сиюй тучжи («Высочайше утвержденное историко-географическое описание Западного края с картами»). Б. м., 1782.

Цишии (Чунь Юань). Сиюй цзияо (Основные сведения о Западном крае). Б. м., 1826.

Чимитдоржиев Ш. Б. Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа (XVII—XVIII вв.). Улан-Удэ, 1974.

Чунь Юань. Сиюй вэньцзянь лу («Записки о виденном и слышанном в Западном крае»). Б. м., 1772.

Юйдин пиндин чжуньгээр фанлюэ («Высочайше утвержденные планы по применению и покорности джунгур»). Б. м., 1772.

Abel-Remusat. Kao-Tsoung. Empereur de la Chine, de la Dinastie des Mandshous.— Noveaux Melanges Asiatiques. Paris, 1829, v. 2.

Amiot. Memoires concernant l'Histoire, les sciences, les arts, les meurs, les usages, etc. de chinoisi par les Missionaires de Pekin. Paris, MDCCLXXVI, t. I.

Chappe d'Auteroche. Voyage en Siberie. Amsterdam. 1769—1780, t. I—II.

Ching-ting Hsi-yü t'ung-wên-chih. Heset toktobuha argi aiman i hergen be emu obuha ejetun i bithe. Tokyo, 1962.

Courant M. L'Asie Centrale aux XVII et XVIII siecles. Empire Kalmouk u Empire Mantchou. Lion — Paris, 1912.

Denby Ch. The Chinese Conquest of Songaria.— Journal of the Peking Oriental Society, Peking, 1889, v. 3, N 1.

Eminent chinese of the Ch ing period (1644—1912). Ed. by Arthur W. Hummel. Washington, v. 1, 1943; v. II, 1944.

Gowen Herbert H., Hall Josef. An autline history of China. Washington — New York — London, 1926.

Haenisch E. Der chinesische Feldzug in Jli im Jahre 1755. Berlin, 1918.

Harcourt-Smith S. The emperor Chien — Lung.— History today, 1955, March.

Howorth H. H. History of the Mongols. London, 1876.

Klaproth J. Relations des troubles de la Dzoungarie et de la Petite Boukharie. Trad. de chinois.— Magazin Asiatique, 1826, t. 11.

Li Uug-Bing. Outlines of Chinese history. Shanghai, 1914.

Mailla Joseph Marie. Histoire générale de la Chine, ou annales de cet empire; traduites du Tong-Kien-Kang-Mou, par le feu Pére Joseph-Anne-Marie de Moyriac de Mailla. Paris, MDCCLXXX, t. XI.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вячеслав Семенович Кузнецов

АМУРСАНА

Ответственный редактор
Виталий Епифанович Ларичев

Утверждено к печати редколлегией
научно-популярной литературы
Сибирского отделения АН СССР

Редактор издательства *Д. Г. Харенко*
Художник *С. М. Кудрявцев*
Технический редактор *Ф. Ф. Орлова*
Корректоры *Г. Д. Смоляк, С. В. Блинова*

ИБ № 10232

Сдано в набор 31.05.79. Подписано к печати 23.07.80. МН-05556. Формат 84×108[1]/32. Бумага книжно-журнальная. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 9,2. Уч.-изд. л. 9,2. Тираж 29 800 экз. Заказ № 547. Цена 30 коп.

Издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099. Новосибирск, 99, Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

30 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
готовит к выпуску книгу:

Кычанов Е. И. Повествование об ойротском Галдане Бошокту-хане. 10 л.

В центре книги стоит фигура Галдана — крупного монгольского политического деятеля второй половины XVII в., хана Джунгарии. Описывая события, связанные с его деятельностью, автор дает широкую картину политических и социально-экономических условий жизни монголов той эпохи. В полном соответствии с историческими фактами описываются монголо-китайские отношения, дается их верная интерпретация и оценка.

Книга представляет интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ